

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра финансового права и правового регулирования
хозяйственной деятельности

ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Материалы международного научно-практического
круглого стола

Минск, 21 октября 2021 г.

В двух частях

Часть 2

МИНСК
БГУ
2021

УДК 346(06)
ББК 67.404.91я431
Т33

Редакционная коллегия:
доктор юридических наук, профессор *Н. Л. Бондаренко* (гл. ред.);
кандидат юридических наук, доцент *О. М. Куницкая*;
кандидат юридических наук, доцент *Т. М. Халецкая*;
Е. С. Ульянова

Рецензенты:
профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
доктор юридических наук *В. А. Витушко*;
заместитель директора по научной работе и международным связям
ГУО «Институт бизнеса Белорусского государственного университета»
кандидат юридических наук, доцент *В. В. Манкевич*

Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения
Т33 развития экономики : материалы междунар. науч.-практ. круглого
стола, Минск, 21 окт. 2021 г. В 2 ч. Ч. 2 / Белорус. гос. ун-т ; ред-
кол.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. –
198 с.

ISBN 978-985-881-237-9.

Представлены результаты исследования теории и практики правового регулирования хозяйственных отношений в различных сферах, в том числе применения законодательных положений по созданию прорывных условий для развития новых технологий в экономике, а также предложения по разрешению проблем оптимального правового регулирования соответствующих общественных отношений с точки зрения соотношения интересов государства, общества и бизнеса.

УДК 346(06)
ББК 67.404.91я431

ISBN 978-985-881-237-9 (ч. 2)
ISBN 978-985-881-235-5

© БГУ, 2021

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ДЕТЕРМИНАНТАМИ

Е. А. Лазарчук

*Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, ул. Мичурина, 5, 213407,
г. Горки, Могилевская обл., Беларусь, lazarchukelena@mail.ru*

В статье рассмотрены актуальные вопросы обусловленности правового регулирования хозяйственной деятельности экономическими детерминантами, приведены примеры таких детерминант, сделан вывод о необходимости разработки и введения инструментов юридического прогнозирования динамики государственно-правовых институтов для оптимального сочетания национальных целей с самостоятельностью хозяйствующих субъектов и улучшения механизма принятия экономических решений.

Ключевые слова: правовое регулирование; экономические детерминанты; социальная направленность регулирования экономической деятельности.

Взаимодействие права и экономики прослеживается на протяжении всего исторического развития общества и государства. Формирование государства как целостной структуры и правовое регулирование общественных отношений напрямую связано с экономическим потенциалом страны. Эта связь прослеживается также через основные функции государства. Для обеспечения выполнения своих функций государству необходимо иметь, поддерживать и развивать достаточный уровень экономического развития.

Еще в XIX в. немецким философом и ученым К. Марксом была разработана концепция, согласно которой право, как целостный институт, входит в надстройку поверх всеобъемлющего базиса экономики. «Реальный базис (производственные отношения) есть основание и условие, первичный и определяющий момент для политической и юридической надстройки». Как отмечает В. М. Матарас, характеризуя историко-материалистическую теорию права «производственные отношения как бы трансформируют в надстройку некоторую сумму признаков, из которых и складывается право» [1, с. 93].

Экономический детерминизм права можно рассматривать как одно из самых ценных положений данной теории, которое актуально до сих пор. Однако стоит отметить, что даже сторонники марксистско-ленинского учения в ранние периоды развития СССР были непоследовательны, наблюдался иной подход: впереди шло правовое регулирование, а не экономическое развитие [2].

Особое внимание при взаимодействии права и экономики следует уделить их связи, которая прослеживается в течение экономико-социальных преобразований внутри общества. В современной истории Республики Беларусь подобные преобразования можно проследить, например, при реализации правового эксперимента по внедрению института частных нотариусов, или на произошедшем в 2013–2014 гг. преобразовании судебной системы, а также на иных примерах.

Так, в 1990–1992 гг. в Республике Беларусь в связи с развитием рыночных отношений и предпринимательства, ростом имущественного оборота значительно возросло количество обращений граждан и юридических лиц в государственные нотариальные конторы за оказанием нотариальных услуг. В последующие три года количество государственных нотариусов была увеличена почти в два раза. Однако решить

проблему нотариального обслуживания населения не удалось. Это обстоятельство и послужило основанием для организации Правительством Республики в порядке эксперимента частной нотариальной деятельности [3].

26 ноября 1992 г. Верховный Совет Республики Беларусь принял постановление № 1986-ХІІ «Об организации в Республике Беларусь частной нотариальной практики» в целях полного и своевременного удовлетворения запросов населения Республики Беларусь в нотариальном обслуживании. С 1 февраля 1993 г. вплоть до введения в действие Закона Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» частная нотариальная практика существовала в республике в качестве эксперимента, который показал свою экономическую целесообразность, основанную на самофинансировании и самоокупаемости.

В Республике Беларусь необходимость повышения эффективности судопроизводства (в том числе ее экономической составляющей), сокращения бюджетных расходов в стране стали важными причинами реформы судостроительства, которая была проведена в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6, когда вместо двух систем общих и хозяйственных судов была создана единая система судов общей юрисдикции. Полагаем, что создание единой системы судов общей юрисдикции соответствовало запросам и возможностям экономики Республики Беларусь.

Приведенные выше и другие гармонизированные правовые преобразования имеют, прежде всего, нацеленность на оптимизацию и снижение экономического бремени, возложенного на государство. Полагаем, что идею создания единого нормативного акта, регулирующего гражданское и экономическое судопроизводство, и связанные с этим изменения Конституции Республики Беларусь по вопросам судебной власти, также следует рассматривать с позиции соответствия экономическим потребностям общества и государства.

Гармонизация требований национальной экономики с вопросами правового регулирования прослеживается и на примере формирования свободных экономических зон, Китайско-белорусского индустриального парка «Великий камень» и других объектов инновационной инфраструктуры. Ведь на современном этапе развития гражданского оборота и хозяйственной деятельности необходимо прилагать усилия в области интеграции и повышении степени открытости национальных экономик. Одной из важных составляющих реализации программы дальнейшей интеграции белорусского бизнеса в мировую экономику, сохранения традиционных и поиска новых рынков сбыта продукции белорусского производства, создания условий для привлечения местных и иностранных инвестиций является создание свободных экономических зон (далее – СЭЗ).

Цели и задачи каждой из СЭЗ определяются в зависимости от функционального типа СЭЗ и устанавливаются в соответствующем Положении о СЭЗ. В основном это привлечение и эффективное использование инвестиций для создания и развития ориентированных на экспорт производств, основанных на современных и высоких технологиях, а также эффективное использование имеющихся производственных площадей. Однако есть и конкретные цели. Например, для СЭЗ «Гомель-Ратон» – это вовлечение в производственную деятельность нетрадиционных ресурсов и источников энергии; для СЭЗ «Брест» – расширение производства потребительских товаров и услуг; для СЭЗ «Минск» – повышение загрузки аэропорта «Минск-2» и дальнейшее развитие воздушного сообщения; для СЭЗ «Витебск» и «Могилев» – развитие и обеспечение эффективного использования имеющейся инженерной и транспортной

инфраструктуры, для СЭЗ «Гродноинвест» – трансформация в экономику региона передовых ресурсо- и энергосберегающих технологий.

В качестве не совсем удачного, но единственного примера декодификации в законодательной практике Республики Беларусь можно привести Инвестиционный кодекс Республики Беларусь, когда наблюдалось несоответствие правового регулирования экономическим детерминантам. Содержание кодекса оказалось не приспособленным к экономическим потребностям национальных хозяйствующих субъектов, не учитывало уровень экономического развития страны, а также степень заинтересованности иностранных инвесторов в развитии экономики Беларуси.

В отличие от Инвестиционного кодекса Республики Беларусь принятые впоследствии Законы 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» и от 17 июля 2017 г. № 52-З «Об инвестиционных фондах» в значительной степени сбалансировали правовой режим национальных и иностранных инвестиций, гарантировав иностранным инвесторам беспрепятственный перевод за пределы Республики Беларусь прибыли (доходов) и иных правомерно полученных денежных средств, связанных с осуществлением инвестиций на территории Республики Беларусь, платежей, производимых в пользу иностранного инвестора и связанных с осуществлением инвестиций, также беспрепятственный перевод компенсации в случае национализации или реквизиции имущества, являющегося инвестициями или образующегося в результате осуществления инвестиций.

Средства правового регулирования общественных отношений на современном этапе развития белорусского общества в значительной степени предопределены потребностями инновационного развития. Как справедливо отмечает С. А. Калинин «...Инновационное развитие возможно только при активной субъектной позиции государства и целенаправленном использовании публично-правовых инструментов» [1, с. 407].

Для организации инновационного развития как рискованной деятельности действительно необходима система прямого и косвенного управления экономикой. Такая система создана в Республике Беларусь и нашла свое оформление на уровне правовых предписаний. Сейчас решаются задачи создания устойчивой структуры для поддержки развития стартапов и малого бизнеса в регионах Беларуси.

Отметим, что в соответствии со ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь направление и координация государственной и частной экономической деятельности обеспечиваются государством в социальных целях, то есть в полной мере реализуется и принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности. Подтверждением этому выступает проведение финансового оздоровления организаций реального сектора экономики и принятие соответствующих нормативных правовых актов. Одним из последних примеров выступает Указ Президента Республики Беларусь от 15 октября 2021 г. «О стабилизации финансового состояния организаций», который принят в целях оптимизации долговой нагрузки предприятий в условиях пандемии и повышения эффективности их работы в сложных экономических условиях.

Таким образом, учет экономических детерминантов в правовом регулировании – необходимое условие успешного развития экономики страны и совершенствования законодательства. В идеале – разработка и введение инструментов юридического прогнозирования динамики государственно-правовых институтов в механизме воздействия на глобальные экономические и социальные процессы. Это позволит правильно сочетать реализацию национальных целей и проектов с планированием и

самостоятельностью хозяйствующих субъектов и улучшит механизм принятия экономических решений.

Библиографические ссылки

1. Общая теория права : пособие / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск : БГУ ; Четыре четверти, 2014.
2. Крашенинников, П. Страсти по праву: Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938 [Электронное издание]. М. : Статут, 2018.
3. Емельянова Т. Частный нотариат: 10 лет эксперимента // Юстиция Беларуси. 2003. № 2. С. 36–37.

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ИЗ СОСТАВА ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ ДЛЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С. И. Ласточкина

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Республика Беларусь, 7.iris@mail.ru*

В статье освещается значимость земель сельскохозяйственного назначения в структуре земельного фонда Республики Беларусь. Приводится правовой режим сельскохозяйственных земель согласно земельного законодательства Республики Беларусь. Рассматриваются и анализируются основания предоставления земельного участка из состава земель сельскохозяйственного назначения юридическому лицу для хозяйственной деятельности на территории Республики Беларусь. Рассматривается опыт зарубежных стран в сфере земельного законодательства по предоставлению земельных участков юридическим лицам для осуществления различных видов хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: земельный участок; земли сельскохозяйственного назначения.

В Республике Беларусь земля является важнейшим природным ресурсом, именно поэтому земельные ресурсы представляют собой неотъемлемую часть экономики нашего государства. В структуре земельного фонда Республики Беларусь земли сельскохозяйственного назначения занимают наибольшую площадь – 9127 тыс. га, или 44 % от общей площади государства [1]. В состав сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения входят пахотные (4796,2 га), луговые (2951,3 % га), залежные земли и земли под постоянными культурами (47,1 га) [1; 2]. Основные площади сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения находятся в пользовании у коллективных сельскохозяйственных организаций (98,4 %) и у крестьянских (фермерских) хозяйств (1,6 %) [2]. Согласно действующему законодательству Республики Беларусь земли сельскохозяйственного назначения составляют исключительную собственность государства [3]. Из всех категорий земель именно земли сельскохозяйственного назначения являются основой экономического благополучия страны [5].

В современных социально-экономических условиях Беларуси земельные ресурсы не рассматриваются на предмет купли-продажи, однако объекты недвижимости, расположенные на земельных участках, представляют интерес для инвестиций и в первую очередь из-за места расположения, а также из-за возможностей, которые можно реализовать, используя местоположения испрашиваемого земельного участка [6].

Правовой основой регулирования режима земель сельскохозяйственного назначения является в первую очередь Конституция Республики Беларусь [3]. На основе Конституции функционирует нормативно-правовая база, с помощью которой регулируются вопросы земельных отношений. Особое место в правовой системе принадлежит Кодексу Республики Беларусь о земле [4], где предусмотрены виды прав на землю: право собственности, пожизненного наследуемого владения, постоянного и временного пользования, аренда. Так, в соответствии с нормативными и правовыми документами земельные участки в Республике Беларусь предоставляются в постоянное пользование для различных целей только юридическим лицам. Кроме того, земельные участки предоставляются областными, Минским городским, городскими, районными, сельскими, поселковыми исполнительными комитетами на основании Указа Президента Республики Беларусь № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» [7, с. 27] юридическим лицам Республики Беларусь на праве постоянного или временного пользования, а иностранным юридическим лицам и их представителям – только на праве аренды. Вид права, на котором может быть предоставлен земельный участок (вещное право), определяется в соответствии с требованиями Указа №667, а также иных законодательных актов. В частности, предоставление земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения регулируется ст. 37 и 38 Кодекса Республики Беларусь о земле [4, с. 49]. Например, на основании названных статей изъятие и предоставление земельных участков из сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения для целей, не связанных с назначением этих земель, производятся областными и Минским городским исполнительными комитетами с соблюдением установленных требований, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь. Предоставление земельных участков из сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения юридическим лицам Республики Беларусь для целей не связанных с назначением этих земель [4, с. 49], производится после осуществления ими рекультивации земель на отведенных земельных участках и приведения их в надлежащее состояние для целей, определенных решением государственного органа, предоставившего эти земельные участки. Вместе с тем решения об изъятии и предоставлении земельных участков из сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения могут приниматься областными исполнительными комитетами только при условии согласования с Президентом Республики Беларусь места размещения таких земельных участков.

Указом Президента Республики Беларусь № 463 «О совершенствовании порядка изъятия и предоставления земельных участков» [8] осуществляется непрерывное совершенствование правового регулирования земельных отношений. Этим Указом предусмотрена обязанность областного исполнительного комитета направлять материалы согласования одновременно в Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь, в Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь (при изъятии земельного участка из сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения) и в комитет государственного контроля области, помощнику Президента Республики Беларусь – инспектору по области. При наличии хотя

бы одного заключения об отсутствии возможности изъятия и предоставления земельного участка место размещения не будет согласовано. Также Указом № 463 дополнен перечень случаев, когда не требуется согласование с Президентом Республики Беларусь места размещения земельных участков, изымаемых из сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения. Настоящим Указом уточнен и срок согласования организацией по землеустройству копии земельно-кадастрового плана (части плана) с нанесенными границами земельного участка по предполагаемому месту размещения земельного участка с заинтересованными органами и организациями. Срок разработки земельно-кадастровой документации может приостанавливаться до представления заключения юридического лица, в соответствии с учредительными документами которого выдача такого заключения возможна только после принятия соответствующего решения общим собранием участников юридического лица или его коллегиальным исполнительным органом. Заключение представляется в течение трех рабочих дней со дня принятия решения. Кроме того, Указом № 463 внесены корректировки в пункты 1, 5, и 7 Указа Президента Республики Беларусь № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» от 27 декабря 2007 г. [7]. Так, в п. 1 Указа № 667 в целях оперативного решения изъятия и предоставления сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения упрощен порядок согласования места размещения земельных участков для целей, не связанных с их назначением. В пункт 5 Указа № 667 внесены изменения по упрощению процедуры изъятия и предоставления земельных участков, а в п. 7 Указа № 667 расширен перечень случаев, когда в предоставлении земельного участка может быть отказано.

Земельное законодательство Российской Федерации наиболее схоже с белорусским законодательством по правовому регулированию земельных отношений. Например, в Российской Федерации действует федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [9], в соответствии с которым земли сельскохозяйственного назначения являются базовым ресурсом сельского хозяйства. Владение, пользование и распоряжение землями называется имущественными земельными отношениями, процесс предоставления земель регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации. Земельная реформа Российской Федерации также претерпела множество изменений. Так, в п. 1 ст. 10 исключено требование обязательного прохождения процедуры торгов в виде аукционов при предоставлении юридическим лицам земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной и муниципальной собственности, также изменены правила аренды земельных участков сельскохозяйственной категории.

Законодательство Российской Федерации позволяет владеть или пользоваться земельным участком с правом бессрочного (постоянного) пользования, а также безвозмездного срочного пользования, то есть государство имеет право выделять земельный участок бесплатно, но на какой-либо определенный срок. В этом случае законодательство Российской Федерации позволяет пользоваться земельным участком на праве пожизненного наследуемого владения.

В Республике Беларусь земельные участки могут находиться у юридических лиц как на праве постоянного пользования, так и на праве временного пользования. Так, на праве постоянного пользования в соответствии со ст. 15 Кодекса Республики Беларусь о земле [4, с. 19] у юридических лиц Республики Беларусь могут находиться земельные участки, предоставленные им до вступления в силу настоящего Кодекса. Также на праве постоянного пользования у юридических лиц могут находиться земельные участки, перешедшие к ним от других юридических лиц Республики

Беларусь. На праве временного пользования в соответствии со ст. 16 Кодекса Республики Беларусь о земле [4, с. 21] у юридических лиц Республики Беларусь могут находиться земельные участки, предоставленные им до вступления в силу настоящего Кодекса. Также юридическим лицам Республики Беларусь земельные участки могут предоставляться во временное пользование для добычи полезных ископаемых, для строительства объектов, необходимых для их переработки и хранения, – на срок, установленный законодательством об охране и использовании недр для указанных и обоснованных целей. Вместе с тем законодательными актами и решениями Президента Республики Беларусь могут устанавливаться и иные случаи предоставления земельных участков во временное пользование.

Согласно ст. 34 Кодекса Республики Беларусь о земле [4, с. 45], предоставление земельных участков, находящихся в государственной собственности, осуществляется в соответствии с порядком об изъятии и предоставлении земельных участков, установленном Президентом Республики Беларусь. Так, земельные участки, находящиеся в государственной собственности, предоставляются по результатам аукционов. Без проведения аукционов земельные участки могут предоставляться в случаях, устанавливаемых только Президентом Республики Беларусь. Вместе с тем предоставление земельных участков, находящихся в государственной собственности, осуществляется на основании решений об изъятии и предоставлении земельных участков в порядке, установленном Президентом Республики Беларусь (ст. 35 Кодекса Республики Беларусь о земле). В правоприменительной практике встречаются и случаи, когда земельный участок изымается для государственных нужд, тогда в решении о его изъятии и предоставлении должно быть указано, что этот участок изымается для государственных нужд с указанием оснований и с приложением копий документов, подтверждающих эти основания.

На основании п. 7 Указа Президента Республики Беларусь «Об изъятии и предоставлении земельных участков» от 27 декабря 2007 г. № 667 [7], лица, которым предоставляются земельные участки из сельскохозяйственных земель для целей, не связанных с ведением сельского хозяйства в срок до полутора лет без изъятия земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, обязаны возмещать потери сельскохозяйственного производства. Однако законодательством нашего государства предлагаются и другие условия. Так, при изъятии земельных участков из состава сельскохозяйственных земель для целей, не связанных с ведением сельского хозяйства, лица, которым предоставляются такие земельные участки, могут принять на себя обязательство вместо возмещения потерь сельскохозяйственного производства обеспечить разработку проектно-сметной документации по освоению неиспользуемых в сельском хозяйстве земель и проведение работ по вовлечению этих земель в сельскохозяйственный оборот. При этом разработка проектно-сметной документации и проведение указанных работ осуществляются заинтересованными лицами в срок, не превышающий двух лет со дня принятия решения об изъятии и предоставлении земельного участка, при условии, что площадь неиспользуемых в сельском хозяйстве земель должна быть не менее площади изымаемых земельных участков.

Земельным законодательством Республики Беларусь предоставляются юридическим лицам земельные участки из сельскохозяйственных земель для целей, не связанных с ведением сельского хозяйства. Например, для добычи полезных ископаемых, для строительства объектов, необходимых для их переработки и хранения; для строительства и обслуживания объектов недвижимого имущества, предназначенных для производства товаров.

В земельном законодательстве Российской Федерации предоставление юридическим лицам земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения производится на основании Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [9]. Согласно п. 1 ст. 10 земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, предоставляются юридическим лицам в порядке, установленном земельным кодексом Российской Федерации [10]. Например, в п. 4 действующей статьи юридическое лицо, которому земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, предоставлен в аренду и в отношении которого у исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления отсутствует информация о выявленных в рамках государственного земельного надзора и не устраненных нарушениях законодательства Российской Федерации при использовании такого земельного участка, вправе приобрести такой земельный участок в собственность или заключить новый договор аренды такого земельного участка в случае и в порядке, которые предусмотрены земельным кодексом Российской Федерации. Кроме того, земельные участки, находящиеся в фонде перераспределения земель, могут передаваться юридическим лицам в аренду, а также предоставляться им в собственность на возмездной или безвозмездной основе в случаях, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. В правоприменительной практике Российской Федерации встречаются и иные случаи. Например, в п. 8 ст. 10 указывается, в случае, если в орган исполнительной власти или орган местного самоуправления, уполномоченные на распоряжение земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения, поступило несколько заявлений о предоставлении такого земельного участка в аренду, соответствующий земельный участок предоставляется в порядке, установленном ст. 39 земельного кодекса Российской Федерации [10].

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 485 [11], разработан перечень поэтапных действий по изъятию и предоставлению земельных участков юридическим лицам для строительства и обслуживания объектов недвижимого имущества без проведения аукциона в двух случаях: когда проводится предварительное согласование места размещения земельного участка и когда не требуется такого согласования, а также перечень поэтапных действий по изъятию и предоставлению земельных участков иностранному юридическому лицу для тех же целей и на тех же основаниях. Так, в случае выбора места размещения земельного участка для возведения на нем объекта недвижимого имущества, связанного с необходимостью изъятия и предоставления земельного участка из сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения и о переводе таких земель в другие категории не связанные с назначением этих земель, при изъятии земельного участка из сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения изначально областным исполнительным комитетом направляется обоснование места размещения земельного участка, копии акта выбора с приложением копии земельно-кадастрового плана с границами выбранного земельного участка в Министерство сельского хозяйства и продовольствия и Комитет государственного контроля для получения заключения о возможности (отсутствии возможности) изъятия и предоставления земельного участка. В дальнейшем (после принятия положительного решения) процедура по изъятию и предоставлению земельных участков юридическому лицу для хозяйственной деятельности проходит ряд последовательных согласований с вышестоящими органами власти, основным из

которых является согласование предоставления земельных участков, испрашиваемых из земель сельскохозяйственного назначения, Президентом Республики Беларусь.

Заключение. В современных условиях изъятие и предоставление земельных участков является видом землеустроительных работ по перераспределению земель в целях регулирования землепользования в стране. Нормативная и правовая база в области изъятия и предоставления земельных участков в Республике Беларусь сформирована, однако в отдельных случаях иные пункты все же требуют доработки.

Основные положения порядка изъятия и предоставления земельных участков определяются Кодексом Республики Беларусь о земле. Так, в ст. 24 Кодекса Республики Беларусь о земле указывается, что порядок изъятия и предоставления земельных участков устанавливается Президентом Республики Беларусь. Поэтому основным нормативным правовым актом в рассматриваемой области земельных отношений является Указ № 667, которым утверждено Положение о порядке изъятия и предоставления земельных участков.

В соответствии с новой редакцией ч. 3 п. 2 Указа № 667, решения об изъятии и предоставлении земельных участков из сельскохозяйственных земель сельскохозяйственного назначения при переводе этих земель в другие категории в соответствии с п. 2 Указа № 667, принимаются областными исполнительными комитетами только при условии согласования с Президентом Республики Беларусь места размещения таких земельных участков.

Библиографические ссылки

1. Государственный земельный кадастр Республики Беларусь (по состоянию на 1 января 2021 г.). Минск: Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь, 2021.

2. Свитин В. А. Управление земельными ресурсами. В 5 т. Т. 1: Теоретические и методологические основы. Минск : Беларуская навука, 2019.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изм. и доп., прин. на республ. референдум. 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) на бел. яз. Минск: Амалфея, 2005.

4. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс]: принят Палатой представителей 17 июня 2008 г.: одобр. Советом Респ. 28 июня 2008 г.: с изм. и доп. в Закон Республики Беларусь, 24 октября 2016 г. № 439-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 15 ноября 2016 г., 2/2437.

5. Спрос на землю и ее предложение. Земельная рента [Электронный ресурс]. URL: http://www.life-prog.ru/1_12183_spros-na-zemlyu-ieee-predlozhenie-zemel'naya-renta.html (дата обращения: 12.10.2021).

6. Барановский С. И. Козлов А. С., Усевич В. А.. Экономическая теория. Минск : БГТУ, 2007.

7. Об изъятии и предоставлении земельных участков: Указ Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667: с изм. и доп. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16 июля 2021 г. № 275 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 17 июля 2021, 1/19802.

8. О совершенствовании порядка изъятия и предоставления земельных участков: Указ Президента Респ. Беларусь, 26 декабря 2017 г. № 463, одобр. Советом Респ. 31 декабря 2017 г. // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 26 сентября 2021 г., 1/16029.

9. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ в ред. от 28.06.2021г.: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021 г. Принят Государственной Думой 26 июня 2002 г., одобр. Советом Федерации 10 июля 2002 г. //

Консультант Плюс: Российская Федерация [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Российская Федерация. Москва, 2021.

10. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ в ред. от 02.07.2021 г.: с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021 г. // Консультант Плюс: Российская Федерация [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Российская Федерация. Москва, 2021.

11. Об изъятии и предоставлении земельных участков [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667: с изм. и доп. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 02 апреля 2020 г. № 485 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 17 июля 2021, 1/19802.

ГОСУДАРСТВО КАК ОБЛАДАТЕЛЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

С. С. Лосев

*Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь, sergei_losev@list.ru*

Исследуются актуальные проблемы определения государства в качестве обладателя исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; исключительные права; государство как участник гражданских правоотношений.

Дискуссия об участии государства в гражданско-правовых отношениях имеет давнюю историю. Одним из аспектов данной дискуссии является возможность государства как субъекта гражданского права быть обладателем прав интеллектуальной собственности.

В советском гражданском законодательстве государство прямо называлось в качестве возможного правообладателя. Так, ст. 110 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик предусматривала для автора изобретения возможность получения авторского свидетельства с передачей государству исключительного права на изобретение; в последующем аналогичная норма была предусмотрена в отношении промышленных образцов. Статья 106 Основ допускала возможность принудительного выкупа у автора или его наследников авторского права на издание, публичное исполнение и иное использование произведения, при этом в качестве приобретателя прав предполагалось именно государство.

Переход постсоветских государств к рыночным отношениям существенно изменил роль государства как субъекта гражданских правоотношений. Применительно к праву интеллектуальной собственности роль государства как участника правоотношений существенно уменьшилась, – законодательство постсоветских государств, достаточно подробно регулируя отношения в области охраны, осуществления и защиты прав интеллектуальной собственности, по общему правилу на упоминает государство в качестве участника данных правоотношений. Как отмечал Е. А. Суханов, участие Российской Федерации или ее субъектов в правоотношениях в сфере исключительных прав носит характер исключения [1, с. 389].

Тем не менее, государство как субъект гражданских правоотношений по-прежнему может выступать в роли правообладателя. Цель настоящего исследования видится в том, чтобы определить наиболее адекватную модель правового регулирования отношений, возникающих в связи с определением государства в качестве обладателя исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Данное исследование будет проведено на примере Республики Беларусь и Российской Федерации, что обусловлено близостью правовых систем, а также совместным участием в проекте евразийской интеграции, предполагающим гармонизацию ключевых норм гражданского законодательства.

Общие нормы, посвященные участию государства в гражданских правоотношениях, сформулированы в законодательстве Беларуси и России единообразно: согласно ст. 124 ГК РФ Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений – гражданами и юридическими лицами; к ним применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов; согласно ст. 124 ГК РБ Республика Беларусь, административно-территориальные единицы участвуют в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных с иными участниками этих отношений – физическими и юридическими лицами; к ним применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из законодательства или особенностей данных субъектов. Отличие состоит лишь в том, что российский законодатель употребляет родовое понятие «публично-правовых образований».

Общие правила осуществления государством своей гражданской правоспособности также определены единообразно: от имени Республики Беларусь, Российской Федерации и ее субъектов приобретать права и обязанности могут своими действиями органы государственной власти в рамках установленной компетенции, от имени административно-территориальных единиц, муниципальных образований – органы местного управления и самоуправления.

Однако приведенных норм объективно недостаточно. Давая общую оценку проблемы, С. А. Грипич в своей диссертации отмечает, что Гражданский кодекс РФ не выделяет те объекты, исключительные права на которые могут принадлежать публично-правовым образованиям, не содержит отдельной нормы о правовом положении публично-правовых образований как участников отношений, объектами которых выступают исключительные права, не конкретизирует виды принадлежащих им интеллектуальных прав, а также не содержит унифицированных норм об основаниях приобретения и прекращения таких прав. В связи с этим возникают споры относительно принадлежности публично-правовым образованиям исключительных прав на отдельные объекты смежных прав, товарные знаки, наименования мест происхождения товаров, секреты производства (ноу-хау) [2, с. 5].

Как отмечает М. Ю. Челышев, в проблематике участия государства в отношениях интеллектуальной собственности есть, как минимум, две составляющие: во-первых, вопрос о том, какие права на результаты интеллектуальной деятельности могут

принадлежать публично-правовым образованиям, и, во-вторых, каковы механизмы закрепления данных прав, их осуществления и распоряжения [3, с. 27–28].

Преобладающим является мнение, согласно которому вектор правосубъектности публично-правовых образований, вступающих в гражданские правоотношения по поводу интеллектуальных прав, направлен исключительно на удовлетворение публичных потребностей [4, с. 29].

Применение к государству как участнику гражданских правоотношений правил, установленных в отношении юридических лиц, в определенной мере определяет объем гражданской правосубъектности государства. В связи с этим в цивилистической науке общепринятым является представление о том, что государство может выступать обладателем именно имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности [3, с. 28; 4, с. 30].

Однако спектр этих прав и оснований их приобретения достаточно широк. Приведем краткий обзор возможных оснований приобретения государством прав в отношении объектов интеллектуальной собственности.

Анализ норм гражданского законодательства Беларуси и России позволяет говорить о том, что государство может стать приобретателем исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности на основании договора. При этом заключение договоров, предполагающих отчуждение исключительного права в пользу государства, может быть обусловлено публичным интересом: необходимость приобретения исключительного авторского права на произведение скульптуры муниципальным органом власти для его выставления в городском парке либо приобретение исключительного права, вытекающего из патента, для производства социально значимого продукта и др.

Государство как субъект гражданских правоотношений может становиться первоначальным обладателем исключительных прав. Однако в этом случае круг объектов, как представляется, ограничен товарными знаками и географическими указаниями. Несмотря на то, что государство прямо не называется в числе субъектов, которые могут быть владельцами товарных знаков или географических указаний, это возможно в силу применения в отношении государства правил о юридических лицах. Вопрос о закреплении именно за государством прав на указанные средства индивидуализации становится актуальным в связи с обсуждением вопроса о создании национальных брендов, представляющих собой своего рода «визитную карточку» государства.

Более сложным представляется вопрос о возможности государства приобретать исключительные права в порядке наследования. В научных исследованиях обосновывается принципиальная возможность наследования имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности государством [5, с. 52–53]. Гражданское законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации, включая имущественные права в отношении объектов интеллектуальной собственности, в наследственную массу, позволяет наследодателю распорядиться ими, завещав их государству (ст. 1037 ГК РБ и ст. 1116 ГК РФ). В случае отсутствия наследников как по закону, так и по завещанию, в отношении указанных прав должны применяться правила о наследовании выморочного наследства и данные права должны переходить государству. При этом судьба прав будет различна: с точки зрения белорусского законодательства обладателем прав должна стать соответствующая административно-территориальная единица, с точки зрения российского – Российская Федерация. Сложность видится в том, что государство в целом (местные органы) в отсутствие прямого указания закона

не стремятся вступать в права наследства и принимать на себя бремя осуществления прав интеллектуальной собственности, а также не передают эти права в управление подчиненным организациям.

Еще более сложным представляется вопрос о возможности применения в отношении исключительных прав института национализации и обращения взыскания по обязательствам (например, по обязательствам перед бюджетом). Несмотря на очевидную аналогию с нормами вещного права, распространение этих институтов на права интеллектуальной собственности в порядке аналогии закона невозможно в связи законодательным запретом применения по аналогии норм, ограничивающих гражданские права и устанавливающих ответственность (ст. 5 ГК РФ).

Безусловно, наибольшего внимания заслуживает вопрос о принадлежности государству исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые при финансовой поддержке государства.

Данный вопрос достаточно подробно исследован российскими правоведом. Ответ на вопрос о механизмах закрепления прав интеллектуальной собственности за публично-правовыми образованиями М. Ю. Челышев находит в нормах части четвертой ГК РФ, предусматривающих возможность закрепления за государством прав на результаты интеллектуальной деятельности, которые созданы при выполнении работ по государственному или муниципальному контракту (статьи 1298, 1373, 1432, 1464 и 1471) [3, с. 28]. Как отмечает автор, практически во всех приведенных нормах использован единый подход, согласно которому исключительные права закрепляются за исполнителем, «... если иное не установлено в самом контракте», что допускает не только принадлежность прав публично-правовым образованиям, но также и совместное с исполнителем обладание правами [3, с. 28–29].

Л. Б. Ситдикова и Е. Б. Крылова именно исполнение государственного или муниципального контракта определяют в качестве основного способа возникновения интеллектуальных прав у публично-правовых образований на результаты интеллектуальной деятельности (произведения, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, а также секреты производства (ноу-хау); при этом данные авторы отдельно рассматривают вариант совместного правообладания исполнителем и публично-правовым образованием, определяя его как «... очередной шаг в нормативно-правовом обеспечении публично-частного партнерства». В качестве второго способа возникновения прав интеллектуальной собственности у публично-правовых образований авторы называют приобретение этих прав «общегражданскими способами», одинаковыми с иными субъектами гражданских правоотношений [4, с. 29–30].

Нельзя не сказать о том, что закрепленные в российском законодательстве правила о принадлежности прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при выполнении государственного или муниципального контракта, в ближайшее время претерпят существенные изменения. Вступающая в действие с 1 января 2022 г. норма ст. 1240.1 ГК РФ презюмирует принадлежность права на получение патента и исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, созданный при выполнении государственного или муниципального контракта исполнителю, а также допускает возможность совместного обладания правами исполнителем и публично-правовым образованием. В то же время законодатель императивно определяет принадлежность указанных прав Российской Федерации, если полученный результат непосредственно связан с обеспечением обороны и безопасности, за исключением случаев, определяемых Президентом Российской Федерации. В иных случаях право

на получение патента и исключительное право на созданный результат будут принадлежать публично-правовому образованию в одном из следующих случаев: 1) если такой результат интеллектуальной деятельности необходим для осуществления государственных (муниципальных) функций; 2) исполнитель в течение 12 месяцев с даты приемки работ по контракту не обеспечил совершение всех зависящих от него действий, необходимых для признания за ним прав интеллектуальной собственности; 3) результат создан в рамках контракта, заключенного в целях реализации международных обязательств Российской Федерации.

В законодательстве Республики Беларусь достаточно подробно регламентирован порядок распоряжения государственной собственностью, – для конкретизации норм ГК принят специальный законодательный акт – Указ Президента Республики Беларусь от 10 мая 2019 г. № 169 «О распоряжении государственным имуществом», в котором определены возможные формы распоряжения имуществом и порядок принятия решений о распоряжении в зависимости от стоимости имущества. При этом в отношении объектов интеллектуальной собственности, исключительные права на которые могут принадлежать государству, аналогичное регулирование отсутствует. В качестве исключения можно привести лишь норму подп. 1.5 Указа Президента Республики Беларусь от 5 декабря 2011 г. № 567 «О мерах по государственной поддержке и стимулированию развития кинематографа», согласно которому обладателем имущественных прав на национальные фильмы и фильмы в рамках социально-творческих заказов в доле бюджетных средств, затраченных на производство фильмов, является Республика Беларусь в лице Министерства культуры. Министерство культуры имеет право реализовывать имущественные права на фильмы (в том числе на безвозмездной основе).

Основная тяжесть правового регулирования отношений, связанных с объектами интеллектуальной собственности, создаваемыми с использованием бюджетных средств, в настоящее время лежит на Указе Президента Республики Беларусь от 4 февраля 2013 г. № 59 «О коммерциализации результатов научной и научно-технической деятельности, созданных за счет государственных средств». Однако специфика данного нормативного акта состоит в том, что в его нормах сделан акцент на вопросах коммерциализации, под которой понимается практическое использование результатов научной и научно-технической деятельности, в связи с чем данный указ в качестве общего правила предусматривает закрепление имущественных прав за исполнителем, создавшим данные результаты в рамках договора на выполнение НИОКТР. Кроме того, круг субъектов отношений, регулируемых Указом № 59, в принципе не включает государство как самостоятельного субъекта гражданского права; нормы указа исходят из возможности, а в отношении результатов, связанных с интересами государственной безопасности Республики Беларусь – обязанности закрепления имущественных прав за государственным заказчиком, в качестве которого выступает распорядитель бюджетных средств, т. е. государственный орган или государственная организация.

Говоря о гармонизации подходов в правовом регулировании, нельзя не сказать о том, что постановлением Межпарламентской ассамблеи государств – участников СНГ № 20-13 от 7 декабря 2002 г. утвержден Модельный закон «О реализации прав государства на объекты интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий». Статья 1 данного модельного закона определяет предмет его регулирования как отношения в сфере реализации прав государства на объекты интеллектуальной собственности, полученные при бюджетном финансировании, включенных в состав имущественных комплексов государственных и муниципальных унитарных предприятий,

специализированных государственных учреждений и фондов. Однако в нормах Модельного закона основной акцент сделан не на определении порядка приобретения и распоряжения правами интеллектуальной собственности от имени государства как правообладателя, а на организационных аспектах, таких как планирование НИОКТР, выполняемых за счет бюджетных средств, заключению государственных контрактов, а также соглашений о совместных исследованиях и разработках. Можно выделить норму п. 2 ст. 3, согласно которой органы государственной власти и органы местного самоуправления осуществляют реализацию прав на результаты интеллектуальной деятельности через государственные и муниципальные предприятия и организации. Давая общую оценку указанному Модельному закону, можно сделать вывод о том, что он в силу присущих ему недостатков не может быть принят за основу в процессе формирования национального законодательства, регулирующего вопросы принадлежности государству прав интеллектуальной собственности.

Резюмируя проведенное краткое исследование, следует отметить как важность вопроса участия государства в отношениях, связанных с принадлежностью и осуществлением исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, так и его недостаточное регулирование в нормах гражданского законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. Сравнительно-правовой анализ позволяет говорить об имеющихся различиях в подходах национальных законодателей. При этом, как представляется, законодательный опыт Российской Федерации в части регулирования отношений, связанных с определением принадлежности прав на результаты интеллектуальной деятельности, создаваемых в рамках государственных и муниципальных контрактов, предполагающий более детальную правовую регламентацию, может быть использован в качестве модели в процессе гармонизации национальных законодательств Беларуси и России.

Библиографические ссылки

1. Гражданское право: в 4 т. Т. 1. Общая часть : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2007.
2. Грипич С. А. Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации публично-правовых образований : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. Москва, 2013.
3. Чельшев М. Ю. О правах публично-правовых образований на результаты интеллектуальной деятельности // Гражданское право. 2008. № 3. С. 27–31.
4. Крылова Е. Б., Ситдикова Л. Б. Интеллектуальные права публично-правовых образований // Юрист. 2011. № 12. С. 28–32.
5. Гульбин Ю.Т. Гражданско-правовая охрана средств индивидуализации товаров в рыночных условиях : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / [Место защиты: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ]. Москва, 2014.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ АГЕНТСКОГО ДОГОВОРА В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ю. О. Лысаковская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lysakovskaya@bsu.by*

На основе анализа правового регулирования агентирования в национальных правовых системах стран общего и континуального права, в том числе опыта стран – участниц ЕАЭС, автор предлагает собственный доктринальный подход к институализации агентского договора в праве Республики Беларусь с учетом публично-правового и частно-правового аспектов, отмечают особенности правовой природы агентских отношений и соглашений сторон агентского характера.

Ключевые слова: агентский договор; соглашение сторон агентского характера; публичный и частный интерес; характер имущественных прав.

Современная экономическая интеграция характеризуется активным ростом международной коммерции, ростом актуальности посреднических услуг, что требует унификации экономической политики и законодательной базы. В национальной экономической системе практика применения посреднических сделок, в том числе агентских соглашений как особого способа осуществления торговли не только товарами, работами и услугами, но и результатами интеллектуальной деятельности, отмечается определенным ростом. И эта тенденция – в отсутствие правового регулирования агентского договора как института Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ), но при наличии в национальном праве в иных отраслях таких терминов как «налоговый агент», «страховой агент», «брокер» и фактическом существовании целого комплекса общественных отношений гражданско-правового, хозяйственно-правового и даже административно-правового характера, по своей природе фактически являющиеся агентскими.

Отечественными субъектами хозяйствования применяется некий симбиоз договора поручения и (или) комиссии, возмездного оказания услуг, специальные нормы регулирования которых слишком скудны для урегулирования сложного и емкого комплекса правоотношений принципала и агента, характеризующих привычный для иностранных правовых систем институт агентирования. Указанное обстоятельство негативно сказывается на сторонах посреднических сделок, порождает поводы для признания таких сделок незаключенными и (или) недействительными, лишает стороны действенных способов защиты их прав и интересов [1, с. 75].

Хотя наличие императивных норм и направлено на реализацию в международном частном праве идеи равноценности и взаимозаменяемости правопорядков, так как применение не только собственного материального права (*lex fori*), но и правовой системы любого другого государства обеспечивает эффективное и справедливое правовое регулирование частноправовых отношений [1, с. 75], в случае с агентским договором существующий публичный порядок Республики Беларусь «блокирует» специфические условия агентского договора (например, соглашение о не конкурировании, условие о компенсации в случае досрочного расторжения агентского договора) (ст. 1099 ГК РБ).

Агентский договор как и иные посреднические договоры оформляет отношения представительства, проблематика дефиниции которого все еще относится к числу

наиболее дискуссионных проблем современной цивилистики. В целях определения места агентских правоотношений в системе общественных отношений, предмета агентского договора следует проанализировать правоприменительную практику и доктринальный подход различных правовых систем.

Англо-американская модель – институт агентирования представляет собой сложную гражданско-правовую конструкцию, четко регламентированную законодательством; договор поручения и договор комиссии отсутствуют. В праве Англии и США агентскими признаются любые виды отношений в любой сфере, при которых одно лицо (агент), привлеченное другим лицом (принципалом), совершает какие-либо действия так, что, с одной стороны, агент самостоятельно не принимает решения о заключении договоров (*independent contractor*), а с другой, – не выступает в роли лица, оказывающего в силу своего служебного положения услуги фактического характера, не связанные с содействием в заключении сделки (*servant*) [1, с. 77].

Термин «агент» в праве Англии и США применим в случае и юридического, и фактического представительства, выделяя две формы: агент приобретает права и обязанности для принципала или агент принимает права и обязанности для себя и в последующем передает результат принципалу. Отметим, что агент вправе действовать от своего имени, не раскрывая информацию, что он действует в интересах некоего принципала [1, с. 77].

Английский Закон о факторах (*Factors Act 1889*) специально выделяет так называемых торговых агентов (*mercantile agents*), к которым относятся лица, в рамках своей обычной коммерческой деятельности в качестве такого агента либо продает товары, либо реализует товары с целью продажи, либо покупает товары или привлекает финансирование под обеспечение товаров (факторы, брокеры, агенты делькредере) (п. 1 Закона о факторах). К факторам и право Англии, и право США относят прежде всего специальный тип агента, привлекаемого скрытым принципалом для продажи его товаров за агентское вознаграждение. Товары фактору передаются либо самим принципалом, либо иными (третьими) лицами. На равне с фактором могут использоваться такие термины, как консигнационный агент (*consignee agent*) или комиссионный агент (*commission agent*), а право США использует и название «комиссионный торговец» (*commission merchant*).

В случае с агентом делькредере (*del credere*) агент выступает своего рода поручителем покупателя перед принципалом в части исполнения обязательства по оплате товара. В США, равно как и в праве стран континентальной Европы, фактор, продающий товар в кредит, считается для принципала агентом делькредере в силу нормы права [4].

Таким образом, в праве Англии, так же, как и в праве США, правовой статус агента предполагает совершение наряду с юридическими действиями фактических действий в целях содействия в заключении сделок между принципалом и третьими лицами, например, проведение агентом переговоров, поиск покупателей, продвижение и реклама товаров принципала и др.

Континентальная модель представительства. В законодательстве стран континентальной правовой системы либо отсутствует термин «агентский договор» (Франция – французская доктрина) либо термин «агент» существует наряду с иными формами посредничества и представительства (поручение, комиссия) (Германия, Италия – немецкая доктрина).

Французская доктрина представительства подчиняет агентские отношения нормам Гражданского кодекса Франции о договоре поручения и нормам Торгового

кодекса Франции о коммерческом агенте. Согласно французскому законодательству, коммерческий агент должен регистрироваться в специальном реестре Коммерческого суда по месту нахождения коммерческого агента. Делькредере возможно исключительно в письменной форме, в то время как сам контракт может быть заключен и устно, т. е. агентирование выступает сложным комплексом правоотношений, выходящим за границы гражданского законодательства.

В Германском торговом уложении деятельность агента регулируется и нормами о «торговом представителе» [1, с. 77; 2, с. 132]. При этом общая норма о предоставлении сторонами достаточной и необходимой информации до заключения соглашения (доктрина эстоппеля, *culpa in contrahendo*), вытекающая из прецедентного права Германии, играет несколько ограниченную роль в области агентских соглашений.

Таким образом, немецкая и французская доктрины представительства определяют правовую природу агентских правоотношений как комплекс хозяйственно-правовых правоотношений.

В рамках интеграционных процессов ЕАЭС особый интерес вызывает правовое регулирование агентирования в государствах – членах.

Доктринальный подход к агентированию как к производному от договора комиссии и (или) поручения закреплен в главе 52 Гражданского кодекса Российской Федерации. В праве России агентский договор является самостоятельным видом гражданско-правового договора, особенности правового регулирования обусловлены влиянием и англо-американской системы права и континентальной системы права, в связи с чем на практике возникает ряд коллизий, в частности при определении характера договорных отношений сторон [1, с. 78].

В Казахстане агентский договор не институционализирован в самостоятельную правовую конструкцию, поскольку традиционно в качестве агентских правоотношений рассматриваются правоотношения по исполнению договоров поручения, комиссии, подряда, возмездного оказания услуг. Данный подход закреплен в Налоговом кодексе Казахстана: под агентскими договорами (соглашениями) понимаются договоры (соглашения) гражданско-правового характера, заключенные в соответствии с законодательством Республики Казахстан, по которым одна сторона (агент) обязуется за вознаграждение совершать по поручению другой стороны определенные действия от своего имени, но за счет другой стороны либо от имени и за счет другой стороны [3].

Отличен от рассмотренных подходов и доктрин в странах ЕАЭС опыт Украины. Так, агентский договор является договором коммерческого посредничества (глава 31 Хозяйственного кодекса Украины «Коммерческое посредничество (агентский отношения) в сфере хозяйствования»), агентом по которому вправе выступать только субъекты предпринимательской деятельности (индивидуальные предприниматели, коммерческие организации). В случае договоров комиссии и поручения представительская функция может быть поручена и физическим лицам без статуса субъекта предпринимательской деятельности [5].

В отечественной правовой доктрине агентирование рассматривается скорее как правовой институт, производный по отношению к договору комиссии (косвенное представительство) и договору поручения (прямое представительство) [2, с. 131]. Отметим, что в случае с агентскими правоотношениями белорусский правоприменитель не следует за российским законодателем, скорее, Беларуси ближе понимание агентских правоотношений и агентских договоров, свойственное казахской правовой системе. Так, Я. И. Функ определяет, что «в рамках агентского договора, наряду с отношениями, близкими либо договору комиссии, либо договору поручения,

присутствуют также отношения чистого посредничества, которое определяется через отношения маклерства либо брокерства, а в праве Республики Беларусь реализуются через договор подряда или договор возмездного оказания услуг» [4].

На основании вышеизложенного можно отметить, что единого, универсального подхода в понимании правовой природы агентских правоотношений не существует.

В Республике Беларусь в отсутствие правовое регулирование агентского договора фактически сложился правовой обычай:

агентские правоотношения – комбинация норм, регулирующих правоотношения сторон по договору поручения либо по договору комиссии;

принцип свободы договора и нормы о смешанном договоре позволят выйти «за пределы» поручения и комиссии, но в пределах императивных норм (антимонопольного законодательства, например), что порождает множество рисков и сложностей на практике [1, с. 76].

Фактически в рамках национальной правовой системы сформулирована доктрина агентских правоотношений близкая к англо-саксонской доктрине, де-юре агентские правоотношения ограничиваются конструкциями поименованных договоров (договоры комиссии, поручения, подряда и возмездного оказания услуг и др.).

Представляется целесообразным сформировать уникальную правовую конструкцию агентских правоотношений посредством применения лучшего из опыта иностранных правовых систем, включая страны – участницы ЕАЭС, устранив недостатки и пробелы, свойственные праву многих зарубежных стран, включая право Российской Федерации.

Во-первых, поскольку правовая и организационная природа агентских правоотношений не может быть вписана в привычную конструкцию конкретного договорного типа, категорию «агентский договор» невозможно рассматривать как отдельный вид или тип договора. Категория «агентский договор» не является категорией, характеризующей вид гражданско-правового договора или даже гражданско-правовой тип.

Во-вторых, агентские правоотношения следует определять как комплекс хозяйственно-правовых отношений между агентом и принципалом. То есть категория «агентский договор» представляет собою группу соглашений сторон агентского характера, в рамках которой сконцентрирован комплекс договоров между принципалом и агентом (и даже – договорных типов), общим признаком которых является наличие «базового предмета соглашений сторон агентского характера».

В-третьих, оперировать термином «предмет агентского договора» некорректно, полагаем, корректно использовать как обобщающую категорию «базовый предмет соглашений сторон агентского характера».

В-пятых, соглашения сторон агентского характера имеют различную сущность и правовую конструкцию:

часть из них является гражданско-правовыми договорами (например, договор комиссии);

большая часть соглашений сторон агентского характера представляет собою особую группу хозяйственно-правовых договоров, воплощаемых в два типа соглашений сторон:

хозяйственно-правовые договоры без публичного элемента (соглашения сторон о коммерческом представительстве; о выполнении агентом фактических действий, об использовании агентом исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности принципала и др.);

нормативные договоры [6, с. 40]), обусловленные наличием публично-правового элемента, обеспечивающего реализацию публичного интереса (концессионный договор; соглашение о государственно-частном партнерстве и др.).

Следует отграничить агентирование от отношений, складывающихся по поводу представительства, осуществляемого на основании доверенности, по критерию возникновения у агента и принципала взаимных прав и обязанностей фидуциарного характера, и не следует ограничивать сферу агентских правоотношений (и как следствие, формирования механизма агентских договоров):

только сферой коммерческого представительства (опыт Украины);

рамками правовой конструкции гражданско-правового договора, констатируя, что большая часть таких договоров имеет в чистом виде хозяйственно-правовую природу;

рамками частных правоотношений, так как комплекс общественных отношений агентского характера сконцентрирован в публично-правовой сфере (концессии, соглашение о государственно-частном партнерстве).

Представляется, что сделанные нами выводы имеют концептуальный характер, поскольку позволяют сформировать доктринальное представление о правовой природе и сущности целого комплекса общественных отношений публичного и частного характера, которые можно объединить с использованием предложенного нами института «базового предмета соглашений сторон агентского характера».

Библиографические ссылки

1. Лысаковская Ю. О. Правовое регулирование агентирования: компаративный анализ законодательства Республики Беларусь и некоторых стран общего и континентального права // Российский правовой журнал. 2021. № 1(6).

2. Лысаковская Ю. О. Агентский договор: особенности правового регулирования в Республике Беларусь и зарубежных правовых системах // Третьи цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной [Электронный ресурс] : сборник статей / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; под общ. ред. Н. Л. Бондаренко [и др.]. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2021.

3. Скрыбин С. В. Агентский договор в системе посреднических правоотношений в гражданском праве: опыт зарубежных стран и перспектива его внедрения в гражданское законодательство Республики Казахстан // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/wniobzor/spr002> (дата обращения: 28.09.2021).

4. Функ Я. И. Профессионально об актуальном: Агентский договор в праве Англии, США и России. Возможность использования агентского договора в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2018/december/31941/> (дата обращения: 28.09.2021).

5. Лысаковская Ю. О. Особенности правового регулирования расторжения агентского договора: практика Германии и Украины // Международная научно-практическая конференция «Влияние интеграционных тенденций на развитие национального права», Одесский государственный университет внутренних дел, г. Одесса, Украина, 19 февраля 2021 г. // Вплив інтеграційних тенденцій на розвиток національного права : матеріали міжнародної науково-практичної конференції м. Одеса, 19 лютого 2021 р. / редкол. В. П. Маковій та ін. Одеса: ОДУВС, 2021. С. 89–91.

6. Конаневич Ю. Г. Фискальное право : монография. Минск : Ковчег, 2018.

ВРЕМЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СОДЕРЖАНИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В. П. Маковії

*Одесский государственный университет внутренних дел,
ул. Успенская, 1, 65045, г. Одесса, Украина, takoviy09@i.ua*

Определено место временных величин в структуре механизма правового регулирования хозяйственных правоотношений современной Украины через плоскость соотношения частных и публичных интересов путем задействования гражданско-правовых средств. Детализированы особенности проявления временных ограничений в содержании хозяйственного правоотношения в зависимости от ряда факторов, среди которых место ограничительной темпоральной величины в динамике развития субъективного права и соответствующей субъективной обязанности. Отдельное внимание уделено вопросам перспективной трансформации механизма правового регулирования хозяйственных правоотношений с учетом сущности проекта Концепции модернизации (обновления) Гражданского кодекса Украины.

Ключевые слова: механизм правового регулирования; время; временные; темпоральные величины; права и обязанности.

Рассмотрение времени в числе ограничивающие правовых конструкций осуществления субъективного хозяйственного права и выполнения субъективного хозяйственного долга сейчас является весьма актуальным, что связано с его сущностью как социально-правовым явлением, приоритетным призванием которого является упорядочение хозяйственного оборота, стабилизация хозяйственных правоотношений, обеспечение оперативной реализации их содержания, как следствие оздоровление различных экономических процессов. Природа времени в хозяйственном праве тесно связана с его сущностью в гражданском праве, как фундаментальной отрасли частно-правовой составляющей любой национальной правовой системы современности, а функциональное единство приведенных отраслей права создает предпосылки к рассмотрению данного вопроса совместно. К тому же уместно было осуществлять такое исследование с учетом широкого понимания времени как совокупности хозяйственно или гражданско-правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с использованием темпоральных величин, то есть в качестве соответствующего хозяйственно или гражданско-правового института.

Принятие и вступление в силу Гражданского кодекса Украины 2003 года (далее – ГК Украины) повлияло на урегулирование ряда вопросов гражданского оборота, в том числе и о месте, сущности, видов, порядка исчисления времени в гражданско-правовых отношениях. Наиболее выгодной отличительной особенностью этого кодифицированного нормативного правового акта стало структурирование и подача нормативных предписаний, которые согласуются с пандектной системой построения ГК Украины, в том числе в сфере правовой регламентации времени как социально-правовой категории. В связи с этим в ГК Украины появились общие нормы о времени в гражданском праве, раздел V «Даты и Сроки. Исковая давность», и специальные в пределах соответствующих нормативных предписаний тех или иных гражданско-правовых институтов, например в ст. 334 (право собственности), 425 (право

интеллектуальной собственности), 530 (обязательства), 631 (договор), 1200 (обязательства по возмещению вреда, причиненного смертью потерпевшего), 1220 (наследственное право) и т. п. При этом приведенные нормы общих положений можно дифференцировать в свою очередь на универсальные положения о сроках (датах) в гражданском праве (ст. 251–255) и общие положения о исковой давности (ст. 256–268).

Соответствующим образом, принятие и вступление в силу Хозяйственного кодекса Украины (далее – ХК Украины), как первого кодифицированного законодательного акта, регулирующего хозяйственные отношения в нашем государстве, в полной мере связано с предыдущим событием, что было отражено в нормативных предписаниях обоих кодифицированных нормативных актов. Конечно, это не могло обойти вопрос урегулирования темпоральных границ реализации содержания хозяйственных правоотношений.

Даже беглый анализ положений ХК Украины свидетельствует об отсутствии в нем приведенной нормативной структурированности и иерархии по поводу регламентации темпоральных пределов осуществления прав и исполнения обязанностей в смысле хозяйственных взаимоотношений. Однако, не надо делать поспешные выводы по безалаберности их правового базиса, поскольку ответ на этот и на кучу других вопросов смежного характера, где задействованы прямо или опосредованно субъекты хозяйствования, необходимо отыскивать в удельном весе в гражданско-правовой плоскости. Именно знаменитая ст. 9 ГК Украины дает возможность распространить субсидиарно нормативно-правовые конструкции гражданско-правовых институтов на помощь в этом вопросе хозяйственникам. Соответствующую свободу поведения в указанном вопросе оставляет правоприменителю и ст. 7 ХК Украины. Хотя, по мнению автора, более четко очерченным в данном вопросе является обозначение соотношения ГК Украины и Кодекса торгового мореплавания Украины, в том числе по применению временных величин в содержании соответствующих отношений. Безусловно, такое рассуждение имеет право на жизнь, учитывая исключения, содержащиеся в тех же положениях ст. 4 ХК Украины, которая тоже не отличается суровой безупречностью.

Поскольку хозяйственное право является своего рода системой компенсаторных правовых конструкций, которые в удельном весе обеспечивают публично-правовое равновесие частных и общественных интересов, в отличие от гражданского, которое тоже выполняет похожую роль, но приматом которого является именно частный интерес, то и социально-правовая сущность темпоральных категорий в хозяйственно-правовом механизме правового регулирования будет иметь смешанную природу, которая для правового времени не будет иметь существенных различий.

Из анализа имеющихся исследований юристов-ученых темпоральных величин в пределах публичного и частного права необходимо сделать следующие выводы. Действительно, классификация правового времени позволяет выделить конкретную темпоральную величину, учитывая ее правовое значение, функциональное назначение, место среди правовых категорий, призванных урегулировать соответствующее общественное отношение.

В то же время, необходимо обратить внимание на присущие вообще всем видам темпоральных величин критерии разделения: источник установления, степень самостоятельности участников правоотношений в установлении сроков, учет распределения содержания правоотношений (прав и обязанностей участников), правовые последствия истечения (течения, наступления) и т.д.

Вместе с тем, очевидно, наиболее значимым для правового времени является его разделение по сфере использования на частноправовое и публично-правовое, каждое из которых наделено определенными чертами. В границах первой разновидности произошло становление гражданско-правовое время, характерной чертой которого является диспозитивность правил установки, течения, изменения и прекращения, в связи с чем, предоставление приоритета свободному волеизъявлению участников гражданских правоотношений и касаясь этого правового института.

Публично-правовое время в свою очередь подразделяется на такие виды: материальное, процессуальное, а также процедурное. Хозяйственно-правовое время отражено в действующем законодательстве как в частноправовой, так и в публично-правовой плоскости, а потому с учетом природы общественных отношений, к которым оно будет применено, будет проявляться его соответствующая социально-правовая сущность.

Одной из характерных черт обоих проявлений темпоральных величин при таких обстоятельствах является их дифференциация по месту ограничительной темпоральной величины в динамике развития субъективного права и соответствующей субъективной обязанности, что прямо или косвенно отражается в хозяйственных отношениях и закреплено в ХК Украины.

При этом неполной будет картина исследования данного вопроса без указания на основные перспективные направления в реформировании смежного гражданского и хозяйственного законодательства в Украине. Поскольку на повестке дня снова возник вопрос о соотношении предмета правового регулирования приведенных отраслей права в проекции содержания проекта Концепции модернизации (обновления) Гражданского кодекса Украины, то необходимо указать на следующее.

Во-первых, разработчики проекта Концепции вновь поставили вопрос о нивелировании Хозяйственного кодекса Украины с последующей трансформацией гражданско-правовых предписаний в плоскости урегулирования отношений, которые являются предметом хозяйственного права и некоторыми иными изменениями конструкции механизма их правового регулирования.

Во-вторых, учитывая содержание проекта Концепции модернизации (обновления) Гражданского кодекса Украины, предлагается ряд преобразований на уровне всех составляющих системы гражданского права. В числе последних важное место занимают темпоральные или временные величины, обеспечивающие социально-правовую связь юридических фактов и физического времени, которое опосредует течение всех, в том числе и правовых, явлений в обществе и природе.

Беглый анализ проекта Концепции модернизации (обновления) Гражданского кодекса Украины дает возможность выделить значимые преобразования в правовом регулировании временных величин в гражданском законодательстве как общего та и специального правового характера.

Изложенные мысли создают предпосылки для дальнейших исследований места временных категорий в механизме правового регулирования хозяйственных отношений.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ

Е. В. Максименко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, MAKSIMENKA@bsu.by*

В статье рассмотрены вопросы цифровизации строительной отрасли, обусловленные влиянием цифровых технологий на развитие экономики в целом. Обозначены происходящие в связи с данными процессами изменения правового регулирования строительной отрасли, основные нормативные источники, их значение, а также перспективы дальнейшего формирования законодательства в данном направлении.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровизация; строительная отрасль; правовое регулирование.

В современном обществе цифровые технологии, проникая во все сферы деятельности человека, меняют структуру мировой экономики, открывая широкие возможности. Для рынка очевидной является необходимость системных преобразований и действий, направленных на развитие цифровой экономики в социально-экономических системах всех уровней.

Цифровизация как явление представляет собой не просто использование современного программного обеспечения или новых технологий, а комплексную перестройку бизнес-процессов и использование цифровых технологий для создания новых продуктов.

Ключевым преимуществом цифровой экономики перед традиционной является реализация возможности автоматического управления всей системой (или отдельными компонентами), а также ее практически неограниченное масштабирование без потери эффективности, что позволяет значительно повышать эффективность управления экономикой (хозяйственной деятельностью и ресурсами страны в различных отраслях) на микро и макроуровнях [1].

Новая технологическая реальность породила вызовы для юриспруденции и системы правового регулирования, поставила вопрос о принципиальной способности права упорядочить отношения в таких условиях. При этом серьезного внимания требует адаптация традиционной правовой картины под новые цифровые условия жизни общества, адекватность механизма правового регулирования. Цифровой мир нуждается в построении соответствующей модели правового регулирования: разработку законов и нормативных правовых актов, поддерживающих развитие цифровых технологий и их применение в государственном и частном секторах [2].

Общественные отношения, возникающие в связи с развитием цифровой экономики, носят комплексный характер и обладают существенной спецификой в части их объекта и предмета, субъектного состава, условий возникновения, изменения и прекращения, что обуславливает необходимость их комплексного регулирования.

Можно привести мнение Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневича, которые указывали, что возникает потребность в определении четких критериев разновидностей деятельности, позволяющих охарактеризовать их природу, и впоследствии воплотить такое понимание в действующие правовые нормы [3].

Перевод экономических отношений в цифровую среду не позволяет в полной мере применять классические правовые конструкции к новым отношениям, что требует пересмотра действующих правовых режимов.

Цифровизации строительной отрасли в последнее время также уделяется большое внимание, ведется активная работа по внедрению ее элементов в различные сферы строительной деятельности.

Как отмечают эксперты, отрасль достаточно консервативная, по темпам цифровизации она на одном из последних мест по сравнению с другими сферами, поскольку традиционно имела низкую степень зависимости от информационных технологий. Конечным продуктом ее деятельности являются вполне конкретные материальные объекты, при этом совершенно разные. Удаленность строительных площадок, разный уровень компетенций субподрядчиков – эти факторы накладывают свой отпечаток. Вместе с тем, создание новых объектов сопровождается сложными процессами обмена информацией, что делает возможным развитие цифрового строительства при наличии соответствующего уровня технологического развития и готовности участников использовать эти технологии.

При реализации строительных проектов застройщики всегда стремились сокращать затраты. Большинство традиционных способов сэкономить уже исчерпали свой потенциал. На современном этапе, на фоне общего падения спроса, экономия и поиск новых ресурсов являются ключевой стратегией. Застройщики обращают внимание на цифровизацию и начинают искать пути снижения стоимости строительства за счет использования новых технологий. Поэтому глобально наблюдается рост интереса к цифровизации процессов в строительстве для повышения продуктивности.

Цифровизация строительной отрасли развивается по многим направлениям. Участники строительного рынка активно внедряют в свою деятельность цифровые информационные технологии, которые охватывают практически все бизнес-процессы: подбор кадров, бухгалтерский учет, внутренний документооборот, планирование, разработку и размещение рекламы, поиск и сопровождение клиентов, закупки, производство продукции, выполнение работ, оказание услуг, контроль за исполнением договоров, и многие другие.

Ведутся многочисленные фундаментальные разработки в сфере применения искусственного интеллекта в строительстве, и уже в недалеком будущем в отрасли будут использовать совершенно новые технологии. Например, создан новый сервис контроля строительных работ, соединивший использование дронов и процесс передачи и анализа информации посредством облачных технологий. Облачный сервис позволяет вычислить объем выполненных работ и сопоставляет их с данными сметы, что помогает контролировать стоимость строительства [1].

В США высокие требования к охране труда стимулируют роботизацию стройплощадок, в Центральной Европе, где достаточно дорогой труд, с помощью цифровизации бизнес-процессов повышают производительность и эффективность строительства. В Китае активнее развиваются технологии предварительной сборки: бизнес стремится унифицировать процесс строительства.

Строительство – процесс многогранный, в нем очень много стадий: разработка инвестиционного замысла, подготовка задания на проектирование и технико-экономического обоснования, проектирование, экспертиза проекта, строительство, контроль, ввод в эксплуатацию, реконструкция, капитальный ремонт, снос объекта. В этом многообразии процедур задача быстрого и качественного создания объекта часто уходит на второй план, потому что на каждом этапе можно застрять на годы, что

характерно для процессов во многих странах. В свою очередь, управление жизненным циклом объекта все эти разрозненные процедуры объединяет в единый процесс и не позволяет потерять из виду главную цель – создание объекта.

Цифровизация строительной отрасли способна сократить сроки и стоимость строительства, повысить производительность труда, обеспечить сокращение обязательных требований без снижения базовых требований безопасности. Помимо снижения затрат на проектирование, строительно-монтажные работы и эксплуатацию объектов капитального строительства, внедрение цифровых решений значительно упрощает взаимодействие участников строительного рынка, органов государственной власти и надзорных органов.

Строительство как одна из наиболее сложных отраслей с точки зрения опасности самого процесса и потенциальных угроз для конечных потребителей исторически было предметом пристального внимания регулирующих органов. Сложно найти аналогичную сферу деятельности человека с таким уровнем государственного контроля и количеством различных регулирующих актов. Отсутствие качественного регулирования как и чрезмерные административные барьеры, может препятствовать активному внедрению и развитию цифровых технологий.

В этой связи задачей государства выступает обеспечение нормативно-правовой базы цифровизации строительной отрасли. Эффективное правовое регулирование строительной деятельности имеет огромное значение, поскольку строительство выступает базовой отраслью экономики. В процессе строительства создаются не только материальные блага, удовлетворяющие потребности общества, но и формируется основа функционирования всех остальных отраслей экономики.

Концепции формирования и развития цифровой экономики различных стран находят отражение в законодательстве, документах стратегического характера на общегосударственном и региональном уровнях. Прослеживается тенденция к законодательному закреплению как самой концепции цифровой экономики, так и ее отдельных элементов. В Великобритании, например, в 2017 г. был принят Закон «О цифровой экономике» (Digital Economy act of 2017).

В 2016 г. Евразийский экономический союз приступил к выработке предложений по формированию цифрового пространства. Были определены следующие основные приоритеты: развитие нормативно-правовой базы ЕАЭС и гармонизация законодательства государств-членов, формирование единого цифрового пространства для увеличения взаимного товарооборота с внедрением электронной торговли, разработка и реализация совместных проектов и программ, направленных на цифровую трансформацию экономик стран Союза.

В рамках Евразийского экономического союза правовое регулирование цифровой экономики осуществляется в соответствии с целями и задачами, определенными в решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года».

В Республике Беларусь в данном направлении законодательство активно формируется. В 2017 г. был принят Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» в целях развития Парка высоких технологий, инновационной сферы и построения современной цифровой экономики в Республике Беларусь.

Вопросам цифровизации строительства в Директиве Президента Республики Беларусь от 04.03.2019 № 8 «О приоритетных направлениях развития строительной отрасли» посвящена целая глава. Основная идея заключается в необходимости перехода

на электронное взаимодействие всех участников инвестиционно-строительного процесса, создании единой информационной среды в строительной отрасли, а также автоматизировать разработку укрупненных нормативов стоимости по всем видам строительно-монтажных работ, конструктивным элементам, объектам строительства и интегрировать их в соответствующие банки данных, внедрить технологии информационного моделирования в строительстве.

В связи с этим был подготовлен проект Указа «О цифровой трансформации управления жизненным циклом здания (сооружения)», предусматривающий электронное взаимодействие всех участников инвестиционно-строительного процесса, формирование единой информационной среды, поддержку и развитие технологий информационного моделирования.

Эти три ключевых направления задают основные пути совершенствования законодательной базы и научно-технического развития.

Российское законодательство также становится все более ориентированным на цифровизацию строительной отрасли.

Создаваемая система национальных документов в области технологий информационного моделирования в строительстве включает базовые стандарты и своды правил, обеспечивающие цифровую инфраструктуру. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» была сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная 24.12.2018 на заседании президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам. Одной из задач программы является создание системы правового регулирования цифровой экономики. Реализации этой задачи посвящен один из федеральных проектов «Нормативное регулирование цифровой среды». Проект предусматривает разработку и принятие ряда нормативных правовых актов, направленных на снятие барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики.

В части регулирования строительной деятельности поручением Президента Российской Федерации от 19.07.2018 № Пр-1235 «О модернизации строительной отрасли и повышении качества строительства» предписано провести переход к системе управления жизненным циклом объектов капитального строительства путем внедрения технологий информационного моделирования. Во исполнение данного поручения был сформирован Федеральный проект «Цифровое строительство».

Важное значение имеет принятый 27 июня 2019 г. закон Российской Федерации № 151-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым были внесены изменения в Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ.

Так, в Градостроительный кодекс Российской Федерации введено понятие «информационная модель объекта капитального строительства» и определены основы внедрения и использования информационных моделей при подготовке материалов инженерных изысканий, проектной документации, при проведении экспертизы материалов инженерных изысканий и проектной документации. Предусмотрено создание классификатора строительной информации и федеральной государственной информационной системы обеспечения градостроительной деятельности.

Информационная модель объекта капитального строительства представляет собой совокупность сведений об объекте капитального строительства, сформированных на этапах выполнения инженерных изысканий, осуществления архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, эксплуатации и (или) сноса объекта капитального строительства и должна использоваться на всем протяжении жизненного цикла объекта капитального строительства.

Ранее понятие «информационная модель» отсутствовало в правовом поле, что являлось барьером перехода отрасли на информационное моделирование в проектировании и строительстве.

Для обеспечения функционирования института информационного моделирования закон установил положения, связанные с дополнением полномочий органов государственной власти в области градостроительной деятельности.

Таким образом, анализируя нормативные источники, можно проследить тенденции формирования правовой базы как для цифровизации экономики, так и строительной отрасли.

В целом следует заключить, что цифровизация экономики и ее отдельных отраслей – это объективный процесс, способствующий экономическому развитию, а законодательная регламентация призвана способствовать созданию новых отношений, с учетом рисков, которые могут быть реализованы в процессе цифровой трансформации.

Библиографические ссылки

1. Васильева Н. В., Бачуринская И. А. Проблемные аспекты цифровизации строительной отрасли // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 7. С. 39–46.
2. Трансформация права в цифровую эпоху : монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет ; под ред. А. А. Васильева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020.
3. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г. Природа градостроительной, архитектурной, строительной деятельности и принципы ее осуществления // Современные хозяйственные отношения: перспективы правового регулирования и проблемы соотношения интересов государства, общества и бизнеса : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 15 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Каменков (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2020. С. 12–15.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ АКЦИОНЕРОВ В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ БАНКОМ

А. Е. Мандрик

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, annamatus@mail.ru*

Корпоративное управление является важным элементом построения эффективной и экономически надежной работы банка, как акционерного общества. Банковский кодекс Республики Беларусь определяет, что корпоративное управление банком, это система взаимодействия акционеров, органов управления, контрольных органов, должностных лиц банка и иных заинтересованных лиц, направленная на общее руководство деятельностью банка. При этом общее собрание акционеров является ключевым органом, принимающим решения и порождающим гражданско-правовые последствия для заинтересованных.

Ключевые слова: акционерное общество; банк; корпоративное управление; органы управления; общее собрание акционеров

Любое юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы управления, действующие в соответствии с законодательством и уставом (ст. 49 Гражданского кодекса Республики Беларусь). В акционерном обществе наиболее развитая система органов управления. В настоящее время в законодательстве общее собрание акционеров определяется как высший орган управления, формируемый его учредителями (участниками). Данное положение определяет систему корпоративного управления, разграничение компетенции органов акционерного общества.

Общее собрание акционеров выступает в системе органов управления как обязательный, постоянный, волеобразующий, коллегиальный орган управления. Характеристика общего собрания акционеров как коллегиального органа управления подтверждает ст. 71 Банковского кодекса Республики Беларусь, согласно которой, банк должен иметь не менее двух учредителей.

Являясь высшим органом управления, общее собрание акционеров решает наиболее важные вопросы функционирования акционерного общества, формирует органы управления. Совет директоров (наблюдательный совет) и исполнительный орган подотчетны высшему органу.

Через общее собрание акционеров осуществляют свое право на непосредственное участие в управлении банком все акционеры путем реализации компетенции, закрепленной за общим собранием акционеров.

Законодатель наделяет общее собрание акционеров исключительной и не исключительной компетенцией (п. 1 ст. 103 Гражданского кодекса Республики Беларусь и ст. 34 и 35 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах»).

Перечень вопросов, относящихся в соответствии с законодательством к исключительной компетенции общего собрания акционеров не является исчерпывающим.

Согласно ч. 3 ст. 34 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» к исключительной компетенции общего собрания акционеров его уставом может быть также отнесено решение иных вопросов.

Вместе с тем вопросы, отнесенные к исключительной компетенции общего собрания акционеров, не могут быть переданы на решение других органов управления этим обществом.

В науке предлагается различная классификация компетенции общего собрания акционеров. Например, в зависимости от характера решаемых вопросов выделяют:

1) организационные, т. е. вопросы, которые связаны с организацией работы и нормального функционирования органов управления;

2) имущественные, касающиеся владения, пользования и распоряжения имуществом акционерного общества;

3) смешанные, т. е. вопросы, которые содержат в себе элементы как первой, так и второй группы [1, с. 97].

Предлагается также классификация компетенции общего собрания с точки зрения полномочности иных органов (нежели собрание) рассматривать и решать тот или иной вопрос. Выделяют:

1) исключительную компетенцию, принятие решения по соответствующему вопросу отнесено только к компетенции собрания;

2) неисключительная компетенция, когда вопрос может быть рассмотрен иным органом управления. В данном виде выделяет следующие подвиды:

– альтернативная компетенция, которую образуют вопросы, право принятия решения по которым может быть делегировано в силу устава совету директоров (наблюдательному совету). В силу ч. 1 ст. 35, ч. 3 ст. 57, ч. 3 ст. 58, ч. 2 ст. 79 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» вопросы, составляющие компетенцию общего собрания акционеров, могут быть отнесены уставом к компетенции совета директоров (наблюдательного совета);

– смешанная компетенция, содержащая вопросы, решение по которым (хотя и утверждается по общему правилу в силу закона или устава советом директоров (наблюдательным советом)) способны при определенных обстоятельствах принимать общее собрание акционеров. Обсуждение вопроса на собрании носит «вторичный» характер, поскольку обусловлено невозможностью принятия (непринятием) решения советом директоров. Например, если единогласное решение советом директоров (наблюдательным советом) не принято, решение о совершении крупной сделки принимается общим собранием акционеров (ч. 5 ст. 58 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах»);

– общая компетенция, при которой вопрос полномочен рассматривать любой из названных в законе органов, в том числе общее собрание акционеров. В силу ст. 35 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» вопрос о предоставлении безвозмездной (спонсорской) помощи может быть отнесен уставом к компетенции общего собрания акционеров, совета директоров (наблюдательного совета), исполнительного органа [2].

В законодательстве выделяют несколько форм проведения собрания акционеров: 1) очная форма, которая предусматривает совместное присутствие лиц, имеющих право на участие в этом общем собрании. При этом уставом может быть предусмотрена возможность совместного присутствия лиц, имеющих право на участие в этом собрании, дистанционно с использованием систем дистанционного обслуживания; 2) заочная форма, в данном случае мнение лиц, имеющих право на участие в этом общем собрании, по вопросам повестки дня собрания, поставленным на голосование, определяется путем их письменного опроса и (или) опроса с использованием систем дистанционного обслуживания; 3) смешанная форма предоставляет лицам право

проголосовать по вопросам повестки дня собрания либо во время совместного присутствия на собрании, в том числе дистанционно с использованием систем дистанционного обслуживания, либо путем письменного опроса и (или) опроса с использованием систем дистанционного обслуживания [3, с. 134].

По признаку периодичности различают:

- 1) учредительное собрание, проводимое при учреждении акционерного общества;
- 2) годовое общее собрание, которое проводится в срок, установленный уставом, но не позднее трех месяцев после окончания отчетного года;
- 3) внеочередное общее собрание – любое другое собрание, проводимое помимо годового.

Общее собрание акционеров после каждого проведенного собрания принимает решение по соответствующему вопросу, перечень которых определен в повестке дня.

В цивилистике существует несколько мнений о правовой природе решения общего собрания акционеров.

Согласно первой позиции решение акционеров рассматривается как корпоративная сделка.

Одним из сторонников является Н. В. Козлова, которая отмечает следующее: «особенность корпоративной сделки состоит в том, что, она может создавать корпоративные права и обязанности для всех участников корпоративного отношений даже в том случае, когда отдельные участники этого корпоративного правоотношения не принимали участия в совершении этой сделки или выступали против нее ... По своей правовой природе решения общего собрания акционеров является многосторонней корпоративной сделкой самих учредителей, которая становится обязательной для юридического лица» [4].

Не соглашаясь с данной позицией Д. В. Ломакин пишет, что, «... признавая у такого решения наличие свойств сделки, необходимо как минимум полностью изменить сложившееся в настоящее время в научной литературе и нормативных правовых актах представление о гражданско-правовых сделках. Получается, что акционер, голосовавший против принятия того или иного решения общего собрания, т. е. выразивший свою волю не участвовать в совершении многосторонней сделки, все равно является ее участником» [5, с. 29].

В соответствии со ст. 154 Гражданского кодекса Республики Беларусь сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Иными словами, сделка – это акт изъявления индивидуальной воли одного или нескольких частных лиц. Решение общего собрания акционеров – акт изъявления коллективной или общей воли частных лиц.

Более того, решения, принимаемые общим собранием акционеров, не могут быть сделками еще в силу того, что общее собрание акционеров не является самостоятельным субъектом права. В качестве субъекта права выступает само акционерное общество, и именно его действия и будут являться сделками.

Согласно второй позиции решения общего собрания рассматриваются как нормативные акты, имеющие локальный характер (локальный нормативный акт).

Противопоставляя первую позицию, А. В. Габов отмечает, что «существование в качестве локального нормативного акта совершенно не свойственно сделкам ... управленческое решение следует выделить как отдельное основание (юридический акт) возникновения гражданских прав и обязанностей». Указанный автор

справедливо, с нашей точки зрения, считает, что управленческие решения подразделяются на индивидуальные локальные акты и акты, устанавливающие правила поведения (локальные нормативные акты органов управления) [6, с. 158].

Сторонники данной теории ограничиваются либо констатацией того факта, что решение общего собрания является локальным нормативным правовым актом, либо указанием на схожесть отношений.

В. А. Лаптев считает, что «локальные нормативные акты определяют правила поведения участников отношений в пределах хозяйствующего субъекта (субъекта предпринимательства), действуют постоянно (непрерывно) и рассчитаны на многократное применение» [7].

Стоит отметить, что учению о локальном нормативном акте уделялось большое внимание еще в советской цивилистике.

В советское время учеными отмечена необходимость правильной квалификации таких актов, как и локальных, и в то же время нормативных. Исследователи прошлого столетия отмечают, что понятие «локальный нормативный акт» внутреннее противоречиво: нормативность предполагает всеобщность, распространение действия на неопределенный круг лиц; локальность, напротив, такой всеобщности не предполагает [8, с. 569–570]. Следовательно, если акт нормативный, он не может быть локальным, и наоборот.

Развивая дальше учение о локальных актах Н. Н. Пахомова отмечает, что «локальные акты, что не могут относиться к нормативным правовым актам ... в силу того, что не достигли степени их обобщенности и не имеют свойств последних. Вместе с тем локальным актам свойственна иная нормативность. Эта нормативность отражает социально обязательный аспект взаимодействия между субъектами в конкретном корпоративном объединении и обеспечивается корпоративными санкциями» [9, с. 97].

Выделяют также черты, отграничивающие локальные акты от нормативных актов:

- а) по субъектному составу они имеют количественную определенность (не являются обязательными для неопределенного круга лиц);
- б) действуют в пределах конкретной организации;
- в) разрабатываются самой организацией для регулирования внутренних отношений [10, с. 149].

Таким образом, действие решения общего собрания акционеров коренится в локальном характере действий его предписаний – они имеют силу только в отношении определенного юридического лица, его акционеров, члена (членов) органов управления, а также иных лиц, в случае прямого указания в решении. Действие решения общего собрания ограничено рамками одного юридического лица, иными словами, его действие – локально.

С учетом вышеизложенного, решение собрания акционеров представляет собой локальный акт, действующий в конкретном акционерном обществе, который принимается уполномоченным органом управления и обязателен для заинтересованных лиц.

При этом является ли решение собрания акционеров локальным нормативным актом, в котором понимается нормативность в теории права (как общеобязательность, регулирование заранее неопределённого числа случаев, непрерывное действие), очевидно, нет. Решение общего собрания акционеров обязательны для акционеров, членов органов управления, и иных лиц, но не имеют силы в отношении третьих лиц, не связанных с акционерным обществом. Поэтому во избежание дальнейших

практических проблем важно обозначить законодательную характеристику решения общего собрания акционеров в законодательстве.

Библиографические ссылки

1. Рубеко Г. Л. Акционерное право : учеб. пособие. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. 128 с.
2. Агеев А. Б. Создание современной системы корпоративного управления в акционерных обществах: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] : [по состоянию на 01.10.2021 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2021.
3. Цепов Г. В. Акционерное общество: проблемы гражданско-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2004. 196 с.
4. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М. : Статут, 2005. 474 с.
5. Ломакин Д. В. Общее собрание акционеров // Законодательство. 2005. № 1. С. 16–36.
6. Габов А. В. Сделки с заинтересованностью. Практика акционерных обществ. М.: Законодат, 2004. 392 с.
7. Лаптев В. А. Правовая организация корпоративных систем [Электронный ресурс] : [по состоянию на 01.10.2021 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2021.
8. Марченко М. Г. Теория государства и права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. 640 с.
9. Пахомова Н. Н. Основы теории корпоративных отношений (правовой аспект) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 01.10.2021 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2021.
10. Клячин А. А. Локальные акты в регулировании деятельности акционерных обществ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 6–7. С. 148–150.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

И. П. Манкевич

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, unibel@mail.ru*

Рассмотрены особенности и отдельные правовые проблемы в сфере цифровой экономики, а также определены тенденции развития правовых основ регулирования цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая экономика; правовое регулирование; принципы

В Республике Беларусь развиваются процессы цифровизации. Ожидаемые результаты определены в соответствии со стратегическими задачами государства в программных документах, которые нацелены на улучшение цифровой инфраструктуры в различных сферах жизнедеятельности общества (экономика, здравоохранение, охрана окружающей среды, образование, занятость населения, инвестиционный климат, государственное управление и др.), в том числе за счет правового регулирования.

Программа деятельности правительства Республики Беларусь до 2025 года, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь 24 декабря 2020 г., № 758, предусматривает обеспечение внедрения и интеграции

информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в сферы жизнедеятельности общества и отрасли. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы», утвержденная постановлением Совета Министров 21 февраля 2021 г., № 66 сфокусирована на развитии следующих базовых направлений: «Информационно-аналитическое и организационно-техническое сопровождение цифрового развития»; «Цифровое развитие государственного управления»; «Цифровое развитие отраслей экономики»; «Региональное цифровое развитие»; «Информационная безопасность и «цифровое доверие». Мероприятия, которые планируется реализовать в целях развития цифровой экономики, безусловно нуждаются в правовом обеспечении. Однако совершенствование правовых основ регулирования общественных отношений, возникающих в сфере цифровизации, не определено Государственной программой в качестве отдельного направления.

В то же время, например, Кыргызская Республика, в отличие от иных стран – участниц ЕАЭС, в Концепции цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023», определяя структуру, систему управления и основы процесса цифровизации страны, в качестве одного из ключевых направлений предусматривает создание благоприятной среды для стимулирования инновационного развития посредством совершенствования нормативных правовых актов. Исходя из вызовов цифровой трансформации, в концепции предусмотрен объемный пласт работ именно по правовому преобразованию всей системы государственного управления касательно вопросов цифровизации для использования инновационных подходов и передовых пилотных моделей при реализации стратегических планов трансформации. В свою очередь правительством Кыргызстана утверждена дорожная карта для реализации данной концепции, существенную часть мероприятий которой составляет внесение изменений в существующие и принятие новых нормативных правовых актов.

В настоящее время в Республике Беларусь развитие цифровой экономики сопровождается путем совершенствования действующего законодательства. Правовое регулирование общественных отношений в сфере цифровой экономики опирается на акты регулирования традиционных экономических отношений. Так, Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г., № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», закрепляя правовые основы создания и использования информационных технологий, информационных систем и информационных сетей, предусматривает положение о том, что «идентификация лиц, участвующих в информационном обмене с использованием информационных систем и информационных сетей, осуществляется в случаях, установленных актами законодательства Республики Беларусь». Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г., № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» закрепляет правовые основы электронного аукциона; закрепляет определения ряда правовых понятий (электронная торговая площадка, шаг электронного аукциона). Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г., № 345-З «О государственно-частном партнерстве» в качестве одной из сфер осуществления государственно-частного партнерства определяет информационные и телекоммуникационные технологии. Банковский кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г., № 441-З предусматривает возможность осуществления банковских операций путем выпуска в обращение (эмиссии) электронных денег, распоряжение денежными средствами посредством систем дистанционного банковского обслуживания, в том числе путем использования электронных документов и т.д.

Анализ национального законодательства свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правовых основ обеспечения цифровой экономики

и формирования механизма правового регулирования новых цифровых общественных отношений. Однако в настоящее время достаточно сложно однозначно определить направления дальнейшего развития правовых основ регулирования цифровой экономики.

Особенность правового регулирования общественных отношений в сфере цифровой экономики заключается в том, что ее основу, с одной стороны формируют общепризнанные элементы (объекты, субъекты), с другой стороны появляются новые, не известные ранее элементы общественных отношений. Как отмечают О. А. Бакиновская, Л. М. Рябцев, анализируя правовое обеспечение цифровизации экономики Республики Беларусь в условиях развития экономической интеграции в рамках ЕАС «комплексное (межотраслевое) нормативное регулирование отношений в сфере цифровой экономики является основным трендом развития законодательства в данной сфере» [1, с. 43]. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневича, которые, анализируя нормы законодательства и положения правовой доктрины о цифровой экономике, высказывают позицию о том, что «...регулирование вопросов использования цифровых технологий и информационных технологий в целом следует разделить на два массива правовых норм, сконцентрированных в информационном праве (определение правовой природы и правового режима информации, информационно-коммуникационных и информационно-коммуникативных технологий) и в IT-праве (правовой режим и порядок осуществления хозяйственной деятельности в сфере производства и использования информационных технологий)» [2].

Правовое регулирование отношений в сфере цифровой экономики подчиняется определенным закономерностям, в качестве которых выступают принципы – основные положения (начала), определяющие содержание и тенденции ее правового регулирования. В настоящее время принципы правового регулирования цифровой экономики в законодательстве не закреплены, также не выработаны границы возможного распространения имеющегося правового регулирования экономических отношений на цифровую сферу. Считаем, что «разнообразие правоотношений цифровой экономики, необходимость учета новизны и специфики данной сферы общественных отношений, обуславливает необходимость разработки и обоснования многоуровневой системы принципов правового регулирования, которые призваны одновременно гарантировать публичные интересы и способствовать развитию частных интересов в различных сферах экономики» [3, с. 163]. В качестве принципов, на которых должно строиться правовое регулирование общественных отношений в сфере цифровой экономики, следует рассматривать: принцип обеспечения баланса между развитием цифровых технологий и защитой публичных и частных интересов; принцип соблюдения баланса между традиционными механизмами и возможностями цифровой экономики, принцип открытости и доступности информации и др.

С учетом изложенного, дальнейшее развитие правовых основ регулирования цифровой экономики должно осуществляться с учетом следующих тенденций: разработка основополагающего нормативного правового акта, закрепляющего базовые правовые понятия, принципы правового регулирования и институты, обеспечивающие процессы цифровизации экономики; устранение правовых коллизий и противоречий, возникающих в связи с развитием цифровой экономики; приведение в соответствие норм национального законодательства с нормами международных договоров в рассматриваемой сфере.

Библиографические ссылки

1. Актуальные проблемы правового обеспечения развития цифровой экономики в Республике Беларусь / Ю. А. Амелеченя [и др.] ; под ред. О. А. Бакиновской. Минск : Колоград, 2020.
2. Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г. Правовая и организационная природа процессов цифровизации регуляторной функции государства в данной сфере [Электронный ресурс] // Ex jure. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-i-organizatsionnaya-priroda-protssesov-tsifrovizatsii-i-regulyatornoy-funktsii-gosudarstva-v-dannoy-sfere> (дата обращения: 14.10.2021).
3. Манкевич И. П. К вопросу правового регулирования цифровой экономики // Третьи цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной : сб. ст. / Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь ; под ред. Н. Л. Бондаренко [и др.]. Минск: Акад. управ. при Президенте Респ. Беларусь, 2021.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОЦЕНКИ РАЗДЕЛИТЕЛЬНОГО БАЛАНСА ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ФОРМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ

Т. В. Мамчиц

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, tamchits.tatsiana@gmail.com*

Проанализированы некоторые аспекты оценки разделительного баланса при реорганизации юридического лица в форме выделения. Представлен сформировавшийся в рамках судебной практики вывод о том, что передача активов в результате реорганизации юридического лица в форме выделения является сделкой, оформленной разделительным балансом. Автором предложено осуществлять анализ разделительного баланса на предмет соблюдения прав и интересов кредиторов посредством исследования коэффициентов (коэффициента текущей ликвидности, коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами, коэффициента обеспеченности обязательств активами) юридических лиц, участвовавших и образовавшихся в результате реорганизации в форме выделения.

Ключевые слова: реорганизация юридического лица; выделение; разделительный баланс; активы; обязательства; оценка платежеспособности; коэффициенты; Республика Беларусь.

Одним из основополагающих принципов гражданского права является принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений. Характеризуя указанный принцип гражданского права, профессор Н. Л. Бондаренко справедливо отмечает: «Сущность гражданского права состоит в том, что оно выражает начала децентрализации, свободы отдельных субъектов. Соответственно правовое регулирование взаимоотношений таких субъектов по общему правилу строится не с помощью общеобязательных норм и запретов, а в форме различного рода дозволений и ориентиров, допускающих самую широкую возможность выбора вариантов поведения в рамках закона. Сама природа возникающих правоотношений требует от гражданского права адекватных форм регулирования: сочетания равенства, автономии воли, преимущественной самостоятельности субъектов и необходимости учета

последними прав и законных интересов других участников гражданского оборота.» [1]. Злоупотребление правами является частным случаем недобросовестного поведения и свидетельством нарушения требований принципа добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений [2, с. 92]. Защита прав и законных интересов добросовестных участников гражданского оборота осуществляется посредством правовых механизмов, предусмотренных законодательством Республики Беларусь.

Современная правоприменительная практика свидетельствует о проявившейся тенденции пренебрежения упомянутым принципом гражданского права со стороны юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, ввиду сопряжения данной деятельности с экономическими рисками.

Некачественно принятые решения уполномоченными должностными лицами юридического лица способны повлечь за собой наступление неблагоприятных финансовых последствий, выразившихся в отсутствии возможности надлежащего исполнения своих денежных обязательств перед кредиторами. Как правило, подобные ситуации приводят к обращению взыскания на имущество такого юридического лица в принудительном порядке, а в случаях, предусмотренных законодательством Республики Беларусь, – к признанию его экономически несостоятельным (банкротом).

Принимая во внимание указанные последствия, недобросовестные собственники (участники) юридического лица в ряде случаев заблаговременно предпринимают меры, направленные на вывод активов юридического лица в целях сохранения контроля над ними, недопущения отчуждения имущества, создавая тем самым условия для ухода от погашения кредиторской задолженности [3, с. 59]. В качестве одного из таких недобросовестных способов вывода активов используют реорганизацию юридического лица в форме выделения.

В большинстве случаев юридическое лицо (должник) в рамках реорганизации в форме выделения осуществляет неравнозначное разделение активов и обязательств и передает посредством разделительного баланса выделившемуся юридическому лицу активы первоначально существовавшего юридического лица, а кредиторскую задолженность оставляет у первоначального должника. Такое разделение активов и обязательств может привести к невозможности исполнения первоначальным должником принятых на себя денежных обязательств и, как следствие, к его неплатежеспособности (банкротству).

С целью пресечения злоупотребления правами и недобросовестного поведения юридических лиц, стремящихся к банкротству с целью ухода от кредиторской задолженности, законодатель предусмотрел возможность оспаривания совершенных должником сделок по основаниям, предусмотренным Законом Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве).

Однако, как отмечает Д. А. Федорцов, в юридической литературе по-прежнему остается дискуссионным вопрос о том, можно ли рассматривать передачу активов от одного юридического лица другому, образовавшемуся в результате реорганизации в форме выделения, в качестве самостоятельной сделки с тем, чтобы иметь возможность оспаривать такие действия по основаниям, предусмотренным для признания сделки недействительной [3, с. 60].

Согласно ст. 154 Гражданского кодекса Республики Беларусь сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей. Постановление Президиума

Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 28 апреля 2010 г. № 14 «О некоторых вопросах признания недействительными сделок должника в деле об экономической несостоятельности (банкротстве)» уточняет, что под сделками должника, которые могут быть оспорены по специальным основаниям, установленным Законом о банкротстве, понимаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а также действия, выразившиеся в исполнении обязательств (погашение должником долга в пользу кредитора, передача должником имущества в собственность кредитора) или иные действия, влекущие такие же правовые последствия (зачет, новация, отступное).

В соответствии с п. 5 ст. 54 Гражданского кодекса Республики Беларусь при выделении из состава юридического лица одного или нескольких юридических лиц к каждому из них в соответствии с разделительным балансом переходят права и обязанности реорганизованного юридического лица. Разделительный баланс должен содержать положения о правопреемстве по всем обязательствам реорганизованного юридического лица в отношении всех его кредиторов и должников, включая и обязательства, оспариваемые сторонами (ст. 55 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

В результате реорганизации в форме выделения активы одного юридического лица переходят к другому юридическому лицу, что свидетельствует об изменении правового статуса как самих активов, так и прав и обязанностей юридических лиц в отношении этих активов. Разделительный баланс выступает самостоятельным документом, сопровождающим такую сделку. При этом разделительный баланс не является сам по себе сделкой [3, с. 61]. Представляется целесообразным сделать вывод о том, что при наличии установленных законодательством оснований недействительной признается сделка по передаче активов, оформленная разделительным балансом, но не сам разделительный баланс.

В то же время остается дискуссионным вопрос об определении сбалансированности разделительного баланса. Современная судебная практика исходит из необходимости оценки активов, переданных по разделительному балансу, на предмет реальной возможности распоряжения такими активами непосредственно после реорганизации в целях осуществления расчетов с кредиторами.

Так, например, при сопоставлении переданных активов и кредиторской задолженности под сомнение могут быть поставлены доходные вложения в материальные активы, в том числе предметы финансовой аренды (лизинга), если на момент утверждения разделительного баланса право собственности на предметы лизинга будет принадлежать лизингодателям, что в силу положений статей 210, 636 Гражданского кодекса Республики Беларусь, Правил осуществления лизинговой деятельности, утвержденных постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 18 августа 2014 г. № 526, исключает возможность распоряжения предметами финансовой аренды (лизинга) в целях осуществления расчетов с кредиторами.

Дополнительные вопросы может вызвать налог на добавленную стоимость по приобретенным товарам, работам, услугам как актив, передаваемый при реорганизации.

Пунктом 2 ст. 38 Налогового кодекса Республики Беларусь (общей части) допускается возможность зачитывать излишне уплаченные или взысканные суммы налогов, сборов (пошлин), пеней, разницу между суммой налоговых вычетов и общей суммой налога на добавленную стоимость, исчисленной по реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, лишь в счет исполнения налогового обязательства, что также

исключает возможность распоряжения указанным активом в целях осуществления расчетов с кредиторами.

Вышеописанный подход является достаточно радикальным, так как активы коммерческого юридического лица включают в себя не только имущество и денежные средства, но и финансовые вложения, от которых ожидается экономическая выгода в будущем, что не уменьшает значимость таких активов в общей структуре бухгалтерского баланса. Применение данного подхода может создать угрозу ограничения права собственника (участников) юридического лица на проведение реорганизации в форме выделения.

Представляется целесообразным при анализе разделительного баланса в большей степени уделять внимание оценке платежеспособности юридических лиц, участвовавших и образовавшихся в результате реорганизации в форме выделения, посредством анализа соответствующих коэффициентов (коэффициента текущей ликвидности (K1), коэффициента обеспеченности собственными оборотными средствами (K2), коэффициента обеспеченности обязательств активами (K3)). Предметом финансового анализа в данном случае будут являться изменения указанных коэффициентов у юридического лица, из состава которого произошло выделение одного или нескольких юридических лиц, а также оценка названных коэффициентов у выделившихся юридических лиц.

Полагаем обосновано справедливый вывод о причинении вреда имущественным правам кредиторов в случае, если после реорганизации появятся признаки неплатежеспособности или изменятся в сторону ухудшения анализируемые коэффициенты юридического лица, из состава которого произошло выделение, либо выделившееся юридическое лицо изначально будет неплатежеспособным (отсутствие способности в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по платежным обязательствам).

Недостаточность правового регулирования порядка составления разделительного баланса при реорганизации юридического лица свидетельствует о несовершенстве гражданского законодательства Республики Беларусь и необходимости его дальнейшего развития. Единообразный подход к анализу разделительного баланса при реорганизации в форме выделения, закрепленный на уровне законодательства, позволит обеспечить права и интересы как кредиторов, так и собственника (участников) юридического лица в процессе реорганизации.

Библиографические ссылки

1. Бондаренко Н. Л. Принцип добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений // *ilex. Новости* [Электронный ресурс]. 2010. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BECMB/10941/%D1%81%D1%83%D1%89%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C?searchKey=2too#M100001> (дата обращения: 11.10.2021).
2. Бондаренко Н. Л. О месте принципа добросовестности и разумности в системе принципов гражданского права // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2013. № 1 (34). С. 89–93.
3. Федорцов Д. А. О некоторых вопросах оценки судом действий юридических лиц по передаче активов в процессе реорганизации // *Судовы веснік*. 2020. № 3. С. 59–65.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

А. В. Михайлов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
ул. Кремлевская, 18, 420008, г. Казань, Российская Федерация, avm@pravmail.ru*

Поднимается вопрос о некоторых общих теоретических и практических проблемах правового регулирования хозяйственных отношений. Высказано мнение, что термин «хозяйственные отношения» наиболее полно отражает специфику отношений, включаемых в предмет предпринимательского права. Анализируется проводимая в настоящее время в России реформа научных специальностей. Критикуется с позиции науки предпринимательского права как сама принятая номенклатура научных специальностей, так и формируемые в 2021 г. паспорта научных специальностей. Обосновывается, что предпринимательское право не должно разделяться между несколькими научными специальностями. В завершении высказывается суждение о ценности науки предпринимательского права в период развития цифровой экономики и высказывается мнение о целесообразности принятия Предпринимательского либо Хозяйственного кодекса, в том числе и на уровне ЕАЭС.

Ключевые слова: хозяйственное право; хозяйственные отношения; методы; паспорт специальностей

В небольшом обзоре сложно затронуть все теоретические и практические проблемы правового регулирования хозяйственных отношений. Но ряд вопросов наиболее актуален в настоящее время.

Прежде всего хотелось бы затронуть вопрос о термине «хозяйственные отношения». Эта категория уже стала непривычной для российских юристов, хотя многие вспоминают исторические споры между радикальными цивилистами и хозяйственниками.

Сейчас в России сформировалось научное направление предпринимательского права, многие считают термин «хозяйственное право» пережитком советской эпохи. Между тем хозяйствование – явление более широкое, чем предпринимательская деятельность, это то, что свойственно абсолютно любым общественным и политическим формациям.

В Украине, власти которой постоянно демонстрируют желание дистанцироваться от традиций советского времени, термин «хозяйственное право» сохранен.

В Беларуси используются оба термина – и «хозяйственное право» и «предпринимательское право».

Я в наименовании статьи использую понятие «хозяйственные отношения» не потому, что публикация статьи предполагается на территории Республики Беларусь. Дело в том, что в России существует определенное расхождение между наименованием предмета «предпринимательское право» и обозначением круга регулируемых им отношений. В современных российских трудах по предпринимательскому праву [1, с. 50–59; 2, с. 21–31] отмечается, что сложилось четырехзвенное понимание предмета предпринимательского права:

- (1) отношения «горизонтальные», предпринимательские,
- (2) некоммерческие организационные,

- (3) отношения по регулированию предпринимательской деятельности,
- (4) внутрифирменные, включая корпоративные.

Поэтому нельзя сказать, что предметом предпринимательского права будут отношения предпринимательские – это лишь одна из составляющих предмета. А категория «хозяйственные отношения» объединяет все четыре указанные выше блока. Вполне уместно будет утверждать, что предметом предпринимательского права будут хозяйственные отношения. Развитием этих мыслей может быть признание правомерности использования термина «хозяйственное право» вместо «предпринимательское право». Вопрос об адекватном наименовании научного направления и соответствующей ему учебной дисциплины пока нельзя считать решенным, тем более что существуют различные подходы ученых различных государств.

Еще одна важнейшая проблема, которая в настоящее время обсуждается в России – наполнение новых паспортов научных специальностей. Этот вопрос, я думаю, важен и для Беларуси, так как вполне может быть выбрана схожая траектория изменения специальностей.

Приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118 [3] утверждена новая Номенклатура научных специальностей. Вместо пятнадцати специальностей по юриспруденции будет только пять. Заявленная цель реформы – усиление междисциплинарности научных исследований. В самом деле, сложившаяся к 2020 году схема научных специальностей требовала реформ. Были вопросы к некоторым специальностям – например, далеко не все ученые приняли появление специальности 12.00.07 (корпоративное право, конкурентное право, энергетическое право). Долгое время работал всего один диссертационный совет по этой специальности. 12.00.07 пересекалась с 12.00.03 (гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право). Во многих ВУЗах отказались от подготовки аспирантов по направлениям корпоративного, антимонопольного, энергетического регулирования – чтобы не было споров о том, по какой специальности должна быть защищена диссертация. Подобные проблемы решаются достаточно просто – паспорт специальности имеет рекомендательное значение и только формирует общее представление о направлении исследования. А диссертации пишутся и защищаются по тем проблемным вопросам, которые имеют значение для общества и экономики. Жесткие границы паспортов специальности всегда будут являться сдерживающим фактором. Например, для спортивного права ценны исследования комплексные – учитывающие и гражданское, и административное, и трудовое регулирование, и международное регулирование, и нормы «мягкого» права. Только такой подход позволит выявить жизненные проблемы и коллизии существующих норм различной правовой природы. Во всем мире поощряются труды «на стыке» нескольких областей знаний.

Но реформа, которая проходит в России, может привести не к усилению междисциплинарности, а к утрате специализации, к более поверхностному подходу в научных работах. Вызывает вопросы само по себе укрупнение научных специальностей. Во всем мире наука развивается за счет появления, выделения новых направлений, чаще всего «на стыке» различных наук, а в России решили соединить несколько направлений. Явный минус принятой номенклатуры – используются разные подходы к выделению специальностей. В международно-правовых науках международное частное и публичное право объединяются. Но в остальных науках номенклатура исходит из принципа деления права на частное и публичное. Такой подход представляется как минимум спорным – сейчас интенсивно развиваются комплексные отрасли, уже давно очевидны и даже уже становились предметом научного исследования

процессы конвергенции частного и публичного права [4]. Уголовное право выделено из публичного, судя по всему, по одному критерию – количеству защищаемых диссертаций. Вряд ли это говорит о научной специализации.

Пока идет обсуждение паспортов пяти новых специальностей. В декабре 2021 г. будет принято решение о том, как будут заполнены паспорта этих специальностей. Такой подход тоже представляется странным – решили сделать сокращение, назвали специальности, а потом стали решать – как их заполнить [5]. Обсуждение сейчас идет, на сайте ВАК проекты паспортов выставлены.

У специалистов в сфере предпринимательского права к проводимой реформе много вопросов. Так, главной проблемой является то, что предпринимательское право оказалось «разорванным» между специальностями 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки и 5.1.2 Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Конечно, большая часть сферы действия предпринимательского права относится к специальности 5.1.3. Но возникает проблема – включаемые в эту специальность гражданское процессуальное право, предпринимательское право, трудовое право нельзя считать цивилистическими дисциплинами – значительная часть норм, этих правовых образований регулирует не частные отношения. В праве предпринимательском банкротство, антимонопольное регулирование, бухучет, техническое регулирование и т.п. – никак нельзя отнести к частному праву! На наш взгляд, само наименование специальности 5.1.3 требует корректировки.

21 сентября 2021 г. прошел посвященных изложенным выше вопросам онлайн-круглый стол, созданный ведущими специалистами в сфере предпринимательского права из МГУ и МГЮА. Автор этих строк предложил изложить наименование специальности как «Цивилистические и экономико-правовые науки». В резолюции круглого стола оказалось даже более объемное наименование, сформулированное Е. П. Губиным – «5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки и комплексные правовые науки в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». При таких наименованиях специальности название адекватно отражает объективную реальность, заключающуюся в том, что в научных направлениях специальности присутствует не только частное право.

Может сложиться впечатление, что беспокойство представителей предпринимательского права не обосновано и на практике эти теоретические выкладки не будут иметь никакого значения. Но в реальной жизни часто были случаи, когда представители гражданского права в диссертационных советах голосовали против какой-то диссертации только потому, что большая часть материала не представляла собой анализ норм Гражданского кодекса РФ. Вред такого подхода можно легко себе представить. Работа, в котором о статусе, к примеру, индивидуального предпринимателя, будет написано только то, что есть в ГК РФ будет иметь очень сомнительную ценность. В реальной жизни будет уместным комплексное исследование статуса индивидуального предпринимателя с привлечением норм административного, налогового права, законов о банкротстве, о защите конкуренции и т.д.

В науке уже устоялся подход к предпринимательскому праву как к совокупности норм права, регулирующих на основе соединения частных и публичных интересов отношения в сфере организации, управления и осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности. В настоящее время практически во всех государствах с рыночной экономикой сформировалась специфическая взаимосвязь государства и предпринимательства, признано, что правовое регулирование предпринимательской и иной хозяйственной деятельности требует особых методов, не являющихся

исключительно методами частного права. Методы предпринимательского права основаны на взаимодействии, конвергенции частных и публичных начал [4]. Разделение частного и публичного регулирования, из которого исходит новый российский паспорт специальности, вряд ли целесообразно, так как все отношения в сфере действия предпринимательского права находятся в органической взаимосвязи.

Такое разделение предпринимательского права может повлиять на качество и практико-ориентированность научных исследований. Это признают и авторы проекта паспорта – в п. 17 специальности 5.1.3 указано такое направление, как «Государственная политика и государственное регулирование в сфере предпринимательства». Без введения этого публичного по своей природе элемента научные исследования очень многих проблем будут оторваны от реальной экономической жизни.

Но в проекте паспорта специальности 5.1.2 указаны такие направления как «Публично-правовое регулирование в экономической сфере. Развитие и защита конкуренции. Техническое регулирование» (п. 28). Два последних предложения целесообразно перенести в паспорт специальности 5.1.3.

На наш взгляд, к предпринимательскому праву в полном объеме (не разделенным на две специальности) должны относиться антимонопольное, техническое регулирование, корпоративные отношения, энергетическое право. Каких-то направлений исследований вообще не оказалось в паспортах специальностей – например, саморегулирования. Это тоже сфера, которая относится к предпринимательскому праву.

Сейчас перед российскими специалистами предпринимательского права стоит важная задача – добиться адекватного паспорта научной специальности, который сможет способствовать осуществлению комплексных, межотраслевых, актуальных для отечественной экономики исследований.

Ценность именно комплексных исследований очевидна при обращении к важнейшему вопросу о влиянии современных процессов цифровизации на развитие предпринимательского права, на законодательства об осуществлении предпринимательской деятельности. Цифровизация представляет собой межотраслевое явление [6, с. 57]. Уже сейчас понятно, что цифровизация приведет в определенному взаимопроникновению, взаимодействию отраслей, к развитию межотраслевых связей, о чем писал казанский исследователь М. Ю. Челышев [7].

Очевидно, что появятся новые институты, намного большую роль станут играть комплексные правовые образования. Это особо важно подчеркнуть в связи с принятием в России номенклатуры научных специальностей, основанной на делении частного и публичного права. В этих условиях крайне востребованными должны быть наработки науки предпринимательского права, традиционно имеющего дело с межотраслевыми связями.

Наиболее характерной особенностью цифровой экономики является максимальное удовлетворение потребностей субъектов за счет использования информации [6, с. 60–64].

Нас в будущем ждет большой поток информации во всех сферах. Механические приемы ее использования, применение больших данных для принятия решений предполагают компьютерную обработку огромной базы юридических данных. Поэтому крайне важно иметь структурированные унифицированные юридические данные – и в плане определения круга субъектов, и в части объектов права. Юридическая терминология должна также быть единообразной и удобной для программного структурирования. В существующих в России нормативных актах запутается любой робот! Необходимо иметь современные и непротиворечивые источники права, с четкой и

логичной структурой. Это приводит к мысли о необходимости концептуального совершенствования правового регулирования хозяйственных отношений в форме консолидации либо кодификации. Поэтому в условиях развития цифровой экономики может быть рассмотрен с принципиально новых позиций вопрос о разработке Предпринимательского либо Хозяйственного кодекса. Конечно, разработка таких унифицированных актов должна предваряться трудом ученых – имеет смысл начать работу над Концепцией развития законодательства о предпринимательской деятельности.

Для цифровой экономики характерно, что многие действия и акты уже не будут привязаны к какой-то определенной территории. Судя по всему, в будущем мы можем прийти к идее унифицированного законодательства в областях, связанных с функционированием цифровой экономики. В свое время необходимость защиты авторских прав во всемирном масштабе привела к тому, что законодательство об интеллектуальной собственности в большинстве стран схожее. Возможно, мы станем свидетелями унификации и законодательства об экономической, хозяйственной деятельности.

Думается, какие-то общие нормы вполне можно принять на уровне Евразийского экономического союза. Если ценность этого образования будет осознаваться государствами-участниками и ЕАЭС будет развиваться как полноценный экономический союз – разработка глобальных экономических нормативных актов будет только способствовать укреплению связей между участниками.

Конечно, принятие общих, надгосударственных нормативных актов представляется крайне сложным делом. У различных государств разные представления об концепциях экономического развития, о свободе в экономике, о принципах помощи субъектам предпринимательства со стороны публичной власти.

Часто в странах бывшего СССР мы видим стремление максимально подробно урегулировать экономические отношения. В современных экономических условиях вряд ли имеет смысл поддерживать такие практики. Во-первых, необоснованное количество публичных требований, сочетаемое с жестким контролем всех сторон экономической жизни, принципиально не способствует ни привлечению инвестиций, ни нормальному реинвестированию. Во-вторых, «перерегулированность» экономических отношений не соответствует потребностям инновационной экономики, не соответствует самому перспективному на настоящее время шестому технологическому укладу, основанному на развитии нанотехнологий, искусственного интеллекта, информационных и когнитивных технологий.

Предполагается, что решающим фактором при шестом технологическом укладе будет человеческий капитал. Управлять человеческим капиталом методами обзаваний и запретов невозможно. Часто уже сейчас современный инновационный бизнес, основанный на человеческом капитале – крупные юридические, дизайнерские, медицинские компании, инновационные банки – отказывается от иерархической корпоративной системы управления и переходит в режим партнерства. В инновационной, цифровой, творческой сфере качество работы сложно оценить путем контроля со стороны начальника, партнер справляется с оценкой совместной работы намного эффективнее.

Подобные доводы в ближайшем будущем будут актуальны и для сферы взаимодействия частного бизнеса и государства. Именно поэтому «закручивание гаек», административно-командные методы в экономике в современной экономической жизни представляются «прошлым веком». Ни одно государство не построит современную эффективную экономику, применяя подобные методы. Выводом из подобных умозаключений может быть следующее – в науке предпринимательского (хозяйственного)

права крайне важно поднимать вопрос о совершенствовании применяемых методов правового регулирования. Необходимо осмысление того, какие методы воздействия являются оптимальными и эффективными.

Библиографические ссылки

1. Губин Е. П. Предмет предпринимательского права: современный взгляд // Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития : монография, коллектив авторов / МГУ имени М.В. Ломоносова / отв. ред. Е. П. Губин. М. : Юстицинформ, 2019. С. 50–59.
2. Предпринимательское право: Правовое сопровождение бизнеса : учебник для магистров / И. В. Ершова, Р. Н. Аганина, В. К. Андреев [и др.] ; отв. ред. И. В. Ершова. Москва : Проспект, 2017.
3. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Российская газета. 2021. 7 апреля.
4. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2011.
5. Курбатов А. Я. Новая номенклатура научных специальностей по юридическим наукам как тупик в развитии правовой науки (на примере специальности 5.1.3. «Частноправовые (цивилистические) науки») [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2021/09/09/novaya_nomenklatura_nauchnyh_specialnostej_po_yuridicheskim_naukam_kak_tupik_v_razvitii_pravovoj_nau (дата обращения: 10.10.2021).
6. Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России : моногр. / отв. ред. В. А. Лаптев, О. А. Тарасенко. Москва : Проспект, 2020.
7. Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Казань, 2009.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ДЕЙСТВИИ: ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С УЧЕТОМ ПРАВА ЕАЭС

Т. Н. Михалёва

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, Минск, 220030, Республика Беларусь, MikhaliyovaT@bsu.by*

Рассмотрены вопросы влияния развития права ЕАЭС на деятельность субъектов хозяйствования, отмечены направления учета правового регулирования внутреннего рынка ЕАЭС при формировании стратегии хозяйственной деятельности, в том числе пределы союзного

регулирующего, специфики действия права ЕАЭС, доступных механизмах судебной и внесудебной защиты, стратегии интеграционного развития до 2025 года.

Ключевые слова: евразийская интеграция; Евразийская комиссия; защита прав и законных интересов; право ЕАЭС; прямое действие; суд ЕАЭС; хозяйствующий субъект.

С 2015 г. функционирует Евразийский экономический союз, ряд вопросов, влияющих на хозяйственную деятельность, например, в таможенной сфере, сфере стандартизации, некоторых иных, стали объектом регулирования в рамках единого экономического пространства на еще более ранних этапах. На сегодняшний день применение актов права Союза, в том числе их непосредственное применение и прямое действие, в ряде сфер привычны для субъектов хозяйствования (хозяйствующих субъектов в терминологии права ЕАЭС).

Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на ряд юридических аспектов, которые целесообразно учитывать не только при правоприменении, но и при стратегическом планировании хозяйственной деятельности (как на микроуровне предприятия – при формировании маркетинговой стратегии, планировании внутренних ресурсов, инвестиционной и сбытовой политики, стратегии защиты прав и законных интересов, проч., так и на макроуровне развития и поддержки предпринимательства, секторов экономики и т.п.).

Среди юридических направлений прогнозирования и планирования следует учитывать, как минимум, следующие. Во-первых, какова степень правовой интеграции внутреннего рынка в настоящее время, в том числе, что входит в сферу унифицированного регулирования и какие сферы находятся в сфере совместного регулирования, каковы инструменты и единые правила антимонопольной политики на трансграничных рынках. Во-вторых, каковы механизмы прямого действия и непосредственного применения актов права Союза, обладают ли они приоритетом в случае коллизий с национальным законодательством. В-третьих, каковы способы защиты прав и законных интересов, предоставляемых субъектам правом Союза. В-четвертых, каковы перспективы и инструменты унификации рынков в ЕАЭС в средне- и долгосрочной перспективе.

О союзном регулировании

В рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза (п. 1 ст. 1 Договора). Государства-члены осуществляют скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза (п. 2 ст. 5 Договора). Анализ структуры и содержания Договора позволяет сделать вывод, что пределы и объем компетенции, переданной Союзу или распределенной между Союзом и государствами-членами в различных областях, непосредственно связаны с видом политики, осуществляемой в той или иной сфере – скоординированной, согласованной или единой. В разделах Договора, приложениях к нему, международных договорах в рамках Союза, посвященных отдельным сферам и вопросам интеграционного взаимодействия, можно найти указание, какой из видов политики применим к данным правоотношениям, соответственно, какой метод правового регулирования будет использован.

В настоящее время к единой политике и установленной компетенции органов ЕАЭС относится таможенно-тарифное регулирование, нетарифное регулирование (за

исключением временных мер государств-членов, применение специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, контроль за конкуренцией на трансграничных рынках, единые санитарные и фитосанитарные меры. В переходной стадии находится сфера технического регулирования: до принятия в той или иной сфере технического регламента ЕАЭС продолжают действовать национальные технические нормы, но в тех вопросах, где технические регламенты ЕАЭС вступили в силу, действуют только единые правила Союза. На сентябрь 2021 г., по информации ЕЭК, вступили в силу и действуют 43 технических регламента Союза.

В отношении некоторых весьма важных вопросов формирования общего рынка правом Союза предусмотрен плавный переход от национального к единому регулированию. Согласно ст. 30, 31 Договора о ЕАЭС функционирование общего рынка лекарственных средств и медицинских изделий осуществляется в соответствии с международными договорами в рамках Союза (заключены в 2014 г.). На сентябрь 2021 г. проработаны и внедрены единые реестры и базы данных (6 – по лекарственным препаратам, 3 – по медицинским изделиям), принят 71 акт Евразийской экономической комиссии, в том числе 27 решений Совета ЕЭК, 12 решений Коллегии ЕЭК, 32 Рекомендации ЕЭК.

В отдельных сферах четко не установлено, к какой политике относится свод норм, содержащихся в Договоре или международных договорах в рамках Союза. Однако уяснение сущности устанавливаемых правил и принципов регулирования посредством системного толкования позволяет судить о том, к какой политике относится эта сфера. В практике Суда Союза были определены критерии отнесения тех или иных вопросов к конкретному виду политики. В консультативном заключении по делу *О вертикальных соглашениях* Судом исходя из контекста ст. 2 Договора сформулированы следующие критерии отнесения к единой политике: наличие унифицированного правового регулирования; передача государствами-членами компетенции органам Союза. В рассматриваемом деле эти критерии послужили отнесению регулирования конкуренции на трансграничных рынках к единой политике ЕАЭС. Это означает, что, во-первых, правила конкуренции на трансграничных рынках Союза устанавливаются не национальными органами, а ЕЭК, и во-вторых, что эти правила носят единый унифицированный характер. В российских публикациях давно обращают внимание на значение для субъектов такого рода правил [3].

О действии права Союза

Среди специфических свойств права Союза выделяют его верховенство и прямое действие. [4, с. 124] В Договоре сказано о непосредственном действии отдельных актов Союза, а именно решений Комиссии, при этом в отношении Договора, международных договоров в рамках Союза, решений Высшего и Межправительственного совета таких указаний нет. Концепция непосредственного применения нашла отражение в актах Суда Союза в более если не широкой, то точной формулировке. Одним из первых актов, в котором Суд начал раскрывать суть такой характеристики права Союза, стало решение Большой коллегии по делу *О калининградском транзите*, где отмечено, что норма Договора или международного договора в рамках Союза будет применяться непосредственно, если она имеет императивный характер, не содержит изъятий и отсылок. Эти критерии могут быть применимы для оценки возможности непосредственного применения нормы и на национальном уровне.

В консультативном заключении по делу *О вертикальных соглашениях* Суд пошел дальше и выявил прямое действие норм права Союза, а именно ст. 76 Договора относительно общих правил конкуренции: если поведение предприятия нарушает ст.

76 Договора, но не подпадает под юрисдикцию Комиссии, то это является основанием для обращения в национальные антимонопольные органы и применение ими национальных норм, даже в отсутствие соответствующих положений в национальном законодательстве.

В консультативном заключении по делу *О профессиональных спортсменах* Суд указал, что основанием для признания за нормами прямого действия и непосредственного применения служит тот факт, что эти нормы наделяют заинтересованных лиц правами, являются достаточно четкими и ясными, а также не требуют имплементации в национальное законодательство. Как подчеркнул Суд, положения ст. 97 Договора адресованы не только государствам-членам Союза, но и работодателям, трудящимся государств-членов.

Наделение правами и законными интересами может выражаться как в том, что в норме предусмотрено четко право лица, так и в том, что на государства возлагается обязанность, соблюдение которой вправе ожидать лицо. Так, если норма достаточно ясная, четкая, наделяет правами лицо, то речь идет о прямом действии нормы, что автоматически означает и ее непосредственное применение.

Прямое действие норм права Союза, их непосредственное применение в судах государств-членов – важная гарантия защиты прав в ситуации, когда у физических лиц отсутствует возможность обращения в Суд Союза в целом, а у хозяйствующих субъектов – возможность обжаловать действия уполномоченных органов государств-членов либо принятые ими акты. В такой ситуации национальные субъекты имеют возможность обратиться в национальный юрисдикционный орган и непосредственно применить соответствующую норму права Союза. Не стоит забывать, что правом Союза предоставлена и достаточно широкая возможность судебной и внесудебной защиты прав и законных интересов.

Защита прав и законных интересов на уровне Союза

Судебная защита прав и законных интересов на уровне Союза осуществляется в Суде Союза в нескольких видах искового производства. Дела о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений Договору о ЕАЭС или международным договорам в рамках Союза. Данный вид заявлений может быть подан государствами-членами или хозяйствующими субъектами, однако объем их права на иск их различен.

Во-первых, государства-члены вправе просить Суд проверить решение Комиссии на соответствие не только Договору или международным договорам в рамках Союза, но и на соответствие решениям других органов. Отсутствие такого права у хозяйствующих субъектов объясняется тем, что решения Высшего экономического совета и Межправительственного совета не обладают прямым действием, не применяются непосредственно, не наделяют правами частных лиц.

Во-вторых, хозяйствующие субъекты могут обжаловать только те решения, которые затрагивают их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности непосредственно (подп. 2 п. 39 Статута Суда ЕАЭС). Данная норма содержит два условия, при которых заявление хозяйствующего субъекта будет приемлемым:

- установление факта того, затронуты ли права хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,
- установление факта того, нарушаются ли предоставленные Договором о Союзе или международными договорами права или законные интересы.

Данные положения потребовали уяснения относительно объема понятий «предпринимательской и иной экономической деятельности», «непосредственно

затрагивающими», установления процедурных правил проверки данных фактов в ходе правоприменительной практики и даже то, что подразумевается под понятием «решение Комиссии».

Так, в решении по делу ООО «Севлад» Суд пришел к выводу, что факт нарушения прав и законных интересов проверяется Судом только на стадии рассмотрения дела по существу, но не стадии принятия дела к производству. На стадии принятия дела к производству Коллегия устанавливает только то, затрагиваются ли права хозяйствующего субъекта решением Комиссии. Таким образом, хозяйствующему субъекту не нужно доказывать, что решение было применено конкретно в его отношении (такое может быть – например, если речь идет о решениях о применении антидемпинговой или компенсационной пошлины или иной меры к конкретному субъекту, решения о наложении штрафа, некоторые иные «индивидуальные» решения).

Достаточно доказать, что решение могло быть применено к нему в связи с его деятельностью. Это, безусловно, делает судебную защиту более доступной. Однако это положение не безгранично и действительно в каждом деле Суд очень тщательно проверяет непосредственную связь заявителя с оспариваемым решением.

Так, в решении по делу ЗАО «Капри» заявитель выразил заинтересованность в аннулировании решения Комиссии, которым предоставлялись лучшие условия деятельности для субъектов в смежной сфере. Сам заявитель не работал с товаром, о классификации которого шла речь в оспариваемом решении. Суд отказал в принятии дела к производству на основании того, что заявитель не доказал непосредственную связь своей предпринимательской (иной экономической) деятельности с данным решением.

Также в деле по заявлению ООО УК «Содружество» Суд отказал в принятии заявления к производству на основании недоказанности непосредственного интереса истца. Согласно заявлению истцом и управляемыми им хозяйствующими субъектами на территорию Союза импортируется соя (сухие бобы), являющаяся предметом регулирования Технического регламента ТС «О безопасности зерна» ТР ТС 015/2011.

Однако исследовав заявление ООО УК «Содружество» и приложенные к нему материалы, Коллегия Суда пришла к выводу об отсутствии документов, подтверждающих ввоз истцом на таможенную территорию Союза сои (сухих бобов), что свидетельствует о недоказанности наличия непосредственного интереса истца в оспаривании бездействия ЕЭК, а, следовательно, об отсутствии компетенции Суда на рассмотрение данного спора» (из постановления от 05.07.2021 г. по делу С-7/21).

Доступность судебной защиты обусловлена и отсутствием сроков, в течение которых субъект может оспаривать решение Комиссии.

В то же время оспариванию подлежат только решения, но не иные акты Комиссии. Не могут быть оспорены ни рекомендации, ни распоряжения. Так, в деле по заявлению ООО «Ремдизель» о признании дополнительного примечания к позициям ТН ВЭД, содержащихся в таблице Пояснений к единой ТН ВЭД Союза, являющихся приложением к Рекомендации ЕЭК от 12 марта 2013 г. № 4, противоречащим ст. 5 Договора о ЕЭК постановлением Коллегии Суда от 8 апреля 2016 г. производство по делу было прекращено на основании того, что оспариваемые акты Комиссии (включая Рекомендацию Коллегии ЕЭК № 4) не носят нормативно-правового характера, не включены в право Союза в соответствии со ст. 6 Договора о Союзе и не подлежат оспариванию в Суде как не относящиеся к его компетенции.

Не в компетенции Суда и изменение содержания решения или отмене решения, либо снижение или увеличение размера штрафа в антимонопольных решениях. Суд ЕАЭС выносит решение лишь о соответствии/несоответствии решения Комиссии

Договору о ЕАЭС, международным договорам в рамках Союза и решениям органов Союза. В свою очередь задача ЕЭК – привести свое решение в соответствие с правом Союза.

Дела об оспаривании действий (бездействия) Комиссии также могут быть инициированы как государствами, так и хозяйствующими субъектами. Действие и бездействие – парные юридические категории, выражающие сущность юридически значимого поведения.

В зависимости от характера поведения субъекта его деяние может квалифицироваться как действие или бездействие. В первом случае речь идет об активном поведении, во втором – о пассивном. Такая классификация актуальна и в отношении правомерного поведения, и в отношении противоправного деяния. Право Союза не содержит определение понятия «бездействие».

В одном из своих первых дел (в решении по делу *ИП Тарасик*) Суд ЕАЭС изначально выбрал более широкую трактовку данного понятия. Как указал Суд, «неправомерное бездействие» – это неисполнение либо ненадлежащее исполнение наднациональным органом (должностным лицом) обязанностей, возложенных на него правом Союза, в частности оставление обращения хозяйствующего субъекта без рассмотрения полностью или частично, дача ответа заявителю не по существу обращения, если рассмотрение этого обращения относится к компетенции органа (должностного лица).

Результатом иска о бездействии должно быть установление обязанности Комиссии по совершению определенного действия. Однако в рамках иска о бездействии Суд не может определять, каким должно быть содержание такого действия. Так, в решении Апелляционной палаты Суда от 9 июня 2021 г. по делу *АО «ДХЛ Глобал Форвардинг»* Суд указал, что предметом оценки в рамках исков о бездействии Комиссии является наличие или отсутствие достаточных оснований для проведения мониторинга, но не его результаты.

Функция мониторинга, осуществляемого ЕЭК, представляет собой своего рода внесудебный механизм защиты прав и законных интересов через оценку исполнения международных договоров и решений Комиссии. В ближайшей перспективе стоит вопрос учреждения международного арбитража ЕАЭС для защиты прав и законных интересов хозяйствующих субъектов (запланировано в стратегии развития интеграции).

Стратегия развития интеграции-2025

Совет Евразийской экономической комиссии на заседании 5 апреля 2021 г. принял план по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, которые были утверждены главами государств 11 декабря 2020 г. Речь идет о комплексе порядка 330 мер и механизмов. Ее выполнение предусматривает разработку и подписание 13 международных договоров, более 60 нормативных правовых актов ЕАЭС, внесение около 25 изменений и дополнений в Договор о Союзе, а также изменений в национальные законодательства государств ЕАЭС. В частности, до конца текущего года предусмотрено внести изменения в порядок разработки технических регламентов ЕАЭС, подготовить базу для перехода на электронные формы сертификатов соответствия и деклараций о соответствии, а также принять решение о начале реализации проекта «Цифровое техническое регулирование» и другое. Кроме того, на 2021 год запланировано подготовить проект международного договора по развитию единой системы транзита товаров в Союзе и заключить международный договор о порядке обмена сведениями, входящими в состав кредитных историй. На первый план выходит рынок транспортных услуг, в том числе либерализация автомобильных грузоперевозок, создание логистических коридоров с

соответствующей инфраструктурой. Биржевая торговля и государственные закупки – также в первоочередных планах сведения к единым стандартам и открытому доступу. Таким образом, для государственных органов предстоит большая экспертно-аналитическая нагрузка по оценке необходимости внесения изменений и дополнений в акты национального законодательства, для субъектов хозяйствования – возможна корректировка маркетинговых и сбытовых стратегий, расширение способов и оснований защиты прав и законных интересов.

Библиографические ссылки

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс, 2021.
2. Суд ЕАЭС – Судебные дела [Electronic resource]. https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/ (дата обращения: 28.10.2021).
3. Исполинов А. С. Суд ЕАЭС: конкурентное право Союза существует и должно активно применяться. Открывается новая сфера для юристов-практиков [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2017/04/24/sud_eaes_konkurentnoe_pravo_soyuza_suschestvuet_i_dolzno_aktivno_primenyatsya_otkryvaetsya_novaya_s (дата обращения: 06.09.2019).
4. Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Свойства права Евразийского экономического союза сквозь призму практики Суда ЕАЭС // Журнал российского права. 2018. № 5. С.123–133.
5. Стратегические направления развития евразийской интеграции до 2025 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс, 2021.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АРЕНДЫ ИЗОЛИРОВАННЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОБСТВЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Привалов

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, pravobel1980@gmail.com*

Определены проблемы, возникающие в процессе исполнения договоров аренды изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности. С учетом правоприменительной и судебной практики Республики Беларусь, зарубежного опыта аренды коммерческой недвижимости предложены рекомендации по дальнейшему совершенствованию правового регулирования аренды изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности.

Ключевые слова: аренда изолированных помещений, находящихся в собственности Республики Беларусь

Предоставление в аренду изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности, является одной из форм наиболее эффективного распоряжения имуществом Республики Беларусь.

За первое полугодие 2021 г. в аренду было сдано 3,32 % от общей площади недвижимого имущества, находящегося в республиканской собственности [1, ст. 4], а размер поступлений в республиканский бюджет от сдачи в аренду имущества (за

исключением земельных участков) за указанный период составил порядка 69,5 млн. рублей [2, ст. 20].

В Республике Беларусь действует ряд актов законодательства, регулирующих аренду изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности, в том числе и Указ Президента Республики Беларусь от 29.03.2012 г. № 150 «О некоторых вопросах аренды и безвозмездного пользования имуществом» (далее – Указ № 150).

В настоящее время Государственным комитетом по имуществу Республики Беларусь разработан проект нового Указа Президента Республики Беларусь «О некоторых вопросах аренды и безвозмездного пользования имуществом», в котором предлагается ряд новелл, в частности появляется возможность приостановления обязанности арендатора по уплате арендной платы в случае невозможности пользоваться переданным в аренду имуществом по инициативе арендатора [3, ст. 8], а также вводится такое понятие, как «периодическая аренда» [4, ст. 17].

Указом № 150 достаточно детально урегулированы вопросы предоставления в аренду изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности, установлена методика определения и изменения размера арендной платы, введен единый механизм заключения договоров аренды такого имущества.

В то же время на практике возникают различные проблемы в процессе исполнения заключенных в соответствии с требованиями Указа № 150 договоров аренды. В частности, ни Указом № 150, ни принятыми в его исполнение нормативными правовыми актами:

1) не установлены особенности заключения договоров аренды изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности, с нерезидентами Республики Беларусь;

2) не предусмотрен специальный механизм обеспечения исполнения арендатором обязательств по уплате арендной платы и по возмещению коммунальных, эксплуатационных и других платежей;

3) не регламентирован порядок и сроки внесения изменений и (или) дополнений в договор аренды изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности, в случае реорганизации арендатора;

4) не установлена дополнительная обязанность арендатора нести расходы по узакониванию выполненных им с нарушением требований действующего законодательства неотделимых улучшений арендуемого имущества, в том числе и в период после прекращения договора аренды;

5) отсутствует такое самостоятельное основание прекращения договора аренды, как открытие процедуры принудительной (упрощенной) ликвидации в отношении арендатора.

Некоторые трудности вызывает и реализация нормы об одностороннем отказе от договора аренды изолированного помещения, находящегося в республиканской собственности, когда такой отказ предусмотрен договором.

С учетом правоприменительной и судебной практики Республики Беларусь, зарубежного опыта аренды коммерческой недвижимости, для повышения качества правового регулирования аренды изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности, необходимо:

– разработать типовую форму договора аренды изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности, заключаемую с нерезидентами Республики Беларусь, в которой предусмотреть действенные меры по обеспечению

исполнения обязательств арендатора нерезидента, а также арбитражную оговорку, в полной мере соответствующей интересам арендодателя;

- разработать порядок стимулирования арендатора при подписании договора аренды изолированного помещения, находящегося в республиканской собственности, с применением дополнительного механизма обеспечения исполнения обязательств по внесению установленных заключенными договорами платежей (поручительство третьих лиц, залог имущества, гарантийный депозит и иные);

- подробно регламентировать порядок и условия ограничения доступа арендатору в арендуемое помещение, определить перечень возмещаемых арендатором за указанный период убытков арендодателя;

- установить обязанность сторон по договору аренды изолированного помещения, находящегося в республиканской собственности, на внесение изменений и (или) дополнений в такой договор в связи с реорганизацией и (или) переименованием арендатора в месячный срок с момента возникновения соответствующего основания;

- установить запрет на передачу арендатором – юридическим лицом своих прав и (или) обязанностей по договору аренды изолированного помещения, находящегося в республиканской собственности, вновь создаваемому в процессе реорганизации в форме выделения юридическому лицу без предварительного письменного согласия арендодателя;

- установить дополнительную обязанность арендатора нести финансовые расходы по узакониванию выполненных им с нарушением требований действующего законодательства неотделимых улучшений переданного в аренду имущества, в том числе и после прекращения договора аренды;

- предусмотреть такое самостоятельное основание прекращения договора аренды, как открытие процедуры принудительной (упрощенной) ликвидации в отношении арендатора по решению регистрирующего органа;

- предусмотреть четкий порядок и перечень условий для реализации арендодателем одностороннего отказа от договора аренды изолированного помещения, находящегося в республиканской собственности;

- предусмотреть право арендатора в одностороннем внесудебном порядке отказать от договора аренды при условии оплаты штрафа в размере трехмесячной арендной платы;

- предусмотреть возможность предоставления арендатору «арендных каникул» на нормативный срок выполнения работ по модернизации или реконструкции переданного в аренду изолированного помещения, без последующего возмещения арендатору стоимости таких работ.

Таким образом, в Республике Беларусь преобладает диспозитивность в правовом регулировании аренды изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности, за исключением вопросов выбора способа и порядка заключения договора аренды, а также методики определения и изменения размера арендной платы. Вместе с тем внедрение перечисленных выше предложений создаст необходимые условия для дальнейшего совершенствования правового регулирования аренды изолированных помещений, находящихся в республиканской собственности, и позволит уменьшить количество возникающих в указанной сфере судебных споров.

Библиографические ссылки

1. Информация о сданных в аренду, переданных в безвозмездное пользование, неиспользуемых зданиях, сооружениях, изолированных помещениях, находящихся в

республиканской собственности [Электронный ресурс]. URL: https://www.gki.gov.by/ru/activity_branches-estate-analitika-info/ (дата обращения: 10.10.2021).

2. Январь – июнь 2021 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.gov.by/ru/budgetary_policy/analytical_reports/2021/ (дата обращения: 10.10.2021).

3. Проект Указа Президента Республики Беларусь «Об аренде и безвозмездном пользовании имуществом» [Электронный ресурс]. URL: http://gki.gov.by/ru/obsuzhdenie_npa/ (дата обращения: 10.10.2021).

4. Приложение к проекту Указа Президента Республики Беларусь «Об аренде и безвозмездном пользовании имуществом» [Электронный ресурс]. URL: <https://forumpravo.by/forums/?forum=15&topic=16358#post189761> (дата обращения: 10.10.2021).

СУЩНОСТЬ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОРПОРАЦИИ

С. П. Протасовицкий

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, pratasavitski@bsu.by*

Приведены теоретические взгляды на природу корпорации, сформированные в западноевропейской и англо-американской традиции. Они обнаруживают две основные позиции: фикция и реальность корпоративных образований. Предложено авторское видение сущности корпорации, показана ее юридическая природа. По мнению автора, корпорации возникают по воле индивидов, а не в силу права. Последнее, признавая ту или иную корпорацию, не порождает ее, а придает корпорации определенную правовую форму (юридическое лицо, договор).

Ключевые слова: корпорация; организация; личное обособление; корпоративная воля; имущественное обособление; корпоративное имущество; юридическое лицо; договор; теория фикции; теория реальности.

Объясняя природу корпорации, юристы обычно начинают свои рассуждения с римского права. Вместе с тем «...в дошедших до нас систематических изложениях начал римского права... мы не найдем особой рубрики о таких субъектах гражданского права, которые, не будучи людьми... имеют частную правоспособность и обособляются [рассматриваются] в гражданском обороте наравне с частными лицами. Деление лиц на две категории: физических и юридических... составляющее неизбежную принадлежность всех современных систем частного права, явилось не в римской, а в позднейшей юриспруденции. Однако, ни римская юридическая жизнь не могла обойтись без признания особого рода субъектов гражданского права, не совпадающих с естественными лицами, ни римская юридическая наука не могла игнорировать действительного существования таких субъектов» [1, с. 1]. Раскрывая их признаки, авторы традиционно обращаются к конструкциям *societas* и *universitas*. «Как известно, *societas* (товарищества) основывались на неформальном договоре частных лиц, создававшем общую (долевою) собственность участников, и прекращались при выходе из объединения по любой причине хотя бы одного из них. В отличие от этого *universitas* (объединения) имели некоторую собственную правосубъектность, обособленное

имущество и действовали через свои „органы“, причем их существование не зависело от изменения состава участников» [2, с. 37].

Актуальные до настоящего времени теоретические положения корпоративного права мы находим в трудах немецких ученых XIX в. Ф. К. фон Савиньи включает в круг корпораций общины, гильдии, а также те общества, которые наделены правами юридических лиц. Их сущность он видит в том, что субъектом прав является идеальное целое, а не отдельно взятые члены (и даже не все члены, вместе взятые); единственным, но особенно важным следствием этого выступает то обстоятельство, что замена одного и даже всех индивидуальных членов корпорации не влияет на ее сущность и единство [3, с. 136]. В представлении Ф. К. фон Савиньи юридическое лицо есть «искусственно предположенный субъект, способный к имущественным правам» [3, с. 134], потому юридическая личность корпорации носит фиктивный характер. Отметим, что возникновение теории юридической фикции часто связывают с Иннокентием IV. Именно он в XIII в. назвал корпорацию бестелесным, мыслимым лишь существом, не имеющим способности воли. Она не может действовать сама, а только через своих членов [1, с. 48].

На взгляд О. фон Гирке, корпорация – не фиктивное, а реальное лицо, обладающее волей и дееспособностью. Корпоративную волю он объясняет внутренним устройством корпорации, прибегая к понятию органа, в виду чего теория О. фон Гирке именуется органической. В действиях органа корпорации прямо обнаруживается ее личность, причем орган – не представитель, а часть самой корпорации, поэтому она способна действовать самостоятельно, без представительской помощи других лиц [4, с. 378–379]. Права и обязанности корпорации принадлежат ей, а не множеству ее членов, что, по мнению О. фон Гирке, является фундаментом понятия о юридическом лице [4, с. 371].

В настоящее время, согласно Е. А. Суханову, «перечень признаваемых законом корпораций в основных западно-европейских правовых порядках ограничен следующим весьма небольшим “набором” из восьми традиционных организационно-правовых форм:

- три вида неправосубъектных объединений лиц – простое (в том числе негласное), полное (именуемое в германском праве “открытым”, а в швейцарском праве – “коллективным”) и коммандитное товарищества (общества);
- пять корпораций, являющихся юридическими лицами, – акционерное общество, акционерная коммандита (нередко рассматриваемая как разновидность акционерного общества), общество с ограниченной ответственностью, кооператив и некоммерческое объединение (союз)» [2, с. 26].

С XIX в. природа корпорации обсуждается и в англо-американской литературе. Один из первых авторов С. Кид (S. Kyd) определяет ее как совокупность лиц, объединенных под специальным наименованием в одно целое, имеющее непрерывное правопреемство (англ. *perpetual succession*) в искусственной форме и способное в силу права действовать в нескольких отношениях как частное лицо, например приобретать и предоставлять имущество, заключать договоры, быть истцом и ответчиком в суде [5, с. 13]. Значение использованного С. Кидом термина «непрерывное правопреемство» усматривается в дефиниции, предложенной Д. Энджелом (J. Angell) и С. Эймсом (S. Ames): «Корпорация – это созданная правом структура, состоящая из лиц, объединенных под общим наименованием, члены которой сменяют друг друга, но структура остается неизменной, несмотря на изменение ее членов, и для определенных целей рассматривается как физическое лицо» (пер. мой – С. П.) [6, с. 1]. Иначе говоря,

непрерывное правопреемство означает возможность сколь угодно долгого существования корпорации независимо от судьбы ее членов.

Англо-американские правоведы отмечают фиктивность корпоративных образований. По выражению Д. Гранта (J. Grant), корпорация – это «абстрактное существо или метафизическая структура, нечто отличное от совокупности отдельных членов, настолько же, насколько они отличаются от остальных подданных Ее Величества» (пер. мой – С. П.) [7, с. 13]. Он же называет корпорацию непрерывной идентичностью, наделенной при ее создании способностью к бесконечному существованию [7, с. 16].

В контексте данных атрибутов корпорации примечательно решение Верховного Суда США 1819 г. по делу *Trustees of Dartmouth College v. Woodward*. Судья Д. Маршалл (J. Marshall), формулируя позицию суда, указал, что корпорация представляет собой искусственное существо, невидимое, неосязаемое и существующее только в силу права. К наиболее важным ее свойствам он относит бессмертие (англ. *immortality*) и индивидуальность. Они позволяют корпорации оставаться неизменной, несмотря на изменения в составе ее членов, и действовать как одно лицо [8].

Теория корпорации как искусственного образования (теория фикции) была характерна для англо-американского дискурса XIX в. В начале следующего столетия господствующей стала теория реального образования (англ. *the natural entity theory*), которая утверждала, что корпорация есть порождение частной инициативы, а не государственной власти. Она отражала постепенный отказ от идеи искусственной природы корпорации в пользу ее естественного происхождения [9, с. 211].

В англо-американском праве исторически сложилось более узкое понимание корпорации, чем в континентальном европейском праве. В эту категорию включаются только *business corporations* (или *companies*) – аналоги европейских объединений капиталов. Корпорации (компании) и партнерства (товарищества) охватываются здесь общим понятием «предпринимательские организации» (англ. *business organisations*), или «деловые предприятия» (англ. *business enterprises*) [2, с. 39].

По нашему мнению, понятие корпорации предполагает образующее ее множество (совокупность) индивидов, и в то же время обособление корпорации от этого множества. Все существующие индивиды всегда находятся в совокупности: их общим свойством выступает воля. Разумеется, потенциальные участники корпорации представляют собой гораздо меньшее множество, потому должны обладать дополнительным свойством. Таковым мы считаем определенный интерес. Предпосылкой создания корпорации является коммуникация между ними, в результате которой они могут прийти к осознанию необходимости объединения для более эффективного удовлетворения своих интересов. Разработчик тектологии (всеобщей организационной науки) А. А. Богданов подобную коммуникацию именует организационным актом (стихийным или планомерным) [10, с. 258]. В начальной фазе он сводится к простому сближению и общению ряда лиц без какого-либо ясного плана. Однако коммуникация может перерасти в кооперацию и привести к преобразованию множества индивидов в целостность, а именно в организацию. Тогда происходит обособление корпорации (организации) от порождающего ее множества индивидов, что объясняется принципом холизма: элементы, взаимодействуя для достижения некоторой цели, составляют целое, имеющее собственную индивидуальность [11, с. 106]. Значит, корпорация обретает особые свойства, не тождественные совокупности свойств ее участников. Поскольку они производны от свойств участвующих индивидов, мы заключаем, что корпорация обладает волей и интересом.

Корпоративная воля воплощается в соглашении (совместном решении) участников корпорации. Она обязательна для любого из них. Иначе говоря, корпоративная воля проистекает из индивидуальной и подчиняет последнюю, но индивидуальная воля способна определять корпоративную. Вступая в корпорацию и, соответственно, в отношения подчинения корпоративной воле, индивиды преследуют свои интересы. На основе общности этих интересов возникает интерес корпорации, обнаруживающий ее цель. Реализация корпоративного интереса в представлении участников ведет к наиболее эффективному удовлетворению их индивидуальных интересов.

Показанное выше обособление корпорации от множества индивидов необходимо, но недостаточно для ее существования. Достижение корпоративной цели подразумевает участие корпорации в имущественном обороте, что вызывает потребность в корпоративном имуществе. Значит, понятие корпорации включает не только личное, но и имущественное обособление. Перефразируя О. фон Гирке, отметим, имущественное обособление корпорации есть лишь отражение ее личного обособления [4, с. 376].

Индивиды, порождая своей волей корпорацию, естественно, не устраняются, а сохраняют с ней известную связь. Каждый из них приобретает статус участника (члена) корпорации, с одной стороны, позволяющий оказывать влияние на корпоративную волю и осуществлять свои интересы, а с другой – обременяющий необходимостью формирования корпоративного имущества.

Таким образом, корпорация – это добровольная организация, основанная на участии (членстве) индивидов, полностью или частично формирующих ее имущество. Термин «организация» означает здесь целостность индивидов, имеющих общую цель.

Юридическая природа рассматриваемого феномена сводится к той правовой форме, которую объективное право придает корпорации. В белорусском правопорядке большинство корпораций являются юридическими лицами, т. е. правосубъектными образованиями. «Юридическим лицом признается организация, которая имеет... обособленное имущество, несет самостоятельную ответственность по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде, прошедшая... государственную регистрацию в качестве юридического лица либо признанная таковым законодательным актом» (п. 1 ст. 44 Гражданского кодекса Республики Беларусь, далее – ГК). К организационно-правовым формам юридического лица, отвечающим признакам корпорации, относятся:

1) коммерческие организации: хозяйственные товарищества и общества, производственные кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства;

2) некоммерческие организации: потребительские кооперативы, общественные и религиозные организации (объединения), товарищества собственников, объединения юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей (ассоциации и союзы), республиканские государственно-общественные объединения.

Можно заметить, что законодатель, наделяя корпорацию правосубъектностью, позволяет ей выступать участником (членом) иной корпорации. Вторая юридическая особенность состоит в возможности существования корпорации лишь с потенциальным, а не действительным множеством ее участников (членов). Мы имеем в виду допустимость создания хозяйственного общества и крестьянского (фермерского) хозяйства одним лицом, что «иногда рассматривается как “определенное извращение корпоративной идеи”, “раздражающее” традиционное правосознание. Несмотря на наличие в таком “нетипичном объединении” единственного участника, оно все равно

считается корпорацией, ибо взаимоотношения этого участника и его юридического лица, а также их взаимоотношения с третьими лицами строятся по правилам корпоративного права» [2, с. 78].

Простые товарищества в белорусском праве не признаются юридическими лицами, хотя подобные им хозяйственные товарищества обладают правосубъектностью. Вместо юридической личности простые товарищества получили договорную форму. «По договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей законодательству цели» (п. 1 ст. 911 ГК).

Заклучив договор простого товарищества, его стороны образуют целостность для достижения общей цели, т. е. организацию. Стоит обратить внимание, стороны любого другого соглашения тоже составляют целостность, но каждая из них преследует свою цель, что исключает возникновение организации. Корпоративная воля простого товарищества содержится как в договоре, так и в единогласных решениях, касающихся общих дел (п. 5 ст. 914 ГК). Внесенное товарищами собственное имущество, а также продукция и доходы, полученные от их совместной деятельности, поступают в общую долевую собственность товарищей (ч. 1 п. 1 ст. 913 ГК). Однако распоряжение общим имуществом требует корпоративного волеизъявления, поскольку осуществляется по соглашению всех товарищей (п. 1 ст. 249 ГК), а это свидетельствует об имущественной обособленности простого товарищества. Учитывая личную обособленность последнего (организационное единство товарищей), мы приходим к заключению: простое товарищество являет собой договорную корпорацию.

Таким образом, корпорация представляет собой добровольную организацию, основанную на участии (членстве) индивидов, полностью или частично формирующих ее имущество. Она создается по воле индивидов, а не в силу права. Последнее, признавая ту или иную корпорацию, не порождает ее, а придает корпорации определенную правовую форму (юридическое лицо, договор).

Библиографические ссылки

1. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. 2-е изд., исправ. и доп. – М. : Печ. А. И. Снегиревой, 1900.
2. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014.
3. Савиньи Ф. К. Система современного римского права : в 8 т. / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут; Одесса : Центр исследования права им. Савиньи, 2012. Т. II. 573 с.
4. Герваген Л. Л. Теория общественных союзов (Gierke. «Die Genossenschaftstheorie und die deutsche Rechtsprechung». Berlin. 1887) // Юридический вестник. 1891. Т. 8, кн. 3–4. С. 362–396.
5. Kyd, S. A Treatise on the Law of Corporations : in 2 vol. London, 1793. Vol. I.
6. Angell J., Ames S. Treatise on the Law of Private Corporations Aggregate / revised, corrected, and enlarged by J. Lathrop. 8th ed. Boston : Little, Brown, and Company, 1866. 843 p.
7. Grant J. A Practical Treatise on the Law of Corporations. Philadelphia : T. & J. W. Johnson, 1854.
8. Trustees of Dartmouth College v. Woodward. 17 U.S. (4 Wheat.) 518, 636 (1819).
9. Millon D. Theories of the Corporation // Duke Law Journal. 1990. Vol. 39, № 2. P. 201–262.

10. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука : в 2 кн. М. : Экономика, 1989. Кн. 2. 351 с.
11. Smuts J. C. Holism and Evolution. 3rd ed. London : Macmillan and Co., 1936.

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО НАКОПИТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

П. В. Рагойша

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220089, г. Минск, Беларусь, ptraho@gmail.com*

Изучено развитие правового механизма государственного стимулирования добровольного накопительного страхования в Республике Беларусь, проанализированы нормы Указа Президента Республики Беларусь от 27 сентября 2021 г. № 367 «О добровольном страховании дополнительной накопительной пенсии», дана оценка перспектив развития добровольного накопительного страхования в Республике Беларусь с учетом государственного софинансирования пенсионных накоплений.

Ключевые слова: добровольное накопительное пенсионное страхование; накопительная пенсия; государственное софинансирование пенсионных накоплений; дополнительное пенсионное обеспечение.

Кризис распределительной пенсионной системы, основанной на принципе солидарности поколений, стал очевиден уже в середине 90-х гг. XX в., когда ввиду снижения рождаемости в Беларуси отчетливо стала проявляться тенденция старения населения на фоне снижения его численности. Так, доля лиц старше трудоспособного возраста (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин) увеличилась с 13,6 процента в 1960 г. до 21,0 процента в 1996 г. и в 1999 г. достигла 21,5 процента всего населения [1]. Поэтому Концепцией реформы системы пенсионного обеспечения в Республике Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 апреля 1997 г. № 349, была декларирована необходимость введения в стране трехуровневой пенсионной системы, состоящей из социальных пенсий, трудовых (страховых) пенсий и дополнительных негосударственных пенсий на основе профессионального и добровольного личного страхования.

Решимость государства развивать многоуровневую пенсионную систему, включающую дополнительное накопительное страхование, нашла дальнейшее закрепление в Программе реформирования пенсионного законодательства Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 4 марта 2002 г. № 294. Разработка и принятие соответствующих законопроектов планировалось в 2003–2004 гг.

Необходимость разработки соответствующих законодательных актов была также отражена в п. 40 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205. Вместе с тем при дальнейшем совершенствовании пенсионного законодательства акцент был сделан на оптимизации обязательного (в том числе профессионального) пенсионного страхования в рамках действующей системы. Остроту проблемы в первое десятилетие XXI ст. несколько снизило и увеличение численности

трудоспособного населения вследствие вступления в продуктивный возраст поколения, рожденного в период демографического бума 80-х гг. XX ст. Так, трудовые ресурсы в Беларуси увеличились с 6004,6 тыс. человек в 2000 г. до 6241,6 тыс. человек в 2007 г. [2].

В дальнейшем необходимость государственного стимулирования добровольных пенсионных накоплений все более осознавалась как в научном дискурсе [3; 4; 5], так и на уровне государственного управления. Этому способствовало нарастание негативных тенденций в демографической структуре населения. Численность трудоспособного населения в трудоспособном возрасте уменьшилась с 5637,4 тыс. человек в 2012 г. до 5366,8 тыс. человек в 2017 г., или на 4,8 %, доля лиц старше трудоспособного возраста достигла 25,2 % от всего населения [6].

Вместе с тем реформирование пенсионной системы согласно п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 11 апреля 2016 г. № 137 «О совершенствовании пенсионного обеспечения» (далее – Указ № 137) было решено осуществить посредством последовательного повышения на три года пенсионного возраста. Пунктом 3 Указа № 137 руководителям организаций (независимо от форм собственности) рекомендовалось с учетом имеющихся финансовых возможностей шире применять практику участия работодателей и работников в программах добровольного страхования дополнительной пенсии.

При этом белорусский законодатель последовательно расширял налоговые льготы, предоставляемые работникам и работодателям при направлении средств на добровольное пенсионное страхование.

Согласно подп. 1.2 п. 1 ст. 210 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК РБ) работник имеет право на социальный налоговый вычет по подоходному налогу в сумме, уплаченной в том числе в качестве страховых взносов по договорам добровольного страхования дополнительной пенсии, заключенным на срок не менее трех лет. Вплоть до 2019 г. законодателем устанавливался и ежегодно увеличивался предельный размер такого социального налогового вычета: в 2016 г. он составлял 1813 руб., в 2017 г. – 2874 руб., в 2018 г. – 3907 руб. С 01.01.2019 такой социальный налоговый вычет максимальным размером не ограничивается.

Доходы, полученные работником в виде оплаты страховых услуг, в том числе по договорам добровольного страхования жизни и дополнительной пенсии, за счет средств работодателя в настоящее время льготируются по подоходному налогу в пределах 3890 рублей в течение календарного года (п. 24 ст. 208 НК РБ).

Очередной этап реформирования правового механизма государственного стимулирования добровольного накопительного страхования в Республике Беларусь ознаменован изданием Указа Президента Республики Беларусь от 27 сентября 2021 г. № 367 «О добровольном страховании дополнительной накопительной пенсии» (далее – Указ № 367), в соответствии с которым в Беларуси с 1 октября 2022 г. вводится в действие система дополнительного добровольного накопительного пенсионного страхования. Стимулировать работников к участию в накопительном страховании призвано государственное софинансирование пенсионных накоплений.

Согласно подп. 3.1 п. 3 Указа № 367, страхователями по договору дополнительного накопительного пенсионного страхования могут быть работающие граждане, за которых работодателем уплачиваются обязательные пенсионные взносы на пенсионное страхование, при условии, что остается не менее 3 лет до достижения ими установленного пенсионного возраста на дату начала срока дополнительного страхования.

Размер страхового взноса определяется страхователем самостоятельно, но не выше 13 процентов от причитающихся ему выплат, минимальный размер не установлен (подп. 3.3 Указа № 367). При этом страховой взнос в размере до 6 процентов включительно уплачивается страхователем из своих средств лишь в половинном размере, оставшаяся половина уплачивается за счет работодателя. Если размер страхового взноса превышает 6 процентов, за счет работодателя уплачивается часть взноса в размере 3 процентов, оставшаяся часть в размере вплоть до 10 процентов финансируется страхователем.

Предельный размер причитающихся работнику выплат, от сумм которых в процентном отношении определяется размер страхового взноса, не может превышать 5-кратной величины средней заработной платы работников в республике за месяц, предшествующий месяцу, за который уплачиваются обязательные страховые взносы, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь (п. 14 приложения «Термины и их определения» к Указу № 267).

В свою очередь, для работодателя на величину уплаченного страхового взноса снижается размер обязательного страхового взноса на пенсионное страхование (подп. 3.4 п. 3 Указа № 367). Таким образом, работодатель, неся обязанности по финансированию пенсионных накоплений, в материальном плане ничего не теряет: в конечном итоге размер его страхового взноса на пенсионное страхование остается прежним.

В соответствии со ст. 5 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2021 г. № 118-З «О взносах в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь» для подавляющего большинства работодателей он составляет 28 процентов, 24 процента уплачивают производители сельскохозяйственной продукции, объем которой составляет более половины от общего объема произведенной продукции, внос в размере 5 процентов установлен для ряда некоммерческих организаций и организаций, имущество которых находится в собственности общественных объединений инвалидов.

Недостаточность средств бюджета государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь (при ее возникновении) возмещается за счет республиканского бюджета посредством межбюджетного трансферта (подп. 3.5 п. 3 Указа № 367). Логично предположить, что такая недостаточность будет возникать по определению: только в 2021 г. субвенция из республиканского бюджета в фонд социальной защиты населения запланирована в размере 1,63 млрд. рублей. Следовательно, внедряемая в Беларуси система предусматривает государственное софинансирование пенсионных накоплений за счет средств республиканского бюджета.

Более того, сама система добровольного накопительного пенсионного страхования является государственной, поскольку единственным страховщиком определено государственное юридическое лицо – республиканское унитарное страховое предприятие «Стравита».

Размер отчислений в гарантийные фонды по дополнительному накопительному пенсионному страхованию установлен в размере 0,5 процента от суммы страховых взносов. Предусмотрено, что предельный размер расходов на ведение дела по такому страхованию устанавливается Советом Министров Республики Беларусь на каждый календарный год в процентах от суммы страховых взносов (подп. 3.9, 3.10 п. 3 Указа № 367).

В качестве стимулирующей меры белорусский законодатель предусмотрел освобождение от подоходного налога с физических лиц всех сумм страховых взносов,

уплачиваемых работником по добровольному пенсионному страхованию, а также дополнительных страховых пенсий. Начисленные за счет средств работодателя страховые взносы включаются им в затраты (расходы) по производству и реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, учитываемые при налогообложении, на эти страховые взносы не начисляются обязательные страховые взносы в бюджет фонда социальной защиты населения и страховые взносы по обязательному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (подп. 3.6 п. 3 Указа № 367).

Таким образом, абсолютные значения страховых взносов по добровольному пенсионному страхованию согласно Указу № 267 не установлены, их размер в каждый конкретный месяц зависит от определенного страхователем страхового тарифа и размера начисленного заработка (иного дохода) в пределах 5-кратного размера средней заработной платы в республике за прошедший месяц.

Существенные условия договора добровольного страхования дополнительной накопительной пенсии, права и обязанности его сторон, порядок заключения, исполнения, изменения и расторжения определены Положением о порядке и условиях осуществления добровольного страхования добровольной накопительной пенсии, утвержденным Указом № 267 (далее – Положение).

Договор заключается в письменной форме на основании письменного заявления страхователя путем выдачи ему страховщиком страхового свидетельства, в том числе может быть заключен в электронном виде через официальный сайт страховщика, и вступает в силу с даты его заключения. Существенными условиями договора страхования являются страховой тариф и срок выплаты дополнительной накопительной пенсии (ч. 8 п. 4 Положения).

Срок страхования устанавливается с 1-го числа месяца, следующего за месяцем уплаты первого страхового взноса, до даты наступления страхового случая (достижения общеустановленного пенсионного возраста) включительно. О заключении договора страхования страхователем, а также страховщиком, если договор заключен в электронном виде, информируется работодатель. Уплата страховых взносов осуществляется работодателем ежемесячно не позднее установленного дня выплаты заработной платы за истекший месяц. Досрочная уплата страховых взносов за следующий месяц не допускается (п. 6, 7 Положения).

Срок выплаты пенсии (пять или десять лет по достижении общеустановленного пенсионного возраста) выбирается страхователем изначально и указывается в заявлении, в дальнейшем его изменение не предусмотрено (ч. 2 п. 18 Положения). Определенный и указанный страхователем в заявлении страховой тариф может быть изменен по инициативе страхователя в течение срока страхования, но не чаще одного раза в год. Допускается также приостановление (возобновление) уплаты страховых взносов по инициативе страхователя без ограничения по количеству раз и сроку (п. 10 Положения).

В целях защиты пенсионных накоплений от инфляции законодателем предусмотрена обязательная норма доходности – выраженный в процентах уровень гарантированного дохода от осуществления страховщиком инвестиций посредством вложения и размещения средств страховых резервов. Согласно ч. 3 п. 8 Положения она устанавливается в размере ставки рефинансирования Национального банка, действующей в соответствующем периоде срока страхования.

Кроме гарантированной доходности, на сумму страховых взносов начисляется дополнительная доходность (страховой бонус) в зависимости от результатов

деятельности страховщика. Порядок начисления и распределения по именованным личным счетам страхователей дополнительной доходности (страхового бонуса) устанавливается страховщиком по согласованию с Министерством финансов (п. 16 Положения).

При этом страховая сумма по договору является расчетной величиной: страховщик на последнюю дату каждого месяца в течение срока дополнительной накопительного пенсионного страхования осуществляет перерасчет страховой суммы исходя из фактически уплаченных страховых взносов за вычетом расходов на ведение дела, нормы доходности и величины начисленной дополнительной доходности (страхового бонуса) на дату расчета (ч. 1 и 2 п. 8 Положения).

В случае смерти страхователя, а также по заявлению страхователя о выплате выкупной суммы в случае установления ему инвалидности I или II группы до достижения общеустановленного пенсионного возраста договор накопительного пенсионного страхования прекращается, страхователю или его наследникам выплачивается выкупная сумма – сумма страховых взносов за вычетом расходов на ведение дела, увеличенная на величину дохода в соответствии с нормой доходности и дополнительной доходности (страхового бонуса) (п. 19 Положения).

Наследники страхователя имеют также право на получение остатка накопленной суммы страхового обеспечения, если страхователь не успел получить все причитающиеся ему выплаты (ч. 4 п. 17 Положения).

По общему правилу срок обращения страхователя, а также наследников страхователя за получением накопленной суммы страхового обеспечения ограничен 180 днями со дня достижения общеустановленного пенсионного возраста или со дня получения свидетельства о праве на наследство соответственно (п. 17 Положения). В случае необращения за выплатой в установленные сроки и истечения общего срока исковой давности суммы неустраиваемых выплат перечисляются в республиканский бюджет (п. 20 Положения).

Установленное Указом № 267 правовое регулирование добровольного накопительного пенсионного страхования вводит новые механизмы государственного финансирования пенсионных накоплений, однако не препятствует осуществлению добровольного пенсионного страхования на прежних условиях.

Подпунктом 3.11 пункта 3 Указа № 267 предусмотрено, что работающий гражданин, являющийся страхователем по действующему договору добровольного страхования дополнительной пенсии, вправе обратиться в РУСП «Стравита» для расторжения такого договора с направлением денежных средств, имеющихся на его личном счете, на дополнительное накопительное пенсионное страхование. Очевидно, что решение о переходе на новую систему страхования каждый страхователь будет принимать с учетом экономической целесообразности.

В настоящее время в Беларуси страховым бизнесом в сфере дополнительной добровольного пенсионного страхования занимаются два страховщика: республиканское унитарное страховое предприятие «Стравита» и унитарное страховое предприятие «Приорлайф» ОАО «Приорбанк».

По данным РУСП «Стравита», всего с 2002 г. договорами накопительного пенсионного страхования было охвачено 285 тысяч человек, в том числе более 18 тысяч заключили договоры индивидуально, без участия нанимателя. В настоящее время в правоотношениях по добровольному накопительному пенсионному страхованию участвует 191,5 тысяч человек, из них 11 тысяч в соответствии с индивидуальными

договорами. Средний ежемесячный взнос составляет 52 рубля при индивидуальном страховании и 34 рубля при страховании нанимателем [7].

В 2016 г. общее количество застрахованных лиц по договорам добровольного страхования дополнительной пенсии в РУСП «Стравита» составляло более 158 тыс. человек [8]. Итого за пять лет рост количества застрахованных составил 121,2 процента.

Каковы же перспективы роста количества лиц, охваченных добровольным накопительным пенсионным страхованием, и объема рынка страхования с учетом вновь принятого законодательства? На наш взгляд, они обусловлены экономическими ожиданиями населения и проводимой информационной работой.

Как справедливо отмечает Г. Кузьмич, «пенсионная реформа невозможна без создания благоприятных макроэкономических и демографических условий: повышения рождаемости, снижения смертности, оптимизации миграционных трудовых процессов, повышения производительности труда и соответствующего увеличения заработной платы, проведения комплекса мер, направленных на обеспечение роста занятости, снижение уровня безработицы и сокращение «теневой» экономики. Кроме того, предотвращения инфляционных процессов, ведущих к обесцениванию пенсионных прав и снижению покупательной способности пенсий, совершенствования и реформирования здравоохранения и социального обслуживания.» [3, 25].

В последние годы в Республике Беларусь проводится взвешенная денежно-кредитная политика, уровень процентных ставок в экономике устойчиво превышает показатели инфляции и темпы девальвации белорусского рубля по отношению к иностранным валютам. Продолжение этой политики, а также повышение реальных денежных доходов населения на фоне устойчивого экономического роста станут залогом успешности нового механизма добровольного пенсионного накопительного страхования с государственным участием.

Библиографические ссылки

1. Статистический бюллетень «Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/471/471b4693ab545e3c40d206338ff4ec9e.pdf>. (дата обращения: 11.10.2021).
2. Состояние рынка труда в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.mintrud.gov.by/ru/actual_ru/view/sostojanie-rynka-truda-v_473/ (дата обращения: 11.10.2021).
3. Кузьмич Галина. Как повысить устойчивость пенсионной системы [Электронный ресурс] // Финансы. Учет. Аудит. 2013. № 11. С. 21–25. – URL: https://minfin.gov.by/upload/jurnal/2013/2013_11_21-25.pdf. (дата обращения: 11.10.2021).
4. Мойсейчик Галина. Стратегия и тактика пенсионной реформы для Беларуси [Электронный ресурс] // Банкаўскі веснік. 2015. № 11. С. 49–55. URL: <https://www.nbrb.by/bv/articles/10200.pdf>. (дата обращения: 11.10.2021).
5. Кирякова И.Н. Проблемные вопросы совершенствования пенсионной системы Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. 2017. С. 130–134. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30159943_78807046.pdf (дата обращения: 11.10.2021).

6. Трудовые ресурсы Беларуси: прогноз формирования и использования [Электронный ресурс] URL: <https://aqm.by/stati/economika-tryd-buh/trudovye-resursy-belarusi-prognoz-formirovaniya-i-ispolzovaniya/> (дата обращения: 11.10.2021).

7. Козловская Елена. Две выплаты – от государства и от страховой компании: как будет работать механизм накопительной пенсии [Электронный ресурс] // Республика. 08.10.2021. URL: <https://www.sb.by/articles/dividendy-serebryanomu-vozzrastu.html#> (дата обращения: 11.10.2021).

8. Об условиях добровольного страхования дополнительной пенсии республиканского дочернего унитарного страхового предприятия «Стравита» [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.gov.by/upload/insurance/komm/komm_110816.pdf. (дата обращения: 11.10.2021).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТОВАРИЩЕЙ ПО ДОГОВОРУ ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА

А. А. Rogovskiy

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220089, г. Минск, Беларусь, mail.rogowsky@gmail.com*

Излагаются общие вопросы правового регулирования обязательств с множественностью лиц. Показаны особенности регулирования долевых и солидарных обязательств, обусловленных наличием товарищеской связи между должниками. Анализируются подходы к регулированию отношений ответственности товарищей по договору простого товарищества, предлагаемые проектом изменений в Гражданский кодекс.

Ключевые слова: договор простого товарищества; солидарная ответственность; долевая ответственность.

Отсутствие у простого товарищества свойства правосубъектности предопределяет особый характер его участия в гражданском обороте – в обязательствах, создаваемых ведущими общие дела товарищами, права и обязанности возникают у всех товарищей. Другими словами, такие обязательства являются обязательствами с множественностью лиц (долевыми или солидарными).

По общим диспозитивным правилам, установленным ст. 302 и ст. 303 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-З (ред. от 05.01.2021) (далее – ГК), в долевом обязательстве действие, выражающее исполнение обязательства (долг), распределяется между должниками в равных долях, в солидарном обязательстве долг является единым для всех должников, не распределяется между ними и поэтому исполнение отдельными должниками части долга обязательство для них не прекращает. Аналогичный подход применяется к ответственности за нарушение обязательства (взысканию убытков и (или) уплате неустойки).

Если долевые обязательства, исходя из простоты данной правовой конструкции, не получили широкого нормативного регулирования, то существо солидарных обязательств раскрыто в ГК полнее, правила о них описаны в ст. 303–307 ГК. Основные положения о солидарности обязательства сводятся к следующему:

– солидарное обязательство возникает, если оно предусмотрено договором или установлено законодательством (например, при неделимости предмета обязательства

или если обязательство связано с осуществлением предпринимательской деятельности) (ст. 303 ГК);

– кредитор вправе требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, как полностью, так и в части долга, а не получив полного удовлетворения от одного из должников, он имеет право требовать недополученное от остальных должников. При этом должники остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не будет исполнено полностью (ст. 304 ГК);

– исполнение солидарной обязанности полностью одним из должников освобождает остальных должников от исполнения кредитуру, а должник, исполнивший солидарную обязанность, имеет право регрессного требования к остальным должникам в равных долях за вычетом доли, падающей на него самого (ст. 306 ГК).

ГК императивно определяет характер обязательств, обусловленных наличием товарищества на стороне должников.

Так, в силу ч. 1 п. 1 ст. 917 ГК обязательство товарищей является долевым, если объединивший товарищей договор простого товарищества не связан с осуществлением ими предпринимательской деятельности, и в силу ч. 2 п. 1 ст. 917 ГК и п. 2 ст. 917 ГК обязательство товарищей является солидарным, если оно возникло не из договора, заключенного товарищем, ведущим общие дела (например, является деликтным или кондикционным) или если товарищеский договор связан с осуществлением товарищами предпринимательской деятельности.

Несмотря на то, что данные нормы указывают лишь на ответственность товарищей по обязательствам, они должны толковаться расширительно, охватывая собой не только лежащую на товарищах обязанность возместить убытки и (или) уплатить неустойку, но также и обязанность исполнить обязательство в натуре.

Солидарный характер носит налоговая обязанность товарищей при прекращении договора простого товарищества (ст. 44 Налогового кодекса Республики Беларусь (Общей части) от 19.12.2002 № 166-З (ред. от 29.12.2020)).

В литературе уже отмечалось, что законодатель устанавливает солидарную ответственность для того, чтобы предоставить кредитору наибольшую гарантию и удобство в осуществлении им своих прав по обязательству [1, с. 61].

Поэтому установление в действующем ГК солидарной ответственности товарищей по общим обязательствам, связанным с осуществлением предпринимательской деятельности, обусловлено его нацеленностью на обеспечение более полной защиты прав кредитора.

Несколько по-другому предлагает рассматривать отношения, связанные с ответственностью товарищей по договору простого товарищества, Проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов» (далее – Проект), первая статья которого посвящена изменениям в ГК, и, в частности, в ст. 917 ГК.

Проект устанавливает долевую ответственность товарищей по общим договорным обязательствам (пропорционально стоимости вклада товарищества в общее дело), вне зависимости от того, связан ли договор простого товарищества с осуществлением товарищами предпринимательской деятельности.

Помимо этого, Проект позволяет распределять ответственность либо устанавливать ограничение ответственности отдельных товарищей договором между ними.

В историческом развитии белорусского института простого товарищества уже был период, когда по общим долгам каждый товарищ нес ответственность соразмерно с долей своего участия в товариществе, а солидарная ответственность товарищей за общие долги не предполагалась (ст. 287 ГК БССР 1923 года).

Правда, это правило уточнялось в ст. 294 ГК БССР 1923 года таким образом, что при недостаточности общего имущества для удовлетворения или обеспечения долгов, недостающая сумма должна была быть пополнена товарищами в размере приходящейся на каждого из них доли убытка, а в случае несостоятельности кого-либо из товарищей приходящаяся на его долю часть убытка распределялась между остальными товарищами. Н. Г. Вавин и А. Э. Вормс называли такую ответственность не просто долевой, а ответственностью за круговой порукой [2; с. 59–60].

Представляется, что кредитору уже в обычном долевом обязательстве может быть затруднительно притязать на осуществление своих прав требования в полном объеме.

Тем более затруднительно для него это может быть в долевом обязательстве, возникающем под влиянием товарищеского договора, содержание которого (включая и сведения о размерах долевой ответственности товарищей) ему может быть неизвестно, а товарищи могут возражать против требований кредитора по основанию несоответствия объема притязания объему своего долевого обязательства.

Некоторые ученые, в частности Е. М. Щукина, отрицательно высказывались по поводу предоставления товарищам возможности изменять порядок распределения долевой ответственности договором, считая вероятными различные злоупотребления, например, несоразмерное уменьшение доли ответственности самого состоятельного и платежеспособного товарища, что влекло бы серьезные препятствия к удовлетворению законных прав и интересов кредиторов [3, с. 266].

Учитывая эти соображения, можно предположить, что внедрение в предлагаемом виде долевой ответственности по общим товарищеским обязательствам создаст дополнительную нагрузку возможностям кредитора осуществлять свои права в обязательстве.

Библиографические ссылки

1. Белов В. А. Солидарность обязательств (общее учение и отдельные осложняющие моменты – альтернативность, обеспечение, перемена лиц, прекращение) // Практика применения общих положений об обязательствах: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2011. С. 52– 89.
2. Вавин Н. Г., Вормс А. Э. Товарищества простое, полное и на вере: Научно-практический комментарий к ст. ст. 276–317 Гражданских кодексов РСФСР и УССР. 2-е изд., испр. и доп. М., 1928.
3. Щукина Е. М. Содержание обязательства, возникающего из договора простого товарищества // Проблемы современной цивилистики : сборник статей, посвященных памяти профессора С. М. Корнеева / отв. ред. Е. А. Суханов, М. В. Телюкина. М. : Статут, 2013.

ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Ю. Е. Руденя

*Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220050, г. Минск, Беларусь, yura.rudenia@yandex.by*

Исследован вопрос места уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов в механизме обеспечения экономической безопасности государства. Проанализированы основополагающие аспекты уголовно-правовой защиты установленного порядка налогообложения. Подробно произведен социально-правовой анализ охраняемых нормами уголовного закона о налоговых преступлениях общественных отношений. Отдельно раскрыты такие составляющие объекта уклонения от уплаты налогов, как общий порядок осуществления экономической деятельности в целом (в том числе с позиции причинения противоправной налоговой минимизацией вреда отношениям конкуренции, ценообразования и т. д.).

Ключевые слова: налоговая система; уголовная ответственность; уклонение от уплаты налогов; бюджет; фискальные функции.

Зарождение сорок тысяч лет назад государства как универсальной политической и социальной организации обусловило появление ряда имманентно присущих ему признаков и функций. Наряду с наличием признаков территории, силового аппарата, суверенитета, всеобщих правил поведения зародился и институт налогообложения. Обязанность уплачивать налоги закреплена в ст. 56 Конституции Республики Беларусь, согласно которой граждане Республики Беларусь обязаны принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей. Важнейшее значение данной конституционной обязанности обусловило то, что законодатель за наиболее серьезные и общественно опасные формы неисполнения налоговой обязанности, повлекшие причинение ущерба в уголовно-наказуемом размере, предусмотрел уголовную ответственность.

В широком аспекте механизм противодействия незаконной налоговой минимизации включает в себя установление мер административной ответственности за неуплату налогов, а также налоговый контроль, в том числе, за качественными параметрами исполнения налоговой обязанности. Вместе с тем, такой механизм охватывает не только применение мер юридической ответственности, но и использование предусмотренных нормами налогового законодательства возможностей корректировки налогового обязательства и доначисления сумм налогов. Данный вектор противодействия противоправному уходу от налоговой обязанности выражается в системной корреляции не только охранительного, но и налогового, контрольно-надзорного и процессуального законодательства. Таким образом, подчеркивается предметно-функциональное межотраслевое единство институтов налогового контроля и юридической ответственности за нарушения налогового законодательства.

В настоящий момент система налоговых преступлений представляет собой совокупность нескольких однородных составов противоправных деяний:

- 1) уклонение от уплаты налогов, сборов (ст. 243 УК);
- 2) уклонение от исполнения обязанностей налогового агента по перечислению налогов, сборов (ст. 243¹ УК);

3) налоговое мошенничество (ст. 2432 УК).

В научной литературе существуют различные точки зрения на сущность общественных отношений, охраняемых нормами об уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов как преступление против порядка осуществления экономической деятельности. Так, имеет место точка зрения, что экономические преступления в целом посягают на правоотношения, складывающиеся по поводу возникновения и реализации материальных благ [1, с. 145]. При таком подходе объект налоговых преступлений представляется необоснованно широким, так как охватывает также отношения собственности и порядок управления. С другой стороны, слишком «узким» видится понимание экономической преступности В. В. Колесниковым, с точки зрения трактовки соответствующего объекта как установленного законом порядка осуществления предпринимательской (хозяйственной) деятельности [1, с. 147]. При таком подходе из объекта уголовно-правовой охраны выпадают основы регулирования экономической деятельности и финансовой деятельности государства, в том числе и установленный порядок налогообложения. А. Н. Трайнин отмечал, что налоговые преступления – это противодействие финансовым функциям властей. В аналогичном контексте А. А. Пионтковский подчеркивал, что налоговые преступления заключаются в посягательстве на финансовый аппарат системы государственной власти [1, с. 149].

Таким образом, многообразие всех точек зрения на объект уклонения от уплаты налогов можно свести к трем основным: 1) фискальные интересы государства в виде установленного порядка взыскания и уплаты налогов в бюджет; 2) установленный порядок осуществления экономической деятельности; 3) механизм осуществления государственного управления в финансовой сфере. При этом каждое из направлений восприятия сущности объекта уклонения от уплаты налогов по-своему верно и находится в диалектической взаимосвязи с соответствующей составляющей сущности института налогообложения в частности и налогов как таковых в целом.

Так, взыскание государством налогов осуществляется в целях пополнения бюджета (фискальная составляющая), косвенного регулирования экономической деятельности (регулятивная составляющая), перераспределения национального дохода (социальная составляющая). На основании изложенного, уголовно-наказуемое уклонение от уплаты налогов причиняет вред различным по содержанию, но концептуально связанным между собой общественным отношениям, возникающим по поводу исчисления и уплаты налогов в бюджеты, в зависимости от того, каким образом функционирует та или иная составляющая института налогообложения:

- фискальные функции и интересы государства по обеспечению налоговыми платежами доходной части республиканского или местного бюджета;
- общий порядок осуществления экономической деятельности, достигаемый за счет эффективности регулятивного воздействия налогового инструментария на экономические процессы.

В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.03.2015 № 1 «О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты сумм налогов, сборов (ст. 243 УК)» сказано, что уклонение от уплаты сумм налогов, сборов влечет за собой непоступление денежных средств в бюджетную систему Республики Беларусь, осложняет финансирование государственных расходов и своевременное выполнение социальных программ.

Большинство авторов вред от уклонения от уплаты налогов определяют непоступлением в бюджетную систему налоговых платежей. Действительно, недопоступление в бюджет налогов осложняет решение целого ряда таких проблем, как

производственных и социальных, ставит проблемным вопрос качественного финансирования как расходов на правопорядок, правосудие и оборону, так и расходов на крупные целевые программы – научно-технические, экономические и социальные [2, с. 17]. Непоступление запланированных денежных средств приводит к невозможности исполнения всех намеченных социальных и целевых программ, к необходимости экономить на значимых для населения страны направлениях бюджетной политики. Ухудшение ситуации с формированием доходной части ведет к образованию дефицита бюджета, который приходится покрывать за счет увеличения внешнего долга и расходования резервных средств.

Как справедливо отмечено М. В. Косовичем, В. В. Белокопытовым в любых государствах мира налоговая преступность обладает большой латентностью [2, с. 19]. Не является исключением и Республика Беларусь. Поэтому официальная статистика показателей уровня налоговой преступности не говорит о реальном её уровне. По оценкам практикующих работников, криминологов и правоохранителей латентность налоговой преступности варьируется от 50 до 90 процентов [2, с. 21]. Индикаторами, свидетельствующими о реальном уровне налоговой преступности, являются соотношение официальных и реальных доходов населения, обналичивание денежных средств, полученных из прибыли организаций, сумма экспортируемой валюты за границу.

Проблему определения вреда бюджетной системе вследствие уклонения от уплаты налогов можно рассмотреть и шире. К такому вреду можно также отнести и денежные средства государства, выделенные на борьбу с налоговой преступностью (в том числе на ее организационную и материально-техническую базу, включая суммы выплачиваемых заработных плат сотрудникам налоговых и правоохранительных органов), не покрытые взысканным ущербом, причиненным совершением налоговых преступлений. Вред от налоговых преступлений в широком смысле обуславливается и несовершенством в ряде случаев законодательной техники, проблемами правоприменительной практики, создающими объективные трудности для выявления и пресечения налоговых преступлений либо привлечения виновных лиц к установленной законодательством ответственности, взыскания с них причинённого ущерба.

Как было отмечено, ущерб от уклонения от уплаты налогов причиняется и общему порядку осуществления экономической деятельности, достигаемому за счет эффективности регулятивного механизма воздействия на рыночные процессы налоговым инструментарием.

Так, Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко 19 августа 2021 г. на встрече с Министром по налогам и сборам и Председателем Комитета государственного контроля Республики Беларусь было подчёркнуто, что проблема уклонения от уплаты налогов в настоящее время возникает не столько из-за необходимости пополнения бюджета, сколько касается более «фундаментальных вопросов, связанных с доверием населения к власти, честными и открытыми правилами ведения бизнеса, социальной защитой населения». Отмечалось и в научной литературе, что ущерб от налоговой преступности в широком смысле несет не только бюджетная система государства, но и уплачивающие налоги законопослушные предприниматели, вынужденные в неравных (более неблагоприятных) условиях конкурировать с недобросовестными налогоплательщиками. Так, противоправная налоговая минимизация может использоваться как средство недобросовестной конкуренции в форме ценового демпинга. Как показывает практика, клиенты лжепредпринимателей не только занижают налоговые платежи, но и диктуют свои цены, предлагая более низкую стоимость товара по сравнению с добросовестными налогоплательщиками. Дестабилизация отношений

добросовестной конкуренции между участниками рынка провоцирует снижение темпов экономического развития, что влечет ухудшение социально-экономического положения всего общества.

Скрытые от налогообложения доходы оседают в теневом секторе экономики, переводятся в зарубежные банки или оффшорные территории, детерминируя рост коррупции, организованной преступности и другие негативные явления. В конечном счете нарушается естественный процесс развития рыночных отношений и создается угроза экономической безопасности государства [3, с. 67].

Воздействию налоговой преступности в условиях экономических преобразований подвержены наиболее уязвимые сферы: на валютном рынке происходит сокрытие и уменьшение продажи иностранной валюты с целью резкого увеличения цены на нее; возникает искусственное повышение и удержание высоких цен на товары, медикаменты и услуги, происходит изготовление некачественных, вредных для здоровья товаров потребления. С этой точки зрения налоговой преступностью нарушается нормальное функционирование кредитно-финансовой и банковской систем, торгово-потребительской, строительной, транспортной, производственной и иных стратегических для государства сфер.

Вместе с тем, не оспаривая общую полезность для государства и общества от взимания налогов, злободневной проблемой почти для всех стран мира является размер взыскиваемых налогов (уровень налоговой нагрузки) с точки зрения эффективности реализации как публичных интересов государства, так и частных интересов налогоплательщиков. Ведь фактически природа налоговых правоотношений заключается в безвозмездном (в непосредственном понимании со стороны носителя права собственности) изъятии части принадлежащего ему по праву имущества на легальной основе. Определяющим показателем налоговой нагрузки по критерию ее тяжести для налогоплательщика и эффективности для государства является ставка налогов, выражающая долю допустимого изъятия имущества налогоплательщика.

Важным в экономической теории является преодоление заблуждения об арифметическом увеличении фактических налоговых поступлений при соответствующем повышении налоговых ставок. Эта закономерность была установлена американским ученым-экономистом А. Лаффером, который сформулировал следующий закон: повышение ставки налогов увеличивает сумму доходов в бюджет лишь до определённого размера; после определенной точки такого повышения рост налоговых доходов становится медленнее, и наконец, на ещё более верхней точке – такой рост прекращается [4, с. 189]. В более детальном контексте данная научная теория показала, что изъятие у рыночных субъектов более 35 – 40 процентов прибыли влечёт ситуацию, при которой расширение производства и инвестиции становятся невыгодными для налогоплательщика. Иными словами, чрезмерный рост налогового бремени сильно снижает стимулы к производству у экономических агентов, их активность резко падает, следовательно, сокращается налоговая база, с которой начисляются налоги. При слишком большом налоговом бремени эффект от сокращения налоговой базы, который иногда называют экономическим эффектом, может перекрыть эффект от роста налоговых ставок, который называют арифметическим эффектом [4, с. 192]. Иначе говоря, стимулирующая функция налоговой системы, под которой понимается её влияние на активность рыночных субъектов, нивелируется фискальной функцией, под которой подразумевается цель пополнения бюджета.

Следовательно, криминообразующие признаки соответствующих составов преступлений, в которых находит своё отражение общественная опасность уклонения от

уплаты налогов, должна соответствовать реальному экономическому курсу государства. В соответствии с современными доктринальными представлениями о криминообразующих признаках преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, к ним следует относить такие признаки как обман, злостность поведения, противоправный и умышленный характер поведения. Данные разновидности криминообразующих признаков не вызывают сомнения (обманный характер действий) и могут обоснованно рассматриваться (злостный характер действий) как лежащие в основе необходимости установления уголовно-правового запрета. С точки зрения того, является ли неуплата налогов обманным деянием или нет, важной является проблема определения границ и критериев добросовестности минимизации налоговых обязательств (налоговой оптимизации). При этом действующее законодательство не содержит четких критериев разграничения противоправной и правомерной налоговой минимизации. Представляется, что решение указанной проблемы может быть лишь на уровне правоприменения при оценке тех или иных обстоятельств в каждом конкретном случае. Противоправный характер действий выражается через указание на конкретные формы и способы минимизации налогов, исключающие достижение целей, предусмотренных институтом налогообложения. Злостность, которой обладает уголовно-наказуемое уклонение от уплаты налогов и которая не присуща административным правонарушениям против порядка налогообложения, выражается в специфических «обманных» способах, умышленной его природе, а также в крупном (в широком смысле этого слова) размере неуплаченных налогов.

Резюмируя, следует отметить, что в условиях тяжести налогового бремени для бизнес-сообщества необходимо адекватно оценивать общественную опасность уклонения от уплаты налогов при формировании уголовной политики противодействия налоговой преступности. Соответственно, принципы криминализации тех или иных деяний по минимизации налогов как преступлений должны учитывать социально-экономическую реальность в русле важности преобладания принципов устойчивости и стабильности экономической ситуации в целом над сугубо фискальными интересами государства по пополнению бюджета. Предоставление же государством налоговых льгот является важной составляющей государственного регулирования экономической деятельности, в связи с чем презюмируется их экономическая целесообразность для целей воздействия на те или иные рыночные процессы. В этой связи уголовное нормотворчество всегда должно учитывать подлинный смысл предоставляемых налоговым законодательством правовых возможностей налоговой оптимизации с целью сохранения системной связи уголовной и налоговой политики государства.

Библиографические ссылки

1. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002.
2. Белокопытов В. В. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.03.2015 № 1 «О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты сумм налогов, сборов (статья 243 УК) (по состоянию на 25.04.2015) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.
3. Лукашов А. И. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Особенная часть. Раздел VIII. Преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности. Глава 25. Преступления против порядка осуществления экономической деятельности (статьи 221–2611) (по состоянию на 31.08.2015)

// КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

4. Савицкая Г.В. Экономический анализ : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим направлениям и специальностям. 13-е изд., испр. Москва : Новое знание, 2007.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН НА ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ

А. В. Савельев

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, avroraexposervis@mail.ru*

Рассмотрено понятие «право собственности граждан на жилые помещения», определено его содержание. Проанализированы случаи и пределы правомерного использования гражданами жилых помещений, возможность использования жилого помещения не по назначению в соответствии с законодательными актами. Обоснована необходимость изменения действующего законодательства Республики Беларусь, в частности закрепление официального определения «использование жилого помещения не по назначению», а также введение гражданско-правовой ответственности за нарушения правил пользования жилым помещением в виде лишения собственника принадлежащего ему жилого помещения.

Ключевые слова: право собственности; жилое помещение; пользование; ответственность; нежилое помещение; использование не по назначению.

Институт права собственности, оказывая непосредственное влияние на формирование нового этапа развития белорусского государства в начале XXI в., служит основой для формирования рыночных отношений и является одним из приоритетных направлений реализации экономической и социальной функций государства. Конституционные гарантии обладателей права собственности на жилое помещение могут быть реализованы только при условии грамотного законодательного закрепления, безупречной практической, в том числе судебной реализации частноправовых представлений о праве собственности и иных вещных правах граждан на жилые помещения.

С 28 августа 2012 г. вступил в силу Жилищный кодекс Республики Беларусь (далее – ЖК Республики Беларусь), в котором на законодательном уровне сформулированы определения таких важных понятий как жилое помещение, жилой дом, квартира, нежилое помещение. Во исполнение фундаментальных положений, закрепленных в ЖК Республики Беларусь, в последние годы был принят ряд нормативных правовых актов, направленных на регламентацию отношений, возникающих по поводу приобретения гражданами права собственности на жилые помещения. В частности: Указ Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2015 г. № 535 «О предоставлении жилищно-коммунальных услуг», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 6 декабря 2018 г. № 878 «О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 4 сентября 2018 г. № 357»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 июня 2014 г. № 571 «О порядке расчетов и внесения платы за жилищно-коммунальные услуги и платы за пользование жилыми помещениями государственного жилищного фонда, а также возмещения расходов на электроэнергию».

Актуальность темы подтверждается тем, что в настоящее время судебная практика свидетельствует об огромном количестве судебных споров относительно реализации права собственности граждан на жилые помещения, особенно судебных споров о пределах использования гражданами жилых помещений, что свидетельствует об отсутствии в достаточной мере правовой регламентации отношений, возникающих при реализации права собственности граждан на жилое помещение. Следовательно, можно прийти к выводу о недостаточности исследования темы и необходимости анализа существующих проблемных, в том числе теоретических, вопросов.

Право собственности предоставляет лицу наиболее широкий объем полномочий осуществлять владение, пользование и распоряжение принадлежащим ему имуществом. Статья 44 Конституции Республики Беларусь и ст. 210 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) гарантируют собственнику возможность по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом. Вместе с тем в ст. 23 Конституции Республики Беларусь предусмотрена возможность ограничения прав собственника в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Одним из объектов права собственности, в отношении которых законодательством введены ограничения правомочий собственника, является жилое помещение. В соответствии с п. 1 ст. 272 ГК собственник осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему жилым помещением в соответствии с его назначением. Указанная норма также определяет, что жилые помещения имеют целевое назначение, они предназначены для проживания граждан. Гражданин – собственник жилого помещения может использовать его для личного проживания и проживания членов его семьи отдельно или вместе с семьей. Жилые помещения могут сдаваться их собственниками гражданам для проживания на основании договора. На ограничение самостоятельности собственника в решении вопросов использования жилого помещения направлены и положения ст. 14 ЖК Республики Беларусь.

Так, согласно ст. 14 ЖК Республики Беларусь жилые помещения предназначены для проживания граждан. Использование не по назначению пригодных для проживания жилых помещений не допускается, за исключением случаев, предусмотренных ЖК Республики Беларусь. Данное требование подлежит исполнению, как нанимателями, так и собственниками жилых помещений, государственными органами, осуществляющими управление в сфере жилищных отношений, судами и т.д.

Использование жилого помещения не по назначению, в частности размещение собственником в принадлежащем ему жилом помещении организаций и их подразделений, допускается, во-первых, в случаях, прямо предусмотренных законодательными актами, во-вторых, после перевода этого помещения в нежилое.

Возможность использования жилого помещения не по назначению законодательными актами допускается в следующих случаях:

1) для размещения частного унитарного предприятия. Пункт 5 Положения о государственной регистрации субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования», предусматривает, что местонахождением частного унитарного предприятия может являться жилое помещение (квартира, жилой дом) физического лица – собственника имущества частного унитарного предприятия в одном из следующих случаев:

жилое помещение принадлежит ему на праве собственности (находится в долевой или совместной собственности) – с согласия иного собственника (всех собственников), а также всех совершеннолетних членов его семьи (и членов семьи всех собственников), проживающих в этом помещении;

он постоянно проживает в жилом помещении (за исключением жилого помещения государственного жилищного фонда), о чем свидетельствуют отметка в документе, удостоверяющем личность, либо сведения в карточке регистрации (домовой книге), – с согласия собственника (всех собственников) жилого помещения частного жилищного фонда, а также проживающих в данном помещении всех совершеннолетних членов семьи собственника (всех собственников);

2) для размещения крестьянского (фермерского) хозяйства. В соответствии с ч. 2 п. 2 ст. 7 Закона Республики Беларусь от 18 февраля 1991 г. № 611-ХІІ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» местом нахождения фермерского хозяйства может являться жилое помещение (квартира, жилой дом), принадлежащее главе фермерского хозяйства на праве собственности (в том числе на праве долевой или совместной собственности) либо являющееся его постоянным местом жительства (за исключением жилого помещения государственного жилищного фонда);

3) в отношении многоквартирных, блокированных жилых домов или их части при наличии согласования с местными исполнительными и распорядительными органами с соблюдением правил градостроительства, норм санитарной гигиены и противопожарной безопасности.

Изменение порядка использования жилого помещения возможно и в случае изменения его правового режима – перевода данного помещения в нежилое. Согласно п. 2 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2013 г. № 221 «Об утверждении положения о порядке обследования состояния многоквартирных, блокированных и многоквартирных жилых домов и их придомовых территорий, квартир в многоквартирных и блокированных жилых домах, общежитий в целях определения из несоответствия установленным для проживания санитарным и техническим требованиям и принятия решений об их восстановлении для использования по назначению, либо о переводе в нежилые, либо о сносе непригодных для проживания жилых домов, общежитий» рассмотрение вопросов признания жилых помещений непригодными для проживания или несоответствия их санитарным и техническим требованиям, предъявляемым к жилым помещениям, возложено на постоянно действующую межведомственную комиссию, образуемую районным, городским, районным в городе исполнительным или распорядительным органом.

Особенности правового режима жилых помещений определяются также последствиями нарушения собственником или нанимателем условий пользования жилыми помещениями. Контроль за соблюдением гражданами правил использования жилых помещений обязаны производить жилищно-эксплуатационные организации, а в их отсутствие – юридические лица независимо от форм собственности, осуществляющие эксплуатацию жилых домов.

ЖК Республики Беларусь устанавливает различные санкции за нарушение правил пользования, в том числе использование жилого помещения нанимателем и членами его семьи, а также собственником и членами его семьи не по назначению.

В настоящее время законодательство Республики Беларусь не раскрывает в должной мере понятие «использование жилого помещения не по назначению». В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь № 11 от 26 июня 2014 г. «О применении судами законодательства о договорах найма жилых помещений

государственного жилищного фонда» также не дано разъяснений на этот счет. Полагаем, что в целях создания единого судебного подхода к определению использования жилого помещения не по назначению в ст. 1 ЖК Республики Беларусь внести дополнение, указав: «использование жилого помещения не по назначению – это использование жилого помещения не для проживания граждан, а для иных целей (например, использование его для офисов, складов, размещения промышленных производств, содержания и разведения животных), то есть фактическое преобразование жилого помещения в нежилое без его перевода в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом».

Также в целях недопущения случаев, когда после перевода помещения в нежилое оно не используется в целях, на основании которых жилое помещение было переведено в нежилое, считаем необходимым дополнить п. 8 ст. 21 ЖК Республики Беларусь еще одним основанием для отмены решения районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе решения о переводе жилого помещения в нежилое следующим образом:

«Решение о переводе жилого помещения в нежилое может быть отменено решением районного, городского исполнительных комитетов, местной администрации района в городе, если:

... – собственник этого жилого помещения в течение одного года с даты принятия решения о переводе жилого помещения в нежилое не приступил к использованию этого помещения, и такое неиспользование жилого помещения нарушает права и законные интересы других лиц».

ПРАВОВОЙ СТАТУС ПАРАБАНКОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ФИНТЕХ КОМПАНИЙ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Е. А. Самусев

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, egor.samusev@gmail.com*

Статья посвящена вопросам правового статуса парабанковских организаций и финтех компаний, законодательной регламентации их деятельности. в связи с внедрением инновации в области финансовых услуг. Автор приходит к выводу о влиянии на банковский сектор экономики, а также сектор национальной экономики в целом.

Ключевые слова: парабанковские организации; финтех компании; цифровизация; правовые основы развития экономики

Согласно ст. 5 Банковского кодекса Республики Беларусь (далее – БК) финансово-кредитная система Республики Беларусь кроме банков включает в себя и небанковские кредитно-финансовые организации (далее – НКФО). На данный момент финансовый рынок Республики Беларусь включает в себя 92 участника: 22 банка, 2 НКФО, 33 лизинговых организаций, 11 страховых организаций, 24 профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Стоит отметить, что к финансовому рынку на данный момент не относят компании, осуществляющие выпуск токенов. По своей сути деятельность таких компаний как Finstore и Карренси Ком Бел представляет собой выпуск токенизированных

активов – облигаций и акций соответственно. Указанные в качестве примера компании являются резидентами Парка высоких технологий (далее – ПВТ).

Причиной трансформации традиционных банков является возрастающая конкуренция со стороны небанковских финансовых организаций и айти компаний. По своей сути финтех компании являются организациями, предоставляющими услуги на стыке информационных технологий и финансов для клиентов, которыми могут являться как субъекты хозяйствования, так и граждане. Многие крупные айти корпорации осуществляют услуги в сфере финтех, так например Google, Amazon, Apple, Facebook, Samsung осуществляют услуги в области платежей; eBay, Orange – также в области кредитования; Alibaba, Baidu – в области страхования и фондов денежного рынка. Некоторые из этих компаний осуществляют полный спектр услуг, являющихся по своей сути банковскими операциями.

Результатом такой конкуренции с банками становится внедрение последними новых форм предоставления услуг: маркетплейсы и экосистемы. Данные направления рассматриваются белорусскими банками как стратегический ориентир достижения устойчивого уровня конкуренции в финансовой отрасли и получения прибыли в условиях низкой маржинальности. В качестве примеров можно привести ОАО «Белагропромбанк», ОАО «БПС-Сбербанк», ЗАО «Банк ВТБ (Беларусь)», ОАО «Банк БелВЭБ», в которых формирование экосистем нашло отражение в стратегиях на среднесрочную перспективу. Использование банками экосистемного подхода это предложение услуги околофинансового и (или) нефинансового характера, экосистемы предоставляют широкий спектр решений, покрывая потребности, начиная от запроса на услуги, заканчивая поддержкой лояльности после их получения.

Деятельность по созданию экосистем может характеризоваться как межиндустриальная, поскольку приводит к размыванию границ между бизнес-моделями, рыночными сегментами и даже юрисдикциями, создавая принципиально новые виды рисков как для институтов, так и для регуляторов, в том числе связанные с защитой персональных данных и прав потребителей, стратегических рисков. Центральные банки сталкиваются с необходимостью решения регуляторной дилеммы: поддержание баланса между повышением финансовой вовлеченности и доступности цифровых финансовых услуг при одновременном создании равных условий конкуренции, а также обеспечении финансовой стабильности и структурной развитости финансового рынка. Международный опыт свидетельствует, что меры, применяемые зарубежными регуляторами, в большей степени направлены на минимизацию рисков и защиту данных потребителей, за редким исключением затрагивая периметр макро- и микропруденциального регулирования [3, с. 5–6].

В целом цифровая экосистема – это набор взаимосвязанных, дополняющих друг друга цифровых объединенных технологической платформой сервисов компании, часть из которых может не относиться к ее основной деятельности. При этом все вместе данные сервисы создают дополнительную ценность для клиентов компании. Примером может быть банк или сотовый оператор, который в рамках своей технологической платформы предлагает своим клиентам услуги по доставке еды, заказу такси и пр. [2, с. 20–21].

Маркетплейс в свою очередь является цифровой платформой, позволяющей потребителям получать информацию и заказывать услуги разных финансовых организаций. Весомую роль в развитии маркетплейсов играет внедрение open banking API. Так, в письме Национального банка от 03.01.2019 № 04-16/11 «О применении в работе глоссариев и классификаторов условий» сообщается, что в рамках осуществляемой

Национальным банком разработки открытых информационных интерфейсов прикладного программирования API сформированы классификаторы условий кредитования, привлечения денежных средств во вклады (депозиты), эмиссии и обслуживания банковских платежных карточек (далее – классификаторы условий), которые в дальнейшем планируется использовать для выбора потребителями наиболее приемлемых для них банковских продуктов по заданным критериям.

Таким образом, использование API позволяет осуществлять обмен информацией между различными финансовыми организациями, финтех компаниями, что в свою очередь позволяет привлекать потребителя на наиболее выгодных условиях с использованием единой платформы.

Правовое регулирование финансовых организаций осуществляется такими законодательными актами как Закон от 05.01.2015 № 231-З «О рынке ценных бумаг», Указ Президента Республики Беларусь от 25.08.2006 № 530 «О страховой деятельности», Указ Президента Республики Беларусь от 25.02.2014 №99 «О вопросах регулирования лизинговой деятельности» и др.

Особого внимания заслуживает Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики», которым предоставляется право открывать счета в банках, небанковских кредитно-финансовых организациях в Республике Беларусь и за рубежом для проведения расчетов по торгам и осуществляемым им операциям; получать за оказываемые услуги вознаграждение, в том числе токенами, устанавливать его размер и порядок взимания с участников торгов (клиентов); совершать (организовывать) сделки с резидентами и нерезидентами Республики Беларусь, направленные на размещение токенов, в том числе за рубежом, приобретение и (или) отчуждение токенов за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, обмен токенов на иные токены в интересах клиентов либо в своих интересах; совершать (организовывать) иные сделки (операции) с токенами, за исключением операций по обмену токенов на объекты гражданских прав иные, чем белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, токены.

Стоит отметить, что законодательство о ценных бумагах, секьюритизации, требования о лицензировании профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам не распространяются на отношения (деятельность, операции) резидентов Парка высоких технологий с использованием токенов, в том числе на тождественные (схожие) с отношениями (деятельностью, операциями), регулируемые указанным законодательством, также деятельность с использованием токенов не признается банковской деятельностью.

Таким образом, для резидентов ПВТ установлен специальный режим правового регулирования, что позволяет осуществлять деятельность, связанную с инновациями, без ограничений установленных законодательством для сходных правоотношений в финансовой сфере.

Далее необходимо отметить, что Национальным банком были предприняты меры для того, чтобы повысить конкурентоспособность банков и предоставить им возможность осуществлять инновационную деятельность.

Так, статьей 14 БК предусмотрено, что к деятельности банков и НКФО относится также иная предусмотренную законодательством Республики Беларусь деятельность, осуществляемая для собственных нужд и (или) необходимая для обеспечения осуществления банковских операций, за исключением осуществления страховой деятельности в качестве страховщиков.

Национальным банком была проанализирована практика проведения банками, небанковскими кредитно-финансовыми организациями (далее – банки) кросс-продаж, подходы к проведению которых определены протоколом заседания Правления Национального банка от 19 июля 2017 г. № 23/П. По результатам данного анализа с целью минимизации рисков, возникающих при проведении банками кросс-продаж, было разъяснено, что банкам следует: проводить кросс-продажи исключительно в непосредственной связи с осуществлением банковских операций и видов деятельности, предусмотренных ст. 14 Банковского кодекса Республики Беларусь; осуществлять банковские операции и иную деятельность, предусмотренную ст. 14 Банковского кодекса Республики Беларусь, как первоочередную деятельность по отношению к кросс-продажам; исключать практику использования в качестве единственной банковской операции, в рамках которой проводятся кросс-продажи, осуществление расчетного и (или) кассового обслуживания по предметам кросс-продаж при их реализации; исключать практику оказания информационных и (или) консультационных услуг в качестве единственного вида деятельности, в рамках которого проводятся кросс-продажи; определять в локальных правовых актах банка подходы, направленные на минимизацию рисков, возникающих при проведении кросс-продаж (правового, репутационного, ИТ-риска, киберриска, операционного и иных). При осуществлении текущего надзора за деятельностью банков и при проведении проверок банков Национальным банком на постоянной основе проводится анализ проведения банками кросс-продаж на предмет соответствия ст. 14 БК, в том числе с учетом протокола заседания [1].

Таким образом, регулятором были ужесточены требования к банкам при осуществлении ими кросс-продаж. Очевидно, что решение вопроса об осуществлении банками новых видов деятельности потребует внесения корректировок непосредственно в ст. 14 БК. Данная ситуация является ярким примером регуляторной дилеммы, так внедрение инновационных бизнес-моделей в банках приводит к возникновению дополнительных рисков, поэтому адаптация законодательства к инновациям может сдерживаться требованиями к необходимости обеспечения финансовой стабильности банковской системы.

Подводя итоги, стоит отметить влияние инновационной деятельности на экономику, появление парабанковских организаций и финтех компаний приводит к размыванию границ между финансовыми услугами и предпринимательством в целом, когда клиент может рассматриваться и как инвестор, и как потребитель финансовых услуг, и как потребитель иных услуг и товаров. Таким образом, данную деятельность можно охарактеризовать как межиндустриальную, что приводит к увеличению доступности инвестирования, а также увеличивает спрос на новые услуги и товары.

Вместе с тем, автоматизация и техническая составляющая указанных процессов влияет на распределение кадровых ресурсов на рынке труда, что является вызовом для иных секторов экономики.

Говоря о правовом статусе парабанковских организаций и финтех компаний, их законодательная регламентация осуществляется различными законодательными актами, так многие из них являются резидентами ПВТ. Таким образом регулирование их деятельности разделено в частности между Национальным банком как регулятором и Администрацией ПВТ, предоставляющей особый режим правового регулирования.

Поскольку конкурентоспособность и прибыльность деятельности парабанковских организаций активно возрастает, государственные органы будут сталкиваться с

необходимостью разрешения регуляторной дилеммы и адаптации законодательства к новым видам инновационной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Нацбанк решил ограничить банковскую вольницу в кросс-продажах [Электронный ресурс]. URL: <https://infobank.by/infolineview/nacbank-reshil-ogranichitj-bankovskuyu-voljnicu-v-kross-prodazhax/> (дата обращения: 15.10.2021).
2. Столярова Е. Цифровая экосистема как конкурентное преимущество международных компаний // Банковский вестник. 2020. № 7. С. 20–28.
3. Юзефальчик И. В. Механизмы совершенствования финансового регулирования в условиях цифровой трансформации // Банковский вестник. 2020. № 9. С. 3–15.

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ ВЕРТИКАЛЬНЫЕ, СОГЛАШЕНИЯ В РАМКАХ ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

А. В. Сасс

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, anthony.sass@yandex.by*

Определены виды монополистической деятельности. Детально изучен такой вид монополистической деятельности, как соглашения и согласованные действия хозяйствующих субъектов, которые приводят либо могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, в частности их подвид – вертикальные соглашения. Произведен сравнительно-правовой анализ подходов законодателей государств – участников ЕАЭС к регулированию вертикальных соглашений, в том числе на уровне наднационального законодательства ЕАЭС.

Ключевые слова: монополистическая деятельность; вертикальные монополистические соглашения; страны – участники ЕАЭС; наднациональное законодательство ЕАЭС.

Традиционно в научной экономической литературе под монополией понимается создание хозяйствующими субъектами такой ситуации на рынке, при которой за производство и сбыт одного или нескольких видов продукции в рамках конкретной отрасли отвечает лишь одно крупное предприятие. Таким образом, в этой отрасли функционирует одна фирма (хозяйствующий субъект), как следствие, отсутствует конкуренция и, как результат, нарушается стабильность рыночных отношений.

Впрочем, невзирая на тот факт, что термин «монополия» в буквальном смысле слова означает единственного продавца товара [1], абсолютное большинство ученых-экономистов сходятся во мнении, что ситуацию с единственным продавцом на рынке следует считать «чистой монополией» и в современных реалиях она встречается достаточно редко [2, с. 68; 3, с. 215; 4, с. 91].

Вместе с тем национальный, а также ряд зарубежных законодателей в рамках рассматриваемого вопроса оперируют не термином «монополия», который, действительно, является, скорее, доктринальным, а термином «монополистическая деятельность», придерживаясь следующего взгляда на систему ее дифференциации, в том числе на ее виды и формы. Примечательно, что в рассматриваемом случае указанные виды и формы составляют предмет антимонопольного регулирования.

Так, глава третья Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон) закрепляет перечень основных видов монополистической деятельности, к которым относятся:

1) злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением на товарном рынке, результатом которого являются или могут явиться недопущение, ограничение или устранение конкуренции;

2) соглашения и согласованные действия хозяйствующих субъектов, которые приводят либо могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции.

Помимо этого, на основе дальнейшего анализа норм Закона, представляется возможным дополнительно выделить такие виды монополистической деятельности, как экономическая концентрация и недобросовестная конкуренция.

В данном случае особый интерес представляют именно соглашения и согласованные действия хозяйствующих субъектов, которые приводят либо могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции (они же – «антиконкурентные соглашения»).

Названные соглашения принято подразделять на два самостоятельных подвида: горизонтальные и вертикальные. Указанной позиции придерживается как ряд представителей доктрины [3, с. 242], [5, с. 4] [6, с. 211] так и законодатели многих государств, что будет продемонстрировано далее.

Сейчас же обозначим, что под горизонтальными соглашениями надлежит понимать соглашения между хозяйствующими субъектами, являющимися конкурентами на рынке, которые ведут к ограничению или устранению конкуренции. По общему правилу, подобные соглашения запрещены антимонопольным законодательством большинства государств, ввиду того дестабилизирующего влияния, которое они оказывают на рынок и рыночные отношения. Однако при этом некоторые из них могут быть признаны допустимыми в том случае, если хозяйствующие субъекты, между которыми заключается такое соглашение, докажут регулятору в лице антимонопольного органа, что их целью является не дестабилизация рынка оговариваемым путем, а, скорее, его стимулирование.

Под вертикальными же соглашениями надлежит понимать соглашения между хозяйствующими субъектами, не являющимися конкурентами на рынке, которые, однако, также ведут или могут привести к ограничению или устранению конкуренции. Применительно к данным соглашениям законодатель придерживается несколько иной точки зрения в вопросе их правовой регламентации.

Изучая упомянутую точку зрения отечественного законодателя, нельзя не обратить внимания на позиции законодателей иных государств и в первую очередь государств – участников ЕАЭС, которые, безусловно, имеют ряд отличительных особенностей.

Подобный выбор объясняется двумя основными факторами: во-первых, особенность национальной экономической модели Республики Беларусь (а именно ее экспортоориентированность) [7], сопряженная с участием Беларуси в таком международном экономическом образовании, как ЕАЭС; во-вторых, близость и доступность правовых норм законодательства государств-участников ЕАЭС к детальному анализу и изучению.

Первой на очереди в рамках настоящего сравнительного анализа является российская нормотворческая практика.

Названный законодатель в п. 19 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции» (далее – Федеральный закон) определил вертикальное соглашение как «соглашение между хозяйствующими субъектами, один из которых приобретает товар, а другой предоставляет (продает) товар».

Данная правовая норма, по аналогии с «отечественной нормой», не содержит прямого указания на то, что хозяйствующие субъекты, между которыми заключается указанное соглашение, не должны являться конкурентами на рынке. В то же время представляется уместным обратиться к предыдущей, а в данном случае изначальной, редакции Федерального закона.

Так, в соответствии с п. 18 ч. 1 ст. 4 указанной редакции Федерального закона под вертикальным соглашением надлежало понимать «соглашение между хозяйствующими субъектами, которые не конкурируют между собой, один из которых приобретает товар или является его потенциальным приобретателем, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом».

При этом особого внимания заслуживает мнение И. Ю. Артемьева, который отмечает, что определение вертикального соглашения, содержащееся в предыдущей редакции Федерального закона, было сформулировано слишком широко. В частности, автор указывает на то, что используемые в определении термины «приобретатель» и «предоставляет товар» позволяют применять его ко всем известным случаям рыночного обмена товаром. Поэтому в соответствии с данным определением вертикальным соглашением может быть признано большинство видов хозяйственных договоров, а данный подход по определению не верен [3, с. 253].

Заметим, что исследуемое нами сейчас определение вертикального соглашения было полностью идентичным действующему определению, закрепленному в отечественном Законе, что позволяет использовать замечания И. Ю. Артемьева применительно к нему. На основании этого представляется возможным заключить, что отечественное определение действительно является менее прогрессивным. Следовательно, разумно будет предположить, что российский законодатель, придя к такому же выводу применительно к искомой норме Федерального закона, изложил ее в новой редакции с целью ухода от рассматриваемой правовой неточности.

Далее предлагаем обратиться к позиции, которую занимает в рассматриваемом вопросе законодатель Республики Казахстан.

Основной отличительной особенностью данной позиции является то, что ст. 168 Предпринимательского кодекса содержит легальное закрепление терминов «горизонтальные» и «вертикальные» соглашения. В частности, п. 1 данной статьи закрепляет, что «антиконкурентные соглашения или согласованные действия между субъектами рынка, являющимися конкурентами (субъектами рынка, осуществляющими продажу либо приобретение товаров на одном товарном рынке), являются горизонтальными». А норма, содержащаяся в п. 2, устанавливает, что «антиконкурентные соглашения между неконкурирующими субъектами рынка, один из которых приобретает товар, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом (поставщиком), являются вертикальными».

Ни белорусские, ни российские субъекты нормотворческой практики не предусматривают подобного разделения на законодательном уровне, и, в частности, не закрепляют термин «горизонтальное соглашение» в качестве легального. В остальном же представляется возможным сделать вывод о том, что настоящий подход, по сути, аналогичен подходу, которого на сегодняшний день придерживается отечественный

законодатель, а следовательно, изложенные выше замечания могут рассматриваться как справедливые и в данном случае.

Вторя избранному ранее порядку, обратимся к предыдущей редакции рассматриваемой правовой нормы; совершив это, мы заметим, что определение, закрепленное в п. 2 ст. 9 Закона Республики Казахстан от 25 декабря 2008 г. «О конкуренции», было перенесено в Предпринимательский кодекс в неизменном виде.

В свою очередь изучение соответствующих положений Закона Республики Армения от 6 ноября 2000 г. «О защите экономической конкуренции», позволяет обнаружить, что армянский законодатель также придерживается позиции, которую занимает исследуемом вопросе законодатель Республики Казахстан, а именно выделяет термин «горизонтальные соглашения», закрепляя его в качестве легального.

Так, в соответствии с п. 3 ст. 5 названного Закона под горизонтальным соглашением надлежит понимать такое антиконкурентное соглашение, которое заключается между хозяйствующими субъектами, действующими на рынке одного товара и, следовательно, являющимися конкурентами. В то время как под вертикальным соглашением надлежит понимать «антиконкурентное соглашение, заключаемое между хозяйствующими субъектами, которые действуют на разных, определенным образом аффилированных товарных рынках и не являются конкурентами».

Интересно, что формулировки приведенных определений являются достаточно общими, но в то же время каждая из них отражает особенности правовой природы конкретного вида антиконкурентных соглашений. Так, основной акцент в данном случае сделан именно на факте наличия конкуренции между указанными субъектами – той особенностью, которая, на наш взгляд, и отражает существенную разницу между «горизонтальными» и «вертикальными» соглашениями и от которой формально отошел вначале российский, а теперь – и отечественный законодатель.

Последним из государств, которые на сегодняшний день являются членами ЕАЭС, является Киргизская Республика. В данном случае необходимо обратиться к анализу положений такого нормативного правового акта, как Закон Кыргызской Республики от 22 июля 2011 г. «О конкуренции».

Впрочем, сделав это, мы увидим, что отличительной особенностью киргизского антимонопольного законодательства является то, что оно не закрепляет легальных терминов, о которых идет речь в рамках настоящего вопроса. Так, в соответствии с п. 1 ст. 7 указанного Закона «запрещаются и признаются недействительными достигнутые в любой форме антиконкурентные соглашения конкурирующих хозяйствующих субъектов». А в соответствии с п. 2 ст. 7 запрещаются «антиконкурентные соглашения между неконкурирующими хозяйствующими субъектами». Таким образом, киргизский законодатель не предусматривает формального разделения антиконкурентных соглашений на отдельные подвиды, но в то же время подразумевает такое разделение *de facto*, что явствует из анализа приведенных дефиниций.

В заключение настоящего анализа представляется не только уместным, но и также необходимым обратиться к позиции, занимаемой «законодателем ЕАЭС», и отраженной в наднациональном праве ЕАЭС – Договоре о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор).

Так, в соответствии с п. 3 ст. 76 Договора «запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, являющимися конкурентами, действующими на одном товарном рынке».

В свою очередь п. 4 данной статьи содержит норму, согласно которой «запрещаются вертикальные соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка)».

Примечательно, что само определение вертикальных соглашений в данном пункте отсутствует, однако наличествует соответствующий термин. В то же время п. 3, наоборот, содержит указание о том, что именно надлежит понимать под горизонтальными соглашениями, хотя сам термин в нем не закреплен.

Обратившись к Протоколу «Об общих принципах и правилах конкуренции», утвержденному Приложением № 19 к Договору (далее – Протокол), мы выявим искомое определение. Так, подп. 1 п. 2 раздела 1 Протокола закрепляет, что вертикальным соглашением является «соглашение между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), один из которых приобретает товар или является его потенциальным приобретателем, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом». Примечательно, что эта дефиниция практически идентична дефиниции, закрепленной отечественной правовой нормой, а значит, очевидным образом отличается от позиции некоторых законодателей государств – участников ЕАЭС.

Резюмируя изложенное, отметим, что в рамках такого вида монополистической деятельности субъектов хозяйствования, как монополистические (или же антиконкурентные) соглашения, может быть определено два подвида таких соглашений: горизонтальные и вертикальные.

Анализ доктринальных и законодательных источников позволяет определить следующую общую дефиницию вертикального монополистического соглашения – это соглашение между хозяйствующими субъектами, действующими на одном товарном рынке и не являющимися конкурентами.

Последующий анализ законодательных (в том числе отечественного) подходов к изучаемому вопросу не выявил каких-либо неточностей в предложенном определении. Более того, оно в той или иной мере соотносится по общему смыслу с определениями, закрепленными в антимонопольных нормативных правовых актах практически каждого из рассмотренных нами государств – участников ЕАЭС – за исключением Российской Федерации.

С одной стороны можно утверждать, что такой подход российского законодателя к пониманию вертикального антиконкурентного соглашения является более прогрессивным в сравнении с подходами иных национальных законодателей и даже подходом наднационального «законодателя ЕАЭС»; с другой стороны, на взгляд автора, справедливо утверждать, что в основе любых законодательных изменений должны, прежде всего, лежать существующие реалии и тенденции развития рыночных отношений, и лишь потом – такие факторы, как формальная прогрессивность чьих-то подходов.

Библиографические ссылки

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т.: пер. с нем. = Russisches etymologisches Wörterbuch / перевод и дополнения О. Н. Трубачева. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель – АСТ, 2004. Т. 2.
2. Кларк Дж. Б. Проблемы монополии : пер. с англ. М. : Новое издательство, 2004.
3. Конкурентное право России : учебник / И. Ю. Артемьев [и др.] ; под ред. И. Ю. Артемьева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИД Высшей школы экономики, 2014.
4. Литвинов Д. А. Основы рыночных отношений : учеб. пособие. Воронеж : ВИ МВД России, 2000. 140 с.

5. Агамирова М. Е. Регулирование вертикальных ограничивающих соглашений в условиях развитой интернет-торговли : дис. ... канд. юрид. наук : 08.00.01. М., 2016.

6. Князева И. В. Антимонопольная политика в России : учеб. пособие для вузов. 4-е изд., испр. М. : Омега-Л, 2009.

7. Общая информация о внешней торговле: направления, задачи, итоги за актуальный период // Министерство иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://mfa.gov.by/trade/> (дата обращения: 14.10.2021).

РЕЖИМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. Е. Савенко

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ),
пр. Ленина, 76, 454080, г. Челябинск, Россия, ne_amelina@mail.ru*

В статье рассматриваются режимы деятельности самозанятых граждан по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь. Показаны различия в понимании самозанятых в части отнесения их к определенным субъектам права: гражданам, субъектам предпринимательской или хозяйственной деятельности. Проведен анализ норм, устанавливающих виды деятельности самозанятых граждан (лиц), на основе которого сопоставлены подходы России и Республики Беларусь в вопросах определения режимов деятельности самозанятых, в том числе налоговых режимов. С учетом доктрины показано, что в названных странах не определен чёткий статус самозанятых граждан (лиц). При этом, видится целесообразным разграничение самозанятых от индивидуальных предпринимателей на уровне законодательства Белоруссии.

Ключевые слова: режим деятельности самозанятых граждан (лиц); субъекты хозяйственной деятельности; субъекты предпринимательской деятельности; налогообложение самозанятых граждан; Российская Федерация; Республика Беларусь.

Эффективность экономического развития государств зависит от многих факторов и явлений, в том числе от установления правовых режимов занятости трудоспособного населения; вовлечения граждан в процесс производства и реализации товаров, работ и услуг. При этом, данный вопрос связан как с правовыми аспектами, так и экономическими. В последнее время отмечается рост неформальной занятости, что негативным образом отражается на уровне экономического развития. Поэтому на пути преодоления названного фактора важным является создание благоприятных условий для осуществления экономической (хозяйственной, предпринимательской) деятельности различных субъектов. В связи с этим особо актуальной видится тема, связанная с установлением в отношении самозанятых граждан правовых режимов их деятельности, включая налоговый режим, режим осуществления сделок, определение разрешенных видов их деятельности, и, в конечном счете, определение статуса самозанятых граждан.

В названном направлении различными государствами делаются определенные законодательные шаги. В настоящей статье речь пойдет о законодательном регулировании режима самозанятости на уровне Российской Федерации и Республики Беларусь. Данный выбор был сделан нами не случайно, а скорее, намеренно ввиду того,

что указанные страны по-разному подходят к установлению режима деятельности самозанятых граждан.

При этом ни в одной из названных стран нет четкого определения «самозанятое лицо» либо «самозанятый гражданин» на уровне нормативного правового акта. Однако так уж сложилось, что граждан, осуществляющих приносящую доход деятельность без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, называют самозанятым гражданином (лицом).

Так, в России была принята Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена постановлением Правительства РФ от 02.06.2016 г. № 1083-р) (далее – Стратегия). В названном документе акцентировалось на росте уровня неформальной занятости в сфере малого и среднего предпринимательства, который связан в первую очередь со сложными процедурами государственного регулирования, административным давлением, высоким уровнем финансовой нагрузки (раздел II Стратегии), а также подчеркивалась миссия Стратегии – создание конкурентоспособной на мировом уровне, гибкой и адаптивной современной экономики, которая обеспечивает высокий уровень индивидуализации товаров и услуг, высокую скорость технологического обновления и стабильную занятость, а также является основой для устойчивого повышения качества жизни населения и роста числа граждан Российской Федерации, относящихся к среднему классу, путем развития сферы малого и среднего предпринимательства (раздел III Стратегии).

Тем самым развитие предпринимательства связывается с развитием уровня занятости населения. После чего были внесены изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (далее – НК РФ) в отношении освобождения от налогообложения отдельных видов доходов граждан, получаемых ими от оказания другим гражданам таких услуг, как присмотр и уход за детьми и больными лицами; уборка жилых помещений, ведение домашнего хозяйства; репетиторство (п. 70 ст. 217).

Далее последовали изменения в ст. 2 и 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) относительно права граждан заниматься отдельными видами предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (в ред. Федерального закона от 26.07.2017 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»). Очевидно, что внесенными изменениями в ГК РФ законодатель причислил самозанятых граждан к субъектам предпринимательской деятельности.

В связи с тем, что тема неформальной самозанятости напрямую связана с неуплатой налогов с получаемых доходов, позднее был принят специальный Федеральный закон от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – Закон № 422-ФЗ). В названном законе, как и в ранее указанных правовых актах, не содержится четкого понятия самозанятых граждан и конкретного перечня видов их деятельности. В ст. 2 Закона № 422-ФЗ закреплено, что применять специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (специальный налоговый режим) вправе физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели. В очередной раз российский законодатель дает понять, что самозанятый гражданин, не зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя, стоит с последним в одном ряду, а значит, является субъектом предпринимательской деятельности.

Вместе с тем, следует учесть, что названный закон вместо установления перечня разрешенных видов деятельности для самозанятых граждан, устанавливает в ст. 4 перечень лиц, которым запрещено применять установленный специальный налоговый режим (например, лица, осуществляющие реализацию подакцизных товаров и товаров, подлежащих обязательной маркировке; осуществляющие перепродажу товаров, имущественных прав, за исключением продажи имущества, использовавшегося ими для личных, домашних и (или) иных подобных нужд; занимающиеся добычей и (или) реализацией полезных ископаемых; имеющие работников, с которыми они состоят в трудовых отношениях и другие категории лиц). Налог с получаемых доходов составляет для самозанятых граждан 4 % либо 6 % в зависимости от контрагента, которому самозанятый реализует свой товар, работу, услугу, соответственно, физическим лицам либо индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам.

Что касается мнения российских ученых по вопросу определения статуса самозанятых граждан и режима их деятельности, то они различны. Большинство ученых, например, И. В. Ершова, Е. В. Трофимова [1], Е. С. Крюкова, В. Д. Рузанова [2], Е. А. Бабайцева [3], считают самозанятых граждан субъектами предпринимательской деятельности, сравнивая и сопоставляя признаки их деятельности с легальными признаками предпринимательской деятельности, закреплёнными в ст. 2 ГК РФ (самостоятельность, риск, систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, наличие государственной регистрации).

Однако имеются и расхожие мнения, согласно которым грань между самозанятыми гражданами и работниками, индивидуальными предпринимателями слишком тонка. Поэтому существует объективная необходимость в разграничении указанных категорий граждан. Обращается внимание на проблему сходства самозанятых граждан с работниками, риски переквалификации гражданско-правового договора в трудовой договор [4].

Мы же склонны считать, что отождествлять самозанятых граждан с индивидуальными предпринимателями, а значит причислять их к ряду субъектов предпринимательской деятельности, не совсем целесообразно по ряду причин. Во-первых, такой признак предпринимательской деятельности, как систематичность получения прибыли не всегда явно присутствует в деятельности самозанятых. Во-вторых, самозанятые граждане, как правило, получают доход от своей деятельности, а не прибыль (по НК РФ доход и прибыль – это разные категории). В-третьих, необходимо учитывать социальную составляющую в деятельности самозанятых граждан, выражающуюся в том, что самозанятые граждане – это обычные граждане, которые зарабатывают своим личным трудом на пропитание себя и своей семьи. Производимые и реализуемые ими товары, работы и услуги имеют предназначение для использования в личных, домашних и иных целях, не связанных с предпринимательской деятельностью, что и было изначально закреплено в п. 70 ст. 217 НК РФ.

В связи с возникшими сомнениями в причислении самозанятых граждан к субъектам предпринимательства в России, мы обратились к законодательству иных государств, в частности, к законодательству Республики Беларусь.

Так, законодатель Белоруссии пошел совсем иным путём в легализации деятельности самозанятых граждан. В ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 07.12.1998 г. № 218-3 (ред. от 05.01.2021 г.) (далее – ГК Республики Беларусь) разграничены виды деятельности в зависимости от специфического набора их признаков и

субъектного состава: предпринимательская деятельность; ремесленная деятельность; виды деятельности, которые не относятся к предпринимательской деятельности.

Так, в указанной статье под предпринимательской деятельностью понимается самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

Ремесленной деятельностью считается деятельность физических лиц по изготовлению и реализации товаров, выполнению работ, оказанию услуг с применением ручного труда и инструмента, в том числе электрического, осуществляемая самостоятельно, без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам и направленная на удовлетворение бытовых потребностей граждан.

Также определены виды деятельности, которые не относятся к предпринимательской деятельности, например, ремесленная деятельность; деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма; деятельность граждан по ведению личных подсобных хозяйств, по производству, переработке и реализации произведенной ими сельскохозяйственной продукции; адвокатская деятельность; нотариальная деятельность; деятельность третейских судей; деятельность медиаторов; а также осуществляемые физическими лицами самостоятельно без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам следующие виды деятельности: реализация на торговых местах на рынках произведений живописи, графики, скульптуры, продукции растениеводства и пчеловодства; изготовленных этими физическими лицами хлебобулочных и кондитерских изделий, готовой кулинарной продукции, реализация лекарственных растений, ягод, грибов, орехов, другой дикорастущей продукции; выпас скота; репетиторство; чистка и уборка жилых помещений; уход за взрослыми и детьми, стирка и глажение постельного белья; майнинг, приобретение, отчуждение цифровых знаков (токенов), а также много других видов занятий, не являющихся предпринимательской деятельностью.

По сути, вышеприведенный перечень видов деятельности, который Белорусский законодатель не относит к предпринимательской деятельности, полагаем, и является перечнем видов деятельности для самозанятых граждан. В дополнение к этому был принят Указ Президента Республики Беларусь от 19.11.2017 г. № 337 «О регулировании деятельности физических лиц» (далее – Указ № 337), в преамбуле которого определено, что данный правовой акт принят в целях стимулирования деловой активности, создания условий для самозанятости граждан путем расширения перечня видов деятельности, не относящихся к предпринимательской, и максимального вовлечения трудоспособного населения в экономику страны.

И далее в Указе № 337 названы виды деятельности, аналогичные видам деятельности, указанным в ст. 1 ГК Республики Беларусь. Кроме того, в Указе № 337 зафиксирован налоговый режим для самозанятых лиц – установлен единый налог с индивидуальных предпринимателей и иных физических в соответствии с налоговым законодательством. Размеры налоговых ставок единого налога разнятся в зависимости от региона и вида деятельности.

Кроме того, позднее был принят еще один Указ Президента Республики Беларусь от 18.04.2019 г. № 151 «Об изменении Указов Президента Республики Беларусь»,

в пункте 2 которого подчеркнуто, что указанные в ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь виды деятельности, не относящиеся к предпринимательской, осуществляемые гражданами по заказам организаций и индивидуальных предпринимателей, также не относятся к предпринимательской деятельности.

И далее определены особенности налогового режима для самозанятых граждан в зависимости от контрагента самозанятых лиц: 1) по заказам граждан (самозанятые уплачивают единый налог с индивидуальных предпринимателей и иных граждан); 2) по заказам организации и индивидуальные предприниматели (самозанятые уплачивают подоходный налог с физических лиц).

Таким образом, исходя из вышеприведенных нормативных правовых актов Республики Беларусь, можно сделать вывод, что самозанятые граждане Белоруссии – это не субъекты предпринимательской деятельности. Однако не понятна позиция белорусского законодателя в отношении выделения ремесленнической деятельности граждан, которую они осуществляют самостоятельно, без привлечения иных лиц, с применением ручного труда и инструмента.

Однако лица, которые осуществляют виды деятельности, не относящиеся к предпринимательской, зафиксированные в ст. 1 ГК Республики Беларусь (так называемые самозанятые лица), также трудятся самостоятельно без привлечения иных лиц. Полагаем, разница лишь в том, что Кодекс закрепляет цель ремесленной деятельности – для удовлетворения бытовых потребностей граждан, тогда как самозанятые лица могут осуществлять деятельность по заказам не только граждан, но и организаций и индивидуальных предпринимателей.

Относительно позиций белорусских ученых в вопросах оценки режима деятельности самозанятых лиц, отметим, что они также, как и российские учёные отмечают отсутствие четкого статуса самозанятых лиц на законодательном уровне. Например, по замечаниям Н. Л. Бондаренко, в законодательстве Республики Беларусь наблюдается пробел в части определения правового положения самозанятых лиц и правовых режимов осуществляемых ими видов деятельности. По мнению автора, это становится не только интересной теоретической, но и серьёзной практической проблемой [5, с. 23].

Также И. В. Пантелеева указывает на отсутствие четких критериев статуса самозанятых лиц. При этом, она замечает, что деятельность самозанятых лиц можно определить как предшествующую предпринимательской деятельности. Ученый также выделяет несколько вопросов, требующих конкретизации: определение статуса «самозанятый», «самозанятое лицо» либо «самозанятый гражданин»; соотношение самозанятой деятельности с ремесленной и предпринимательской и др. [6, с. 70–74].

Подводя итог проведенному анализу формирующихся режимов деятельности самозанятых граждан (лиц) в России и Белоруссии на уровне законодательства и доктрины, отметим существенные различия в подходах названных государств.

Во-первых, в отличие от России, использующей термины «предпринимательское право», «субъекты предпринимательской деятельности», в Республике Беларусь применяются термины «хозяйственное право» либо «хозяйственное (предпринимательское) право», «субъекты хозяйственной деятельности / хозяйственного права». Однако несмотря на то, что в большинстве случаев все-таки используется термин «хозяйственный(ое)», все в той же вышеупомянутой ст. 1 ГК Республики Беларусь дается понятие предпринимательской деятельности и определяются виды деятельности, не относящиеся к предпринимательской. Вместе с тем в доктрине говорится именно о субъектах хозяйственной деятельности (хозяйственного права).

Во-вторых, российские ученые называют граждан, самостоятельно реализующих свои товары, работы и услуги, без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, самозанятыми гражданами, а белорусские ученые – самозанятыми лицами.

В-третьих, Россия пошла по пути причисления самозанятых граждан к субъектам предпринимательской деятельности. С 2017 г. законодательно расширен статус физических лиц путем дополнения правомочием заниматься предпринимательской деятельностью без регистрации индивидуальным предпринимателем (ст. 2 и 23 ГК РФ). В Беларуси же, наоборот, проведено разграничение предпринимательской деятельности от деятельности самозанятых лиц (ст. 1 ГК Республики Беларусь).

В-четвертых, в России нет четкого перечня видов деятельности самозанятых, но установлены некоторые запреты для определенных лиц (Закон № 422-ФЗ). А в Белоруссии определен большой перечень видов деятельности, не относящихся к предпринимательской, по сути, для самозанятых лиц (ст. 1 ГК Республики Беларусь, Указ № 337).

В-пятых, Россия, причисляя самозанятых к субъектам предпринимательской деятельности, дает право субъектам (регионам) РФ самостоятельно определять дополнительные виды услуг, оказываемых самозанятыми гражданами (ст. 4 Закона № 422-ФЗ), а также в рекомендательном порядке в Письмах Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России озвучивает отдельные виды деятельности, которыми могут заниматься самозанятые.

На основании этих нормативных актов устанавливаются и рекомендуются такие виды деятельности самозанятых, как, например, выпас скота, ремонт компьютерной и бытовой техники, фотографирование, услуги копирайтеров, изготовление кондитерских изделий и др. А в Белоруссии многие из названных видов деятельности отнесены сразу в гражданском кодексе к видам деятельности, не относящихся к предпринимательской. Исходя из этого, белорусский законодатель понимает, что вышеуказанная деятельность не является предпринимательской.

В заключение отметим, что подход белорусского законодателя в разграничении самозанятых лиц от индивидуальных предпринимателей видится рациональным. Это разграничение основывается на особых признаках деятельности самозанятых, выражающихся в способах осуществления деятельности, результатах деятельности, субъектного состава контрагентов самозанятых и других специфических особенностях. Ввиду того, что режим деятельности самозанятых граждан (лиц) только формируется, а в России он даже назван экспериментальным режимом и установлен сроком на десять лет (Закон № 422-ФЗ), думается, что время покажет еще не мало пробелов в данном вопросе и, надеюсь, они будут регулироваться на законодательном уровне в целях повышения эффективности экономического развития государств.

Библиографические ссылки

1. Ершова И. В., Трофимова Е. В. Самозанятость: к вопросу о правовой квалификации / Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: монография: в 4 т. Т. 1 / отв. ред. С. Д. Могилевский, Ю. Г. Лескова, С. А. Карелина, В. Д. Рузанова и др. Москва : Проспект, 2020. С. 78–85.
2. Крюкова Е. С., Рузанова В. Д. Индивидуальный предприниматель и самозанятый гражданин: соотношение понятий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 21–26.

3. Бабайцева Е. А. Гражданско-правовая природа самозанятости граждан // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. № 1 (38). С. 206–209.
4. Зайцева Л. В. Экономически зависимые самозанятые: различия национальных подходов к определению правового статуса // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 212–222.
5. Бондаренко Н. Л. Правовой статус самозанятых лиц // Юстиция Беларуси. 2021. № 7 (232). С. 23–27.
6. Пантелеева Н. В. К вопросу о субъектах хозяйственного права в условиях развития хозяйственной (предпринимательской) деятельности // Теоретико-прикладные перспективы научного обеспечения современного развития экономики: материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 23 мая 2019 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Институт управленческих кадров, Фак. управления, Каф. гражданского и хозяйственного права; [под ред. В. С. Каменкова, Н. Л. Бондаренко]. Минск : БГУ, 2019. С. 70–74.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДОВ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕАЭС

М. П. Самоховец

*Полесский государственный университет,
ул. Днепровской флотилии, 23, 225710 Пинск, Беларусь, samkhvec@rambler.ru*

Дано определение инвестиционных фондов в нормативных правовых актах государств – членов ЕАЭС – Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, России. Выявлено место инвестиционных фондов в соответствии с Классификацией видов экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе и Системой национальных счетов 2008 года. Изучено количество инвестиционных фондов и аналогичных финансовых организаций в государствах – членах ЕАЭС по состоянию на конец 2020 г. Рассмотрен состав действующих фондов коллективных инвестиций в России. Обозначена сфера применения Федерального закона «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001 № 156-ФЗ и Закона Республики Беларусь «Об инвестиционных фондах» от 17.07.2017 № 52-З. Сделан вывод о возможности использования опыта России в области правового регулирования инвестиционных фондов.

Ключевые слова: коллективное инвестирование; инвестиционные фонды; Беларусь; Россия.

Понятие «фонд» можно рассматривать в различных аспектах, понимая под ним денежные средства; денежные средства для достижения определенной цели; организацию, созданную для оказания содействия определенным видам деятельности и т.д. Большое значение в финансовой системе играют государственные целевые бюджетные и внебюджетные фонды [1, с. 67].

В современных условиях коллективные инвестиции можно признать частью экономических отношений, а инвестиционные фонды выступают связующим звеном между мелкими частными инвесторами и экономическими субъектами. Понятие

инвестиционного фонда нашло свое законодательное закрепление в нормативных правовых актах каждого государства – члена ЕАЭС:

1. Закон Республики Армения «Об инвестиционных фондах» от 30.12.2010 № 3Р-245

2. Закон Республики Беларусь «Об инвестиционных фондах» от 17.07.2017 № 52-3

3. Закон Республики Казахстан «Об инвестиционных и венчурных фондах» от 7.07.2004 № 576-ІІ

4. Закон Кыргызской Республики «Об инвестиционных фондах» от 26.06.1999 № 92

5. Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001 № 156-ФЗ

Под инвестиционный фонд в Армении понимается юридическое лицо, которое создано и действует в целях коллективного инвестирования в ценные бумаги и другие активы. В Беларуси инвестиционный фонд – это открытое акционерное общество, которое осуществляет аккумуляцию и инвестирование денежных средств акционеров. В Казахстане инвестиционные фонды могут быть акционерными либо паевыми. В Кыргызстане инвестиционные фонды также могут быть акционерными либо паевыми и создаются для привлечения денежных средств посредством выпуска и публичного размещения своих ценных бумаг и последующего диверсифицированного инвестирования этих средств в инвестиционные активы. Законодательство Российской Федерации определяет инвестиционный фонд как имущественный комплекс в собственности акционерного общества либо в общей долевой собственности физических и юридических лиц. При этом пользование и распоряжение им осуществляется управляющей компанией только в интересах акционеров этого акционерного общества либо учредителей доверительного управления.

Инвестиционный фонд в законодательстве государств – членов ЕАЭС определяется как форма коллективного инвестирования, юридическое лицо, которое аккумулирует денежные средства инвесторов и инвестирует их в ценные бумаги и иные активы. Выделяют акционерные инвестиционные фонды (АИФ) или паевые инвестиционные фонды (ПИФ). В случае успешности функционирования фонда полученная от инвестирования прибыль распределяется между его участниками и увеличивает стоимость акций и инвестиционных паев.

Согласно классификации финансовых организаций по видам экономической деятельности на основе Классификации видов экономической деятельности в Европейском экономическом сообществе, *деятельность инвестиционных фондов и аналогичных финансовых организаций* – это деятельность юридических лиц по привлечению денежных средств и иного имущества путем размещения акций в целях их объединения и последующего инвестирования в объекты. Сюда относят деятельность АИФов, паевых акционерных фондов, открытых и закрытых инвестиционных фондов, инвестиционных трастовых фондов, трастов. Эти организации получают проценты, дивиденды и прочие доходы от собственности и не получают доход от продажи услуг.

В классификации финансовых организаций по подсекторам экономики в соответствии с Системой национальных счетов 2008 года выделяют следующие категории фондов:

1) *фонды денежного рынка* – коллективные инвестиционные программы, которые аккумулируют средства путем продажи акций или паев населению и инвестируют их в инструменты денежного рынка, акции или паи фондов денежного рынка,

переводимые долговые инструменты, банковские депозиты и инструменты (могут рассматриваться как близкие аналоги депозитов, могут быть переданы третьей стороне);

2) *инвестиционные фонды неденежного рынка* – коллективные инвестиционные программы, которые привлекают средства населения путем выпуска акций или паев и инвестируют их в финансовые и нефинансовые активы (не являются близкими аналогами депозитов, не могут передаваться третьим лицам).

Количество финансовых организаций в государствах – членах ЕАЭС по состоянию на конец 2020 г. представлено в табл. 1.

Таблица 1

Финансовые организации в государствах – членах ЕАЭС

Финансовые организации	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
по видам экономической деятельности					
1) деятельность инвестиционных фондов и аналогичных финансовых организаций	–	6	35	5	240
по подсекторам экономики					
1) фонды денежного рынка	–	–	682	н/д	–
2) инвестиционные фонды неденежного рынка	36	6	17	н/д	1646

Источник: собственная разработка на основе данных ЕЭК

Примечание: данные представлены на конец 2020 г.

По данным таблицы 1, в Республике Беларусь зарегистрировано 6 инвестиционных фондов и аналогичных финансовых организаций. Наибольшее развитие в России получили инвестиционные фонды неденежного рынка.

Их количество составляет 1646, инвестиционных фондов и аналогичных финансовых организаций насчитывается 240 на конец 2020 г. Действующие фонды коллективных инвестиций в России представлены главным образом комбинированными фондами (917 единиц) – рисунок 1. Наибольшее распространение при этом получили ПИФы.

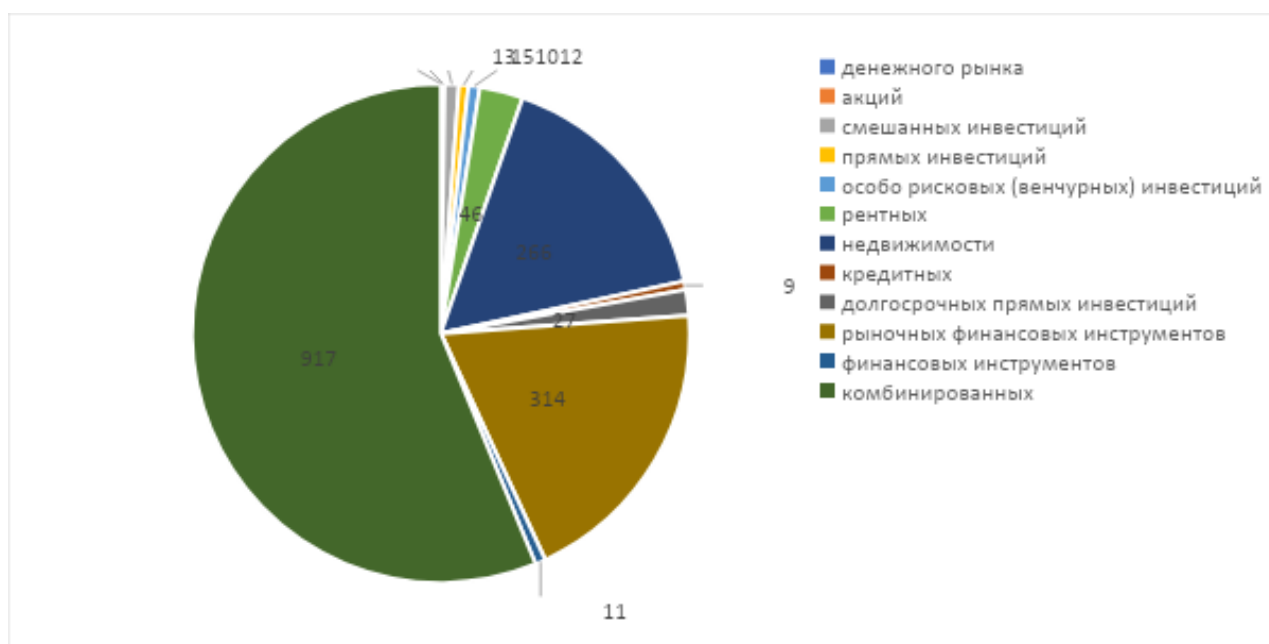

Рисунок 1. Действующие фонды коллективных инвестиций в России
Источник: собственная разработка на основе данных ЕЭК

Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001 № 156-ФЗ регулирует отношения, связанные с привлечением денежных средств и иного имущества в целях их объединения и последующего инвестирования в объекты, а также с управлением (доверительным управлением) имуществом инвестиционных фондов, учетом, хранением имущества инвестиционных фондов и контролем за распоряжением этим имуществом.

Отдельные главы в Федеральном законе «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001 № 156-ФЗ посвящены рассмотрению АИФ и ПИФ. В законе есть указание на то, что Банк России осуществляет регулирование деятельности АИФ, управляющих компаний, специализированных депозитариев, агентов по выдаче, погашению и обмену инвестиционных паев, лиц, осуществляющих ведение реестров владельцев инвестиционных паев, и государственный контроль за этими видами деятельности. В Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» от 29.11.2001 № 156-ФЗ за период с 2001 г. было внесено более 30 изменений и дополнений.

Действие Закона Республики Беларусь «Об инвестиционных фондах» от 17.07.2017 № 52-З распространяется на отношения в сфере инвестиционных фондов, т. е. отношения, связанные с формированием, существованием и прекращением существования ПИФов, деятельностью АИФов, их реорганизацией и ликвидацией, эмиссией (выдачей), обращением и погашением ценных бумаг инвестиционных фондов, деятельностью управляющих организаций, специализированных депозитариев.

Представляется, что по мере развития сферы коллективного инвестирования, увеличения количества инвестиционных фондов, диверсификации их структуры возникнет необходимость в дополнительном регулировании функционирования этих финансовых организаций.

Для Республики Беларусь институт коллективных инвестиций является новым, находящимся на стадии своего становления, поэтому изучение опыта правового регулирования инвестиционных фондов в государствах-членах ЕАЭС, особенно в России,

которая в настоящее время лидирует по количеству действующих фондов. Кроме того, необходимо учитывать, что в рамках процесса формирования общего финансового рынка ЕАЭС [2, с.555] необходима гармонизация законодательства, в том числе и в сфере коллективных инвестиций.

Библиографические ссылки

1. Самоховец М. П. Генезис государственных фондов поддержки сельского хозяйства Республики Беларусь // Экономика и управление: научный и производственно-практический журнал. 2014. № 2 (38). С. 66–70.

2. Самоховец М. П. О формировании общего финансового рынка ЕАЭС // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения–2019 : сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, Гатчина, 17–18 мая 2019 г.: в 2 т. / Государственный институт экономики, финансов, права и технологий; ответственный редактор: С. В. Тарасов. Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2019. Т. 1. С. 555–558.

УСЛОВИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ПОКУПАТЕЛЯ И СКИДКАХ ПРИ ПРОДАЖЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Ю. П. Свит¹⁾, М. А. Щербакова²⁾

*¹⁾Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, 9, 125993, г. Москва, Россия*

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
ул. Садовая-Кудринская, 9, 125993, г. Москва, Россия*

В статье рассматривается одна из спорных практических проблем правового регулирования торговой деятельности: в действующем законодательстве присутствует ограничение на выплату вознаграждения покупателю за приобретение определенного количества продовольственного товара, однако четкого понятия вознаграждения в законе нет. Это вызывает сложности в определении соотношения такого вознаграждения и скидок с цены товара.

Ключевые слова: Договор поставки; вознаграждение покупателя; скидка; дистрибьюторский договор.

Эффективное функционирование экономики невозможно без разработанной и непротиворечивой нормативной базы. Нечеткость понятийного аппарата затрудняет правоприменительную практику, приводит к различному толкованию правовых норм. Ярким примером такой ситуации является п. 4 ст. 9 Закона о государственном регулировании торговой деятельности, формулировка которого не позволяет сделать однозначный вывод, является ли установленное в нем правило основанием для признания незаконными любых других видов поощрения, оптового покупателя при приобретении определенного количества продовольственного товара, в частности, скидок с цены товара.

Единого представления о правовой природе вознаграждения оптового покупателя в теории нет. Как отмечает М. А. Егорова, «... гражданское законодательство условно предусматривает вознаграждения в виде двух основных категорий: как уплату денежной суммы за исполнение встречной обязанности (например, в двухсторонних договорах) и как уплату денежной суммы в одностороннем порядке (выплата премии за находку вещи, выплата суммы за победу в конкурсе и др.)» [1].

Право на получение субъектом вознаграждения связывается с совершением определенных действий, предусмотренных законом или договором, и возникает после совершения субъектом означенных действий.

Вознаграждение, выплачиваемое покупателю, не предполагает изменения цены товара, т. е. его включения в цену. Данная норма сформулирована в законе как императивная. Таким образом, выплата вознаграждения – это самостоятельное обязательство, возникающее из договора поставки, но не связанное с исполнением основной обязанности покупателя – уплатой покупной цены. Вознаграждение в смысле п. 4 ст. 9 Закона о государственном регулировании торговой деятельности предусматривается, как правило, в так называемых дистрибьютерских договорах. Эти договоры прямо не предусмотрены гражданским законодательством, но в коммерческой практике имеют широкое применение. Тем не менее, по смыслу Закона о государственном регулировании торговой деятельности, условие о выплате вознаграждения включается именно в договор поставки и не предусматривает возникновения каких-либо правоотношений, выходящих за рамки данного договора.

Для решения вопроса о возможности в качестве стимула для оптового покупателя установить скидку, учитываемую при определении цены товара, необходимо путем системного толкования действующего законодательства, установить, совпадают ли правовые категории «скидка» и «вознаграждение».

В доктрине нет единого мнения о правовой природе дистрибьюторского договора: одни специалисты считают его самостоятельным видом договора [2], другие полагают, что он является по существу договором купли-продажи или поставки [3], третьи относят его к смешанным договорам [4]. Суды применяют ситуационный подход при квалификации данного договора [5]. Представляется, что специальное регулирование дистрибьюторского договора необходимо.

На основании анализа п. 4 и 6 ст. 9 Закона в судебной, а затем административной практике, был сделан вывод, что п. 6 этой статьи запрещает только такие вознаграждения, которые не зависят от количества закупаемого товара, а скидка не является вознаграждением, так как не выплачивается покупателю.

Соглашением сторон договора поставки продовольственных товаров может предусматриваться предоставление хозяйствующим субъектом, осуществляющим поставки продовольственных товаров, хозяйствующему субъекту, осуществляющему торговую деятельность, скидки или скидок, уменьшающих цену товара способами и по основаниям, согласованным сторонами этого договора.

Таким образом, если в договоре предусмотрено снижение цены договора, путем предоставления скидки на приобретаемые товары, не обусловленное встречным совершением действий со стороны покупателя, такая скидка не может быть расценена как вид вознаграждения.

Поскольку отношения, связанные с поставкой товаров, часто выходят за рамки национального регулирования, наметившаяся тенденция к дифференциации вознаграждения оптовому покупателю и скидок при условии приобретения определенного объема товаров, должна найти отражение не только в российском законодательстве,

но в рамках ЕАЭС. Также очевидно, что исследуемая проблема носит комплексный характер и связана с отсутствием специального регулирования дистрибьюторских соглашений, а также охватываемого договором поставки условия о приобретении определенного количества товара как основания для снижения цены без принятия на себя каких-либо дополнительных обязательств.

Библиографические ссылки

1. Оводов А. А. Государственное регулирование торговой деятельности в Российской Федерации (интервью с кандидатом юридических наук, доцентом кафедры предпринимательского и корпоративного права юридического факультета им. М. М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Марией Александровной Егоровой) // Юрист. 2013. № 5. С. 3–9.
2. Партин А. М. Правовая природа дистрибьюторских соглашений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
3. Рыкова И. В. Франчайзинг: новые технологии, методологии, договоры. М.: Современная экономика и право, 2000.
4. Маслова В. А. Дистрибьюторский договор как правовой инструмент организации сбыта товаров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
5. Андреева С. А. Квалификация дистрибьютерского договора по российскому праву и отграничение от смежных договорных конструкций // Конкурентное право. 2013. № 3. С. 16–20.
6. Бычков А. И. Дистрибьюторский договор // Имущественные отношения в РФ. 2012. № 9(132). С. 88–98.
7. Григорьев Т. Особенности трансграничных дистрибьюторских соглашений и договора торгового представительства // Право и экономика. 2012. № 7.

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ПЕРИОД СМЕНЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Ю. В. Селезнёв

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220006, г. Минск, Беларусь, lingvo-economix@yandex.ru*

Дана характеристика экономической модели развития глобальной и национальной экономик, которая обуславливает пересмотр подходов в национальном законодательстве в части защиты иностранных инвестиций в Республике Беларусь. Предлагаются подходы к формулированию статической и динамических «дедушкиных оговорок» критерии выработки приоритетов и предпочтений в инвестиционной политике государства.

Ключевые слова: иностранные инвестиции; смена модели; госрегулирование; правовое обеспечение; критерии

Современное развитие общественных отношений в глобальном масштабе характеризуется беспрецедентным динамизмом. Если проследить динамику разделения общественного мнения по ключевым вопросам в самых разных регионах мира, то можно

сделать вполне обоснованный вывод о том, что мировое общественное мнение в последние полтора – два десятилетия имеет тенденцию к расколу на примерно две равные половины. Брексит, последние выборы президента в Польше и парламентские Израиле, президентские выборы в США 2000 г. и 2016 г. – во всех этих случаях, разница между сторонами была на уровне статистической погрешности. Во многих других случаях, как, например, в каталонском референдуме и других выборах, разница все равно не превышает нескольких процентов.

Данная ситуация имеет прямое отношение к проблеме правового регулирования иностранных инвестиций, так как в экономической сфере начинают происходить сдвиги парадигмальных масштабов, а право в целом, и та его часть, которая регулирует экономические отношения, должно реагировать на объективные перемены.

В экономике перемены заключаются в начинающемся разделении мира на так называемые мегарегионы. В специализированных экономических публикациях встречаются синонимичные понятия мегарегионы, панрегионы, макрорегионы, валютные зоны. В 2003 г. процесс деления мира на валютные зоны был предсказан Михаилом Хазиным в книге «Закат империи доллара и конец «Рах Americana»». Сейчас этот тренд не оспаривается, экономисты обсуждают лишь варианты и сроки перехода мировой экономики на новую модель развития.

Таким образом, существующая нормативно-правовая база Республики Беларусь в части, касающейся регулирования хозяйственной деятельности, в том числе иностранных инвестиций, без своевременных изменений должна будет устаревать по мере того, как будет происходить формирование того макрорегиона, в который так или иначе войдет Республика Беларусь. Между тем уже сейчас можно встретить мнения специалистов по хозяйственному праву о том, что некоторые законы в этой сфере можно охарактеризовать как сомнительные [1, с. 8]. С другой стороны, представители реального сектора экономики также иногда высказывают неудовлетворенность таким состоянием дел, когда между существованием нормативно-правового акта и его имплементацией есть некоторый лаг [2, с. 548].

С экономической точки зрения основное направление прогнозируемых перемен на национальном уровне для Республики Беларусь будет означать пересмотр (что не означает отказ) политики экономической многовекторности, т.к. по естественным причинам любой субъект макрорегиона не сможет осуществлять в такой же степени независимую внешнюю экономическую политику, которую он мог ранее осуществлять в режиме отдельного субъекта международной экономической деятельности.

Однако складывающиеся обстоятельства отнюдь не отменяют актуальности вопроса привлечения иностранных инвестиций, в том числе и из самого дальнего зарубежья в принципе. Напротив, даже применительно к странам намного более крупным, чем Республика Беларусь, становится очевидно, что будет появляться все большее количество проектов, которые изначально будут неподъемны для отдельно взятой национальной экономики, что потребует привлечения иностранных инвестиций. Чтобы Республика Беларусь стала инвестиционно-привлекательной, будет необходимо придать качественно новый уровень законодательству, которое призвано обеспечить гарантии прав инвесторов таким образом, чтобы это стало понятно не только белорусскому законодателю, но и бизнесмену из другой культуры с другим мировоззрением.

Инвестиционный климат *a-priori* не определяется одним-единственным законом об инвестициях. Разделяя этот посыл, белорусские ученые выделяют следующие проблемные поля, которые требуют качественного улучшения: совершенствование

правотворческих процедур, перераспределение ролей правоохранительных органов и судов, формирование новых подходов в сфере государственного управления, модернизация уголовного и уголовно-процессуального законов [3, с. 192].

Мнения по практическим шагам прямо противоположные. Одни авторы считают, что Закон Республики Беларусь 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» вообще можно отменить, так как правовой режим инвестиций якобы органично интегрируется в Гражданский кодекс, и это рассматривается как повышение гарантий инвестору (однако, такой вариант требует внесения изменений в нормы Гражданского кодекса о праве собственности).

Количество сторонников кодификации больше, они видят в ней «неоцененное благо: записанные и строго установленные правила устраняют произвол, обеспечивают жизненные интересы и удовлетворяют неоспоримой потребности всех свободных народов в известности и установленности их права» [4, с. 151–152]. К слову, Инвестиционный кодекс в Республике Беларусь действовал с 2001 по 2013 г. и был упразднен Законом Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях». Этот вопрос – предмет отдельного обсуждения, но любопытен такой факт, что за прошедшие 8 лет концессии в Республике Беларусь не получили принципиального развития, а негативные явления в области иностранных инвестиций заметны.

Если инвестиции признаются приоритетным направлением экономического развития страны, а таковыми они объективно являлись и будут являться, вариант кодификации представляется действительно более предпочтительным. То, что некоторые формы инвестиционной деятельности «размыты» по Гражданскому, Банковскому, Воздушному, Кодексу о недрах, Закону о хозяйственных обществах, Указу Президента о страховой деятельности и другим нормативно-правовым актам, усложняет правовое сопровождение инвестиционной деятельности с одной стороны, и ставит инвестора на уровень обычного субъекта хозяйствования с другой. И то, и другое – «болевые точки» в системе принятия экономических решений инвестором.

Стабильность – основа экономического роста. Это прописано во всех учебниках по экономике, на этом основан успех многочисленных проектов в разных странах. Правоведам известна «дедушкина оговорка». Стабилизационная оговорка является самой надежной гарантией прав инвестора. Анализ льгот и преференций, предоставляемых инвесторам в белорусских свободных экономических зонах, Великом Камне, Парке высоких технологий показывает, что в основном инвесторы привлекаются экономическими стимулами: их может быть больше или меньше, но принцип один и тот же – меньше налог на прибыль, на дивиденды, на недвижимость, на землю, подоходный, меньше НДС (при вывозе продукции), отсутствие обязательной продажи валюты. Некоторые льготы, например, упрощенный порядок тех или иных административных процедур по-хорошему должен быть естественным положением вещей. Но все эти льготы трудно полагать в основание бизнес-проекта, если нет гарантии, что через некоторое время они не изменятся. Формулировок общего характера, указывающих на то, что соответствующий режим будет действовать 50 или 99 лет, недостаточно.

Настоящей гарантией инвестору может служить только предельно четкая стабилизационная оговорка, в идеале индивидуальная. В ней заинтересованы самые ценные инвесторы для любой страны – те, кто готов вкладывать так называемые «длинные деньги», т. е. инвестировать на стратегическую перспективу.

Простота ведения бизнеса, например, в ОАЭ стала своего рода эталонной [5, с. 24]. Этот режим нацелен не на то, чтобы получать нечто от каждого конкретного иностранного бизнеса, приходящего в страну, хотя, иногда и на это тоже, но, главным

образом, на то, чтобы таких бизнесов было больше, и косвенно, самим фактом своего совокупного присутствия они дают Эмиратам больше, чем собираемые с бизнес-резидентов сборы.

Простота ведения бизнеса обеспечивается нормами, которые в нормативно-правовых актах формулируются такими словами как невмешательство и частично регулирование. Именно проблема государственного вмешательства в инвестиционный процесс является узким местом инвестиционного климата в Республике Беларусь. Согласно ст. 5 действующего Закона «Об инвестициях» вмешательство в частные дела инвестора недопустимо, «за исключением случаев, когда такое вмешательство осуществляется на основании законодательных актов Республики Беларусь в интересах национальной безопасности..., общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». Эта формулировка слишком абстрактна, при желании с её помощью можно обосновать любое вмешательство в деятельность инвестора. После того, как инвестору четко определили правила игры, у него должна быть твердая гарантия, что изменений не будет. Это достигается в том числе и стабилизационной оговоркой, которая по своей правовой природе может быть не только широкой долговременной нормой, закладываемой, например, в закон об инвестициях или о свободной экономической зоне, но и динамичным инструментом, принимаемым ситуативно, под инвестиционный проект особой важности.

Так, в Российской Федерации в этом году своим письмом № ИН-06-59/74 от 30.09.2021 Банк России ввел стабилизационную оговорку в отношении сделок с конкретными категориями ценных бумаг и видами производных финансовых инструментов [6]. В свою очередь Ассоциация банков России предлагает не распространять изменения в налогообложении процентного дохода на ранее открытые банковские вклады или ранее приобретенные долговые ценные бумаги, а также исключить из числа плательщиков пенсионеров, что является «дедушкиной оговоркой» для доходов по вкладам [7]. Общие положения о стабилизационной оговорке в законодательстве РФ содержатся одновременно в двух нормативно-правовых актах: ст. 9 Федерального закона от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» и ст. 15 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».

В этом контексте стоит упомянуть и о косвенном способе вмешательства в инвестиционный бизнес. Иногда термин «регулирование», по сути, является эвфемизмом для «вмешательства». Можно вспомнить публикации в СМИ о том, что же на самом деле происходит: контроль цен или регулирование цен? Первое имеет негативные коннотации, второе преподносится как естественный процесс.

Согласно ст. 7 Закона «Об инвестициях», государственное регулирование инвестиций осуществляют Президент Республики Беларусь, Правительство, республиканские органы государственного управления в сфере инвестиций, другие республиканские органы государственного управления, иные государственные организации, подчиненные Правительству, местные исполнительные и распорядительные органы, а также государственная организация по вопросам привлечения инвестиций в Республику Беларусь. Если «вмешательство» более-менее маловероятно, т.к. уполномоченные на это Президент и Парламент редко имеют основания заниматься ручным управлением инвестиций, то наличие полномочий на «регулирование в пределах их компетенции» у такого широкого ряда органов и организаций объективно требует детализации или защиты с помощью стабилизационной оговорки.

За восемь лет существования Закона Республики Беларусь «Об инвестициях» в него не было внесено ни одного изменения, хотя императивы к изменению инвестиционного законодательства озвучивались публично в том числе и главой государства. Очевидно, что сейчас такие изменения стали неотложны. Они должны пройти по двум направлениям.

Во-первых, улучшить существующие формулировки. В настоящее время в Законе есть несколько положений без собственно регулятивного компонента. В ст. 4 просто перечисляются способы осуществления инвестиций, т. е. указывается на обычную практику реализации субъективных гражданских прав (создание предприятий, приобретение недвижимого имущества, объектов интеллектуальной собственности, акций, паев и т.д.). В качестве «основных принципов осуществления инвестиций» ст. 5 указывает соблюдение Конституции и законодательства, равенство перед законом и судебную защиту, добросовестность и разумность. По сути, это дублирование норм, закрепленных в Конституции и Гражданском кодексе. Есть и неоднозначные формулировки. Так, согласно ст. 14 (Права инвесторов), инвесторы имеют право на реализацию своих имущественных и неимущественных прав в соответствии с законодательством Республики Беларусь. Иметь право на реализацию прав лингвистически просто значит иметь права. Обязанности инвесторов, прописанные в ст. 19 обязывают их соблюдать Конституцию, законодательство и не практиковать недобросовестную конкуренцию. Наличие в тексте такого рода норм низводит инвестора до уровня школьника, изучающего основы права.

И, наконец, публичность. Этот момент хотелось бы представить в виде заключительного предложения.

В настоящее время в Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь на стадии подготовки к первому чтению находится проект закона «Об изменении Закона Республики Беларусь «О свободных экономических зонах». Инициатива принадлежит Совету Министров. Однако в открытом доступе на момент написания данной публикации каких-либо сведений о деталях планируемых изменений нет. Это большое упущение. В ходе работы дискуссионных площадок в рамках обсуждения изменений в Конституцию Республики Беларусь был наработан определенный опыт «обратной связи» с заинтересованными сторонами. Существующие модели экспертных оценок и консультаций в практическом плане затруднительны. Они оставляют за скобками процесса массового участника. Было бы целесообразно в той или иной форме расширить практику, когда законодатели дадут более широкие возможности субъектам хозяйствования делать свои предложения и, таким образом, сами смогут составить более целостное представление о текущей ситуации.

Библиографические ссылки

1. Сидорчук В. К. Хозяйственное право: учеб. пособие. Минск : РИВШ, 2016. 406 с.
2. Селезнёв Ю. В., Правовые способы повышения эффективности авиационной логистики Республики Беларусь // Беларусь в современном мире: материалы XIX Междунар. науч. конф. 29 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В.Г. Шадурский (гл. ред.) [и др.]. – Минск, БГУ, 2020.
3. Толочко О. Н. Модернизация инвестиционного законодательства в условиях кризиса мировой экономики // Современные хозяйственные отношения: перспективы правового регулирования и проблемы соотношения интересов государства, общества и бизнеса : материалы

междунар. науч.-практ. круглого стола, Минск, 15 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; рекол.: В. С. Каменков (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2020.

4. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. I. Часть общая. СПб, 1911.

5. Селезнёв Ю. В. Прохладительный бизнес // Дело. 2001. № 9.

6. Банк России. Правовой статус и функции [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12270> (дата обращения: 13.09.2021).

7. Ассоциация банков предложила «дедушкину оговорку» [Электронный ресурс] // Агентство Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/701316> (дата обращения: 13.09.2021).

О ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ ИНВЕСТИЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРАХ

Д. В. Семашко

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, d.v.semashko@gmail.com*

Понятие инвестиций в Республике Беларусь, государствах – членах ЕАЭС. Национальное и международное регулирование термина «инвестиции». Компетенция (юрисдикция) международного суда. Установление предметной компетенции *ratione materiae*. Критерии действительности инвестиций. Тест Салини. Социальная направленность инвестиций.

Ключевые слова: инвестиции; инвестиционный спор; компетенция (юрисдикция); международный арбитраж; Республика Беларусь.

За последние 20 лет существенно изменилась география инвестиционных споров, которые «мигрировали» из стран Латинской Америки в страны Восточной Европы и бывшего СССР. Одним из самых известных стало дело «Yukos Universal Limited против Российской Федерации», по которому в 2014 г. арбитражем в Гааге было вынесено решение о присуждении к выплате 50 млрд долл. бывшим акционерам небезызвестной нефтяной компании [1]. Общую тенденцию подтверждает и частный случай Республики Беларусь, которая до 2017 г. не имела соответствующей практики, а по состоянию на 2021 г. уже столкнулась с 4 инвестиционными спорами в международных форумах, а ряд споров уже проходят стадию досудебного урегулирования.

Вопрос наличия компетенции (юрисдикции) у трибунала, рассматривающего инвестиционный спор, является ключевым для начала многомиллионного разбирательства, итогом которого может стать имущественная ответственность государства, влекущая не только экономические, но и социальные последствия для его граждан. Поэтому стадия юрисдикционных возражений имеет существенное значение и предоставляет возможность пресечь атаку на суверена на первоначальной стадии.

Среди юрисдикционных возражений, типично выдвигаемых в инвестиционных спорах помимо временной, территориальной и субъектной, выделяют предметную компетенцию трибунала – *ratione materiae*, наличие или отсутствие которой обуславливает защищенность иностранной инвестиции. Именно данное понятие и является основным камнем преткновения на юрисдикционной стадии инвестиционного спора. А была ли инвестиция? А если была, где ее границы и как она определяется сторонами спора.

Так, п. 1 ст. 25 Конвенции о об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств (заключена в г. Вашингтоне 18.03.1965), являющейся одной из ключевых в данной сфере, закреплено, что юрисдикция Центра по разрешению инвестиционных споров распространяется на все непосредственно связанные с инвестициями правовые споры между Договаривающимся государством (или любым подразделением или учреждением Договаривающегося государства, указанным Центру этим государством) и физическим или юридическим лицом другого Договаривающегося государства, которые Стороны в письменной форме согласились передать Центру. При этом данная конвенция не содержит определения инвестиций.

В связи с этим ключевым вопросом применимого права в международных инвестиционных спорах является понятие инвестиций, закрепленное в законодательстве стран-сторон инвестиционного спора, в двусторонних и многосторонних международных соглашениях (включая соглашения о защите инвестиций), международном праве.

Инвестиция является одной из самых распространенных экономических категорий, используемых в сфере предпринимательского и международного права, что подтверждает глубокое взаимопроникновение двух ключевых систем общественных отношений.

Обобщенное экономико-теоретическое определение инвестиций включает в себя средства, вкладываемые в экономику, в экономические объекты и проекты, предназначенные для обеспечения производства экономическими ресурсами в будущем.

Большая советская энциклопедия определяла инвестицию (нем. Investition, от лат. investio – одеваю), как долгосрочное вложение капитала в промышленность, сельское хозяйство, транспорт и др. отрасли хозяйства как внутри страны, так и за границей с целью получения прибыли [2]. Современный экономический словарь трактует инвестиции (от лат. investire – облачать) как долгосрочные вложения государственного или частного капитала в собственной стране или за рубежом с целью получения дохода в предприятия разных отраслей, предпринимательские проекты, социально-экономические программы, инновационные проекты, которые дают отдачу через значительный срок после вложения [3].

В рамках национальных правовых систем стран Евразийского экономического союза дефиниции инвестиций являются схожими. Так, белорусская правовая система определяет инвестиции через широкую трактовку объектов гражданских прав, являющихся объектами инвестирования, а именно как любое имущество и иные объекты гражданских прав, принадлежащие инвестору на праве собственности, ином законном основании, позволяющем ему распоряжаться такими объектами, вкладываемые инвестором на территории Республики Беларусь способами, предусмотренными ч. 1 ст. 1 Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 № 53-З «Об инвестициях», в целях получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого результата либо в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием, в частности: движимое и недвижимое имущество, в том числе акции, доли в уставном фонде, пай в имуществе коммерческой организации, созданной на территории Республики Беларусь, денежные средства, включая привлеченные, в том числе займы, кредиты; права требования, имеющие оценку их стоимости; иные объекты гражданских прав, имеющие оценку их стоимости, за исключением видов объектов гражданских прав, нахождение которых в обороте не допускается (объекты, изъятые из оборота).

Схожий подход использовался в Инвестиционном кодексе Республике Беларусь, утратившем силу 23 января 2014 г. (ст. 1 Инвестиционного кодекса Республики Беларусь от 22.06.2001 № 37-З).

Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» использует более усеченную конструкцию, в соответствии с которой инвестициями являются денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

Пункт 1 ст. 274 Предпринимательского кодекса РК от 29.10.2015 № 375-V определяет под инвестициями все виды имущества (кроме товаров, предназначенных для личного потребления), включая предметы финансового лизинга с момента заключения договора лизинга, а также права на них, вкладываемые инвестором в уставный капитал юридического лица или увеличение фиксированных активов, используемых для предпринимательской деятельности, а также для реализации проекта государственно-частного партнерства, в том числе концессионного проекта.

Пункт 1 ст. 1 Закона Кыргызской Республики от 27 марта 2003 г. № 66 «Об инвестициях в Кыргызской Республике» максимально широко подходит к толкованию инвестиций и определяет последние как материальные и нематериальные вложения всех видов активов, находящихся в собственности или контролируемых прямо или косвенно инвестором, в объекты экономической деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта в виде: денежных средств; движимого и недвижимого имущества; имущественных прав (ипотека, право удержания имущества, залог и другие); акций и иных форм участия в юридическом лице; облигаций и других долговых обязательств; неимущественных прав (в том числе право на интеллектуальную собственность, включая деловую репутацию, авторские права, патенты, товарные знаки, промышленные образцы, технологические процессы, фирменные наименования и ноу-хау); любого права на осуществление деятельности, основанной на лицензии или в иной форме, предоставленной государственными органами Кыргызской Республики; концессий, основанных на законодательстве Кыргызской Республики, включая концессии на поиск, разработку, добычу или эксплуатацию природных ресурсов Кыргызской Республики; прибыли или доходов, полученных от инвестиций и реинvestированных на территории Кыргызской Республики; –иных форм инвестирования, не запрещенных законодательством Кыргызской Республики.

Статья 1 Закона Республики Армения «Об иностранных инвестициях» от 31.07.1994 определяет иностранную инвестицию как любой вид имущества, в том числе финансовые средства и интеллектуальные ценности, которые непосредственно вкладываются иностранным инвестором в сферу осуществляемой на территории Республики Армения предпринимательской или иной деятельности с целью получения прибыли (дохода) или достижения иного полезного результата.

В межгосударственных правоотношениях на территории постсоветского пространства также предпринимались попытки определения инвестиций как объекта правового регулирования. Следует отметить, что Договор стран СНГ от 24.09.1993 «О создании Экономического союза» не содержал понятия инвестиций, хоть и оперировал этим термином. Впоследствии оно возникло в Ашхабадском Соглашении о сотрудничестве в области инвестиционной деятельности, заключенного в 24.12.1993 (Инвестициями Сторон являются все виды имущественных, финансовых,

интеллектуальных ценностей, вкладываемые инвесторами Сторон в объекты предпринимательской и других видов деятельности в целях получения прибыли (дохода), достижения социального эффекта), и Московской Конвенции о защите прав инвестора, заключенной в г. Москве 28.03.1997 и определялось как вложенные инвестором финансовые и материальные средства в различные объекты деятельности, а также переданные права на имущественную и интеллектуальную собственность с целью получения прибыли (дохода) или достижения социального эффекта, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в соответствии с национальным законодательством Сторон.

Договор о Евразийском экономическом союзе не мог проигнорировать одну из ключевых категорий в рамках свободы движения капитала и определяет инвестиции через объекты их вложений, т. е. как материальные и нематериальные ценности, вкладываемые инвестором одного государства-члена в объекты предпринимательской деятельности на территории другого государства-члена в соответствии с законодательством последнего, в том числе: денежные средства (деньги), ценные бумаги, иное имущество; права на осуществление предпринимательской деятельности, предоставляемые на основе законодательства государств-членов или по договору, включая, в частности, права на разведку, разработку, добычу и эксплуатацию природных ресурсов; имущественные и иные права, имеющие денежную оценку (Подпункт 7) пункта 6 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций Приложения № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе, подписан в г. Астане 29.05.2014, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2021).

Аналогичные подходы к определению инвестиций содержатся в множестве двусторонних соглашений о защите инвестиций, таких, например, как, Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Узбекистан о взаимном поощрении и защите инвестиций" (заключено в г. Минске 01.08.2019).

Наряду с ожидаемым подходом наличия дефиниции инвестиций в "твердом" праве, в правоприменительной практике нередки случаи, когда понятие инвестиций отсутствует как в национальном законодательстве спорящих сторон, так и в международных соглашениях, сторонами которых они являются. В таком случае как стороны, так и трибунал, рассматривающий дело, стоят перед вопросом определения критериев, которые сделают возможным определение наличия защищенной инвестиции в правоотношениях между спорящими сторонами.

Результатом стало появление так называемого теста Салини (по названию дела «Салини против Марокко» [4], в котором этот тест был впервые предложен одним из арбитров, австрийским профессором Кристофом Шройером) [5], согласно которому любой объект может быть признан инвестицией, если он: 1) носит долговременный характер; 2) предполагает постоянный доход; 3) сопровождается внесением существенного капитала и наличием рисков; 4) способствует развитию экономики страны, принимающей инвестиции [6]. В то же время следует отметить, что некоторые международные инвестиционные арбитражи в своих решениях по другим делам (например, в деле «Саба Факес против Турции» [7]) отрицали необходимость этого четвертого критерия теста Салини. Впоследствии так называемый «тест Салини» был развит посредством судебной практики.

Несмотря на то, что содержание и число предложенных признаков неоднократно подвергались критике последующими третейскими судами [8], само их введение свидетельствует об автономной квалификации спорного понятия, существующей вне

рамков какой-либо национальной правовой системы и тем самым не испытывающей на себе ее влияние [9].

Приведенные выше доктринальные подходы и развитие судебной практики указывают на индивидуальный характер трактовки понятия иностранных инвестиций применительно к конкретному спору определенным арбитражным трибуналом. В свою очередь изложенное с учетом достаточно широкого подхода к описанию инвестиций на постсоветском пространстве открывает дискуссию о возможности применения так называемых критериев «действительности» или «законности» инвестиции, опираясь на сформировавшиеся подходы в практике разрешения международных инвестиционных споров, а также подлежит безусловной оценке на стадии заключения (присоединения) к международным двусторонним и многосторонним соглашениям в сфере защиты инвестиций, а также интеграционным договорам.

Особо необходимо отметить важность оценки четвертого критерия, который в ряде уже рассмотренных дел не был признан обязательным, направленность инвестиций не только на развитие экономики страны-реципиента, но и ее социально-полезную направленность, ввиду того, что государство-реципиент, предоставляя инвестору гарантии и защиту имеет своей конечной целью предоставление благ своим гражданам.

Библиографические ссылки

1. Yukos Universal Limited (Isle of Man) v. The Russian Federation, UNCITRAL, PCA Case No. 2005-04/AA227 [Electronic resource] : Investment Treaty Arbitration Law / italaw, 2021. URL: <https://www.italaw.com/cases/1175> (date of access: 12.10.2021).
2. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс] : Большая советская энциклопедия. 2021. URL: <http://bse.sci-lib.com/> (date of access: 12.10.2021).
3. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2006. 494 с.
4. Salini Costruttori S.p.A. and Italstrade S.p.A. v. Kingdom of Morocco [I], ICSID Case No. ARB/00/4 [Electronic resource] : Investment Treaty Arbitration Law / italaw, 2021. URL: <https://www.italaw.com/cases/958> (date of access: 12.10.2021).
5. Рачков И. В. Решения международных инвестиционных арбитражей о компетенции (юрисдикции) и приемлемости исков: обзор наиболее примечательных дел за 2016 год // Международное правосудие. 2018. № 3. С. 93–110.
6. Беликова К. М., Ахмадова М. А. Правовая природа инвестиционных споров и некоторые аспекты процедуры их разрешения инвесторами из стран БРИКС в МЦУИС // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2. С. 67–78.
7. Saba Fakes v. Republic of Turkey, ICSID Case No. ARB/07/20 [Electronic resource] : Investment Treaty Arbitration Law / italaw, 2021. URL: <https://www.italaw.com/cases/429> (date of access: 12.10.2021).
8. Consortium Groupement L.E.S.I.- DIPENTA v. République algérienne démocratique et populaire, ICSID Case No. ARB/03/08 [Electronic resource] : Investment Treaty Arbitration Law / italaw, 2021. URL: <https://www.italaw.com/cases/323> (date of access: 12.10.2021).
9. Международный коммерческий арбитраж : учебник / С. А. Абесадзе [и др.] ; отв. ред. Т. А. Лунаева; науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут, 2018. Вып. 9.

О ВВЕДЕНИИ СПЕЦКУРСА «ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА» НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В. К. Сидорчук

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, valery_sidorchuk@tut.by*

В статье показаны социальная значимость, экономические масштабы, а также правовые особенности коммунального хозяйства городских и сельских поселений в Беларуси, которые обуславливают целесообразность его отдельного специального изучения в юриспруденции для выработки обоснованных рекомендаций по эффективному нормативному регулированию. Коммунальное хозяйство жизненно важно для каждого человека, местного сообщества и человечества в целом. Поэтому в перечне предметов учебных дисциплин соответствующей области знаний должно быть выделено заслуженное место.

Ключевые слова: инвестор; коммунальное хозяйство; коммунальные услуги; коммунальные тарифы; предприятие коммунального хозяйства; социальное предпринимательство; субсидия.

1. Коммунальные предприятия естественным образом возникли и развиваются с античных времен для обеспечения благоустройства населенных пунктов, развития территориальной инженерной инфраструктуры, а также организации производства многочисленных жизненно необходимых коммунальных товаров, работ и услуг для своих жителей (*public utility* – англ.). В германской правовой науке подобные предприятия, работающие на рынке общественно значимого продукта, именуются как *öffentliche Hande* – публичные руки или *öffentliche Unternehmen* – публичное предприятие, независимо от их публично-правовой или частноправовой организационно-правовой формы. Коммунальное хозяйство существует для оказания общих для местного населения услуг (лат. “*communis*” от “*munia*” – совместно нести тяжесть). Исторически для организации их оказания в Древнем Риме был изобретен и закреплен юридически в 45 г. до н.э. в законе *Lex Julia municipalis* (Закон о муниципальном управлении) муниципалитет (от лат. “*municipium*”, где *munus* – обязанность и *cius* – несу, означает взятое на себя бремя общественных дел). В современной Беларуси к таким работам и услугам относятся организация дорожного хозяйства, водоснабжения и водоотведения, энергоснабжение и энергосбережение, озеленение, общественный транспорт, вывоз твердых коммунальных отходов, содержание в надлежащем состоянии мест захоронения и многое др. В последние годы коммунальные услуги формируют «умный город» – *Smart City*. Они обеспечивают средствами автоматизации традиционные отрасли коммунального хозяйства, а также выстраивают новые сети коммуникации – интернет зданий, системы мониторинга состояния инженерных конструкций, системы регулирования и учета потребления коммунальных ресурсов. Коммунальные услуги относятся к жизненно важным, поскольку без их потребления ни один человек не может прожить ни одного дня. Таким образом, коммунальное хозяйство обслуживает человека на протяжении жизни и далее. Доля занятых в коммунальном хозяйстве достигает не менее четырех процентов от общей численности работников экономики страны. Во многих районах Беларуси субъекты коммунального хозяйства являются крупнейшими либо единственными производственными предприятиями. В 2015 г. в Беларуси насчитывалось 16618 организаций государственной собственности, в том

числе 2150 республиканской собственности и 14468 коммунальной собственности. В 2020 г. из 15937 организаций государственной собственности 1852 относились к республиканской собственности, а 14085 – к коммунальной собственности. Кроме того в коммунальных хозяйственных отношениях активно участвуют на договорной основе субъекты частного предпринимательства. Потребность в коммунальных услугах практически не ограничена и спрос на них не подвержен никаким рискам.

В новейших учебниках по предпринимательскому праву тема о правовом положении коммунального хозяйства располагается под первым номером. Это предопределено приоритетным значением производимой им продукции и услуг для организаций и населения [1, с. 10–11].

2. Коммунальное хозяйство стабильно занимает место в числе трех главных проблем государственного управления в Республике Беларусь, а качество работы коммунальных предприятий и учреждений имеет приоритетное значение в перечне повседневных забот и интересов граждан и организаций. По данным проведенного сотрудниками Института социологии НАН Беларуси в октябре 2017 г. опроса наибольшее количество респондентов – 43,3%, испытывают неудовлетворенность качеством услуг в сфере ЖКХ.

Коммунальное хозяйство в современной Беларуси остается самой крупной государственной монополией. Оно чаще других отраслей подвергается критике за техническую отсталость, крайнюю предпринимательскую неэффективность и коррупционность. Визуальным доказательством просчетов в правовом регулировании существующего коммунального хозяйства является допуск к перевозкам пассажиров опасных для жизни и окружающей среды маршрутных такси вместо нормального общественного транспорта, розничная торговля питьевой водой вместо качественного водоснабжения, антисанитарные овощные торговые ларьки и многое другое. В Беларуси 96% опрошенных 23.10.2017 г. респондентов отмечали ухудшение качества ЖКУ.

3. Коммунальная сфера относится к социальному пакету, поэтому нормативные правовые основы коммунального хозяйства, как необходимой предпосылки всего народного хозяйства, жизнеобеспечения людей, благоустройства населенных пунктов закреплены в актах международного права и конституциях государств. В законодательстве Республики Беларусь зафиксированы меры государственной поддержки населения при оказании и оплате коммунальных услуг, введено государственное регулирование тарифов на основные коммунальные услуги, закреплена максимально допустимая доля собственных расходов граждан на получение коммунальных услуг в совокупном доходе семьи, установлены обязательные социальные стандарты в области коммунального обслуживания. Коммунальное обслуживание является важным средством предотвращения и сокращения масштабов социального неравенства и незащищенности, а также гарантией равных возможностей для граждан. Предоставление коммунальных услуг основано на принципах всеобщности доступа, равенства, справедливости, ответственности. Коммунальному хозяйству отводится ведущее место в формирующейся правовой модели социального предпринимательства, законодательное оформление которого будет базироваться на масштабном сочетании публичных отраслей и гражданского права.

4. В Беларуси принят специальный Закон о защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг (далее – ЖКУ). 19–20 октября 2017 г. состоялся республиканский семинар «О совершенствовании и развитии ЖКХ республики». Глава государства в своем выступлении определил сферу ЖКХ приоритетом номер один в стране. По итогам семинара постановлением Совета Министров Республики Беларусь от

29.12.2017 г. № 1037 утверждена Концепция совершенствования и развития ЖКХ до 2025 года. В п. 6.2. Директивы Президента Республики Беларусь от 04.03.2019 № 7 «О совершенствовании и развитии жилищно-коммунального хозяйства страны» Министерству жилищно-коммунального хозяйства и Министерству образования предписано принимать меры по «популяризации ЖКХ в качестве государственно значимой и социально престижной сферы деятельности». Международные финансовые организации-партнеры Беларуси неизменно настаивают на системном реформировании отечественного коммунального хозяйства как обязательном условии устойчивого развития страны. Правительство в 2019 году инициировало начало процедуры по переводу Беларуси из статуса страны с нерыночной экономикой в статус страны с рыночной экономикой. Важным доказательством для присвоения нового статуса белорусской экономике будет иметь внедрение рыночных принципов в организацию ЖКХ.

Актуальность изучения коммунального хозяйства особенно возрастает в странах с реформируемыми экономическими системами, поскольку коммунальные службы предназначены для оказания «публичных» услуг, гарантирующих социальные обязательства государства. В ноябре 2017 г. при Национальной Академии наук Беларуси создан единственный в мире Научно-исследовательский центр ЖКХ (НИЦ ЖКХ при НАН), который занимается «вопросами инновационной модернизации отрасли». На данный центр возлагается разработка экономического обоснования модели функционирования ЖКХ, начиная от организационно-правовых аспектов и заканчивая стоимостью услуг.

5. В теории и действующих актах законодательства Республики Беларусь не в полной мере учитываются сущностные экономические, социальные, организационные и правовые отличия коммунального хозяйства от частного предпринимательства и государственной экономики. Правотворческая и хозяйственная практика остается без научной доктрины коммунального хозяйства. Представители конституционно-правовой науки сосредоточены на исследованиях организации системы местного управления и самоуправления: полномочий местных Советов, исполкомов, администраций. Законы также уделяют основное внимание вопросам местной власти в ущерб коммунальным хозяйственным отношениям. Такое положение полностью диссонирует с реальностью. В действительности, задачи местного управления и самоуправления преимущественно сосредоточены на организации коммунального хозяйства, а не на сессиях, заседаниях и решениях. Цивилисты изучают коммерческое предпринимательство и полностью упускают из вида особую социально-публичную правовую сущность коммунального хозяйства. Коммунальное хозяйство в качестве ключевого инфраструктурного элемента территориальных образований, института оказания социально значимых услуг должно получить надлежащую правовую основу.

Коммунальное хозяйство каждого территориального образования есть обязательная и чрезвычайно многогранная социально-производственная и организационно-правовая система. Ее изучение представляет значительную сложность, связанную с определением реального правового и экономического содержания многочисленных производственных и распределительных отношений для адекватного его перевода в нормативные предписания с учетом социального аспекта. Любые искусственные теоретические конструкции безжалостно отвергаются коммунальной действительностью из-за их экономической несостоятельности.

Так, установленные в административном порядке коммунальные тарифы деформируют демографическую ситуацию, стимулируют миграцию населения в города и ведут к опустошению сельской местности. В большинстве сельских поселений нет

субсидируемых коммунальных услуг, и граждане вслед за коммунальными преимуществами перемещаются в города. В результате такой коммунальной тарифной политики Беларусь стала к 2019 г. одной из самых урбанизированных стран Европы с долей городского населения 78 %. Причем в Беларуси соотношение городского и сельского населения меняется на 1 % в год. Если в 1999 г. из 10045237 человек в городах проживало – 6961516 человек (69,3 %), а на селе – 3083721 человек (30,7 %), то в 2019 г. из 9413446 человек, соответственно – 7299989 человек (77,5 %) и 2113457 человек (22,5 %). Количество сельских населенных пунктов в 1991 г. было 24437, а в 2018 – 23119. Число сельских советов соответственно 1480 и 1156. В Беларуси посредством общего субсидирования коммунальных услуг осуществляется урбанизация сельских поселений. Размер коммунальной субсидии городскому жителю сопоставим со средним доходом занятых в сельском хозяйстве. Городские жители получают в год субсидий только на отопление одного домовладения в размере около 1000 рублей. Безадресное коммунальное субсидирование стимулирует переезд людей из сельской местности в города за дешевыми коммунальными услугами. Острый недостаток рабочих рук крайне негативно сказывается на производстве технических сельскохозяйственных культур, многих направлениях животноводства (крупного рогатого скота, овцеводство, свиноводство). Следует признать, что численность сельского населения менее 30% неизбежно будет приводить к острому дефициту продуктов питания и росту продуктовой инфляции. В сельской местности пустуют сотни тысяч жилых домов, в то время когда в городах сохраняется дефицит жилых помещений. Это только один из непредвиденных диалектических просчетов в организации коммунального хозяйства.

6. Реальность такова, что в Беларуси нет ясной юридической концепции коммунального хозяйства, не сформирована достаточная нормативная правовая база для регулирования соответствующих экономических и социальных отношений. Юридическая наука «не замечает коммунальной специфики» при оценке правового режима объектов имущества, статуса предприятий (учреждений) коммунального хозяйства, порядка предоставления, оплаты и потребления коммунальных услуг. В своем выступлении 20.10.2017 г. Президент Республики Беларусь назвал в качестве одной из причин проблем ЖКХ отсутствие научных рекомендаций по их решению. Позиция Главы государства открывает возможность для юридической науки не только комментировать имеющееся законодательство, но нацеливает на обоснование новых гипотез и рекомендаций относительно правовой модели коммунального хозяйства.

В частности, в действующем законодательстве коммунальное хозяйство рассматривается как составная часть ЖКХ, что явно не соответствует действительности и крайне отрицательно сказывается на состоянии предмета регулирования. В Беларуси крупными потребителями коммунальных услуг, а также их неплательщиком выступают промышленность, сельское хозяйство, транспорт и другие отрасли.

В реальности коммунальное хозяйство имеет фундаментальное значение для всей экономики и социальной сферы. Разрозненные нормативные предписания, регулирующие коммунальные хозяйственные отношения, в силу своей многочисленности и важности могут быть систематизированы в массив коммунального законодательства. Значимость общественных отношений по организации и ведению коммунального хозяйства вызывает необходимость для их специального исследования, изучения и эффективного правового регулирования формирования самостоятельной научной и учебной дисциплины. Целесообразно включение в учебные планы юридических вузов спецкурса «Правовое положение коммунального хозяйства». Основу его структуры

может составить оглавление монографии: Сидорчук В. К. Правовое положение коммунального хозяйства. Минск : Изд. центр БГУ, 2019. 308 с.

Библиографические ссылки

1. Предпринимательское право. Правовое регулирование отраслей реального сектора : учеб. пособие для вузов / Г. Ф. Ручкина [и др.] ; под ред. Г. Ф. Ручкиной. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2021. (Высшее образование). Текст непосредственный.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ О БАНКРОТСТВЕ БАНКА

А. Г. Силивончик

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, artur.silivonchik@mail.ru*

Рассматриваются особенности возбуждения производства по делу о банкротстве банка в Республике Беларусь и зарубежных странах с точки зрения субъектного состава. Для обеспечения стабильности банковской системы автор рассматривает возможность сокращения круга лиц, которые вправе инициировать отзыв у банка специального разрешения (лицензии) на осуществление банковской деятельности, что повлечет сокращение лиц, обладающих возможностью инициировать возбуждение производства по делу о банкротстве банка.

Ключевые слова: Национальный банк Республики Беларусь; банкротство банка; специальное разрешение (лицензия) на осуществление банковской деятельности; неплатежеспособность.

Банкротство фирмы и банкротство банка – явления, различающиеся по своей сути. Крах небольшой фирмы создает проблемы только для ее клиентов, партнеров и ограниченного круга кредиторов. Экономике государства или региона такое банкротство большого ущерба нанести не может.

Другое дело – крупный банк, кредиторами которого выступают тысячи физических и юридических лиц. Его банкротство способно потрясти основы общества и государства.

С начала XVII века в Англии, а затем, по ее примеру, в других странах начался период неограниченной свободы банковского дела, при котором банковская деятельность признавалась свободным частным промыслом.

Однако продлился указанный период недолго из-за полной несовместимости так называемой «банковской свободы» с общественными интересами, и с конца XVII века в Англии (с конца XVIII века в других странах) банковское дело стало подвергаться «стеснениям» или, говоря современным языком, государственному вмешательству.

Одна из причин такого вмешательства заключалась в том, что государство в целях недопущения возникновения всеобщей паники и лавинообразного распространения банковских банкротств не могло допустить банкротства крупных банков. Власти четко понимали, что один крупный крах может повлечь за собой чрезвычайное потрясение всего рынка и сделаться тем камнем, который приведет в движение и заставит катиться целую лавину [1, с. 192].

По мнению Д.Е. Калитова, банкротство отдельного мелкого банка не опасно, поскольку при его наступлении может пострадать только узкая группа населения – его вкладчики. Однако банкротство крупного банка, пользующегося неограниченным доверием в деловых кругах, можно рассматривать как национальное несчастье, и необходимы меры, которые предупреждали бы возможность наступления подобных фактов [2, с. 60].

Профессор П. Момберт писал о необходимых мероприятиях государства и центрального (эмиссионного) банка, которые имели своей целью смягчить или парализовать невыгодные последствия неблагоприятного состояния конъюнктуры. По его мнению, поддержать потрясенный кредит и тем предотвратить дальнейшее распространение паники при банковских кризисах могут мероприятия государства законодательного и административного характера, а также финансовые мероприятия центрального (эмиссионного) банка [3, с. 150-151].

Указанными выше обстоятельствами обусловлены особенности возбуждения производства по делу о банкротстве банка, как с точки зрения субъектов, которые вправе инициировать процедуру банкротства банка, так в части оснований для возбуждения производства по делу о банкротстве банка.

Мировая практика идет по пути сужения круга лиц, которые вправе инициировать производство по делу о банкротстве банка.

Например, в Англии инициировать банкротство банка вправе только Банк Англии (Bank of England), Управление по финансовым услугам (Financial Conduct Authority (FCA)) и Служба пруденциального надзора (Prudential Regulation Authority (PRA)), каждый из указанных субъектов обладает специальными требованиями для инициирования производства по делу о банкротстве, кроме того закон предусматривает взаимодействие между указанными органами в процессе подачи заявления. Однако общим для Банка Англии и FCA является основание, согласно которому банк должен являться не способным исполнить свои обязательства или есть риск, что банк может стать таковым.

Одновременно с этим, в Германии инициировать производство по делу о банкротстве банка вправе только Федеральное управление финансового надзора Германии (нем. Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht (BaFin), которое является центральным органом надзора за финансовыми услугами Германии.

Со своей стороны полагаем, что большое количество субъектов, которые вправе инициировать банкротство банка приносит дополнительные риски в функционирование банков, что может спровоцировать утрату доверия к банку и отток средств, а также противоречит задаче по обеспечению стабильности финансовой системы.

В соответствии со ст. 200 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон) экономическим судом на основании заявления лиц, указанных в ч. 1 ст. 201 Закона, может быть возбуждено производство по делу о банкротстве банка только после отзыва у банка специального разрешения (лицензии) на осуществление банковской деятельности.

Согласно ч. 1 ст. 201 Закона право на подачу в экономический суд заявления о банкротстве банка имеют:

- банк;
- кредитор банка;
- Национальный банк Республики Беларусь;
- прокурор;

- налоговый или иной государственный орган – по уплате обязательных платежей;
- организация, осуществляющая гарантированное возмещение банковских вкладов (депозитов) физических лиц, – по обязательствам, возникающим у банка перед гражданами из договоров банковского вклада (депозита) и (или) текущего (расчетного) банковского счета.

Таким образом, ключевым основанием для возбуждения производства по делу о банкротстве банка является отзыв специального разрешения (лицензии) на осуществление банковской деятельности.

На практике признаки банкротства чаще всего выявляет Национальный банк Республики Беларусь. Вместе с тем, анализ прав указанных выше субъектов позволяет сделать вывод, что они обладают иным объёмом полномочий для обращения с заявлением о банкротстве банка.

Так, указанные в ч. 1 ст. 201 Закона субъекты, за исключением Национального банка Республики Беларусь, имеют право подать в Национальный банк Республики Беларусь заявление об отзыве у банка специального разрешения (лицензии) на осуществление банковской деятельности при наличии оснований, установленных ч. 3 ст. 12 Закона, с приложением документов, доказывающих наличие платежных обязательств банка и их размер в соответствии со ст. 6 Закона.

Лица, указанные в ч. 1 ст. 201 Закона (за исключением Национального банка Республики Беларусь), в случае неполучения ответа Национального банка Республики Беларусь по истечении двух месяцев после подачи заявления об отзыве у банка специального разрешения (лицензии) на осуществление банковской деятельности вправе подать в экономический суд заявление о банкротстве банка.

В соответствии с ч. 3 ст. 12 Закона основаниями для подачи заявления кредитора, если иное не установлено настоящим Законом, являются в совокупности:

- наличие у кредитора достоверных, документально подтвержденных сведений о неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер;
- применение к должнику принудительного исполнения, не произведенного в течение трех месяцев, либо выявление в процессе принудительного исполнения факта отсутствия у должника имущества, достаточного для удовлетворения предъявленных к нему требований;
- наличие задолженности перед кредитором, подавшим заявление кредитора, в размере ста и более базовых величин.

Неплатежеспособность должника, имеющая или приобретающая устойчивый характер определяется на основании постановления Совета Министров Республики Беларусь от 12 декабря 2011 г. № 1672 «Об определении критериев оценки платежеспособности субъектов хозяйствования» (далее – Постановление №1672), которое в силу подстрочного примечания к п. 1 Постановления № 1672 не подлежит применению, в частности, в отношении банков и небанковских кредитно-финансовых организаций.

До обращения в экономический суд с заявлением о банкротстве банка указанные в ч. 1 ст. 201 Закона лица должны обращаться в Национальный банк Республики Беларусь с заявлением об отзыве у банка специального разрешения (лицензии) на осуществление банковской деятельности. Однако, в частности, исходя из буквального толкования положений Закона и Постановления №1672 сделать это на практике достаточно сложно, так как Постановление №1672 не подлежит применению в

отношении банков в силу прямого указания. Одновременно с этим, если банк не будет исполнять свои обязательства в течение трех месяцев либо будет установлен факт отсутствия имущества, достаточного для удовлетворения требований, это может повлечь серьезные последствия для экономики.

Следовательно, не смотря на предусмотренную законодательством возможность инициировать отзыв лицензии на осуществления банковской деятельности со стороны широкого круга лиц с целью последующего возбуждения производства по делу о банкротстве банка, указанные в ч. 1 ст. 201 Закона лица не смогут эффективно реализовать свое право, так как у них отсутствует реальная возможность представить доказательства, что неплатежеспособность банка имеет или приобретает устойчивый характер.

Вместе с тем, предусмотренный в Законе подход является рациональным, т.к. установление широкого круга лиц, которые вправе быть инициаторами производства по делу о банкротстве банка может нарушить стабильность банковской системы.

Содержание норм о банкротстве банков должно быть более определенным, не допускающим двусмысленности их толкования. Для возбуждения дела о банкротстве банка целесообразно закрепить полную монополию Национального банка на возбуждение производства по делу о банкротстве банка.

Полагаем, что при наличии признаков банкротства банка лица, указанные в ст. 201 Закона (за исключением Национального Банка), должны иметь право лишь потребовать принятия мер по предупреждению банкротства банков.

Таким образом, принимая во внимание специфику банковской деятельности, считаем необходимым внести изменения в Закон, которые должны установить, что только Национальный банк Республики Беларусь вправе инициировать отзыв специального разрешения (лицензии) на осуществление банковской деятельности. В то время как остальные лица, указанные в ст. 201 Закона, должны обладать правом требовать принятия мер по предупреждению банкротства банка, которые установлены ст. 171 Закона.

Библиографические ссылки

1. Вебер А. Депозитные и спекулятивные банки. М.: Государственное издательство, 1928.
2. Калитов Д. Е. Участие государства в предупреждении банкротства банков в Германии // Банковское право. 2014. № 4. С. 58–69.
3. Момберт П. Введение в изучение конъюнктуры и кризисов. Петроград : Госиздание, 1928.

ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ: О НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ

В. П. Скобелев

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, s_v_p@tut.by*

Автор показывает, что правовое регулирование вопросов, связанных с формированием состава третейского суда, страдает рядом недостатков. Для их устранения предлагается заимствовать в Закон «О третейских судах» подходы к формированию состава третейского суда, реализованные в отношении международного коммерческого арбитража, а именно: стороны должны иметь возможность своим третейским соглашением регулировать порядок формирования состава третейского суда независимо от вида последнего (является третейский суд институциональным или *ad hoc*); механизм формирования состава третейских судей должен быть единым независимо от вида третейского суда, при этом если состав включает в себя трех третейских судей, каждая сторона должна избирать (независимо от другой стороны) по одному третейскому судье, а избранные таким образом двое третейских судей избирать третьего третейского судью; формирование состава третейского суда должно происходить на стадии возбуждения дела и стадии подготовки дела к рассмотрению в судебном заседании; необходимо предусмотреть механизмы содействия формированию состава третейского суда со стороны третьих лиц, если стороны (или избранные сторонами третейские судьи) не совершают (уклоняются от совершения) необходимых действий по формированию состава третейского суда.

Ключевые слова: инвестор; третейское разбирательство; третейский суд; третейский судья; состав третейского суда; формирование состава третейского суда.

Одним из механизмов защиты имущественных прав инвесторов выступает третейское разбирательство, регламентированное Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З «О третейских судах» (далее – Закон о ТС). Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) прямо не указывает на возможность использования Закона о ТС для целей защиты имущественных прав инвесторов, в ч.3 ст. 13 Закона об инвестициях прописаны несколько иные третейские механизмы – рассмотрение инвестиционного спора в арбитражном суде *ad hoc* в соответствии с Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ или в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров.

Вместе с тем ч. 4 ст. 13 Закона об инвестициях гласит, что если международным договором Республики Беларусь и (или) договором, заключенным между инвестором и Республикой Беларусь, установлено иное в отношении разрешения инвестиционных споров, то применению подлежат положения этих международного договора Республики Беларусь и (или) договора, заключенного между инвестором и Республикой Беларусь. Очевидно, что как международный договор Республики Беларусь, так и гражданско-правовой договор между Республикой Беларусь и инвестором может предусматривать обращение заинтересованной стороны в третейский суд, подпадающий под действие Закона о ТС, с целью защиты своих интересов.

В ст. 35 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 63-З «О концессиях» содержатся положения, аналогичные тем, что закреплены в ст. 13 Закона об

инвестициях, а значит, использование третейского разбирательства для разрешения споров из концессионных договоров тоже не исключается. Наконец, норма общего плана о возможности защиты гражданских прав в третейском суде, предусмотрена п. 1 ст. 10 ГК: «Защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляют суд общей юрисдикции, третейский суд (далее – суд) в соответствии с подведомственностью, установленной процессуальным законодательством, а в предусмотренных законодательством случаях – в соответствии с договором».

Закон о ТС достаточно подробно регулирует все вопросы, связанные с применением третейской формы защиты гражданских прав. Вместе с тем некоторые моменты остаются в Законе о ТС пробельными или не вполне удачно урегулированными (порядок формирования состава третейского суда, последствия неизбрания третейских судей сторонами, определение третейским судом своей компетенции на рассмотрение спора и пр.). Подобные огрехи нормотворчества способны негативным образом сказаться на привлекательности третейского разбирательства для инвесторов, а потому требуют выявления, изучения и последующего устранения законодательным образом.

В ч. 1 ст. 14 Закона о ТС закреплено, что «формирование состава постоянно действующего третейского суда производится в порядке, установленном настоящим Законом и регламентом постоянно действующего третейского суда, а третейского суда для разрешения конкретного спора – в соответствии с настоящим Законом и третейским соглашением». Как видно, Закон о ТС не разрешает сторонами определять третейским соглашением порядок формирования состава постоянно действующего третейского суда, что вряд ли оправдано.

Во-первых, подобный запрет не согласуется с положениями ч. 2 ст. 14 Закона о ТС, которая предусматривает, что «количество третейских судей для разрешения спора определяется регламентом постоянно действующего третейского суда, третейским соглашением и должно быть нечетным». Из общего контекста данной нормы следует, что третейским соглашением стороны могут определять количественный состав не только третейского суда *ad hoc*, но и постоянно действующего третейского суда. Определение же количественного состава третейских судей – одна из составляющих порядка формирования третейского суда.

Во-вторых, формированию состава постоянно действующего третейского суда в Законе о ТС посвящена фактически только одна-единственная (если не считать упомянутого положения ч. 2 ст. 14 Закона о ТС) небольшая норма: «Формирование состава третейского суда для третейского разбирательства в постоянно действующем третейском суде производится путем избрания третейских судей сторонами» (ч. 3 ст. 14 Закона о ТС). В Типовом регламенте постоянно действующего третейского суда, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 января 2012 г. № 52 (далее – Типовой регламент), никаких более развернутых предписаний на данный счет нет (п. 12 Типового регламента лишь в несколько иной текстуальной редакции воспроизводит норму ч. 3 ст. 14 Закона о ТС). Столь скудное правовое регулирование порождает множество вопросов: какая сторона спора должна выступать инициатором избрания третейских судей, в какой срок сторонам следует сформировать состав третейского суда, как быть, если сторона уклоняется от избрания третейского судьи, и т.д. Очевидно, что ответы на все эти вопросы стороны могли бы дать в своем третейском соглашении.

В-третьих, предоставление сторонам спора возможности самостоятельно регламентировать в третейском соглашении порядок формирования состава

постоянно действующего третейского суда является обычной (традиционной) мировой практикой. Например, в п. 2 ст. 11 Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (далее – Типовой закон) сказано, что стороны могут по своему усмотрению согласовать процедуру назначения арбитра или арбитров при условии соблюдения положений п. 4, 5 данной статьи. Эта же норма нашла отражение и в ч. 2 ст. 17 Закона Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде» (далее – Закон о МАС), который был разработан на основе Типового закона: «Стороны могут по взаимному соглашению определить порядок назначения арбитра или арбитров при условии соблюдения положений частей третьей, четвертой и пятой настоящей статьи».

Поскольку международный коммерческий арбитраж является разновидностью третейских механизмов разрешения споров, используемые в нем подходы вполне могут служить ориентиром для третейского разбирательства, регулируемого Законом о ТС. И в этом плане о многом говорит тот факт, что Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (данный Закон регулирует, по сути, те же отношения, что и белорусский Закон о ТС) по поводу формирования состава арбитров содержит норму (см. ч. 2 ст. 11), идентичную п. 2 ст. 11 Типового закона и ч. 2 ст. 17 Закона о МАС.

Переходя к предметному анализу положений ч. 3 ст. 14 Закона о ТС, заметим, что порядок формирования состава постоянно действующего третейского суда определен законодателем далеко не самым оптимальным образом: формирование состава «производится путем избрания третейских судей сторонами», т. е., исходя из буквального смысла закона, стороны должны достичь консенсуса по кандидатуре каждого третейского судьи, предлагаемого в состав третейского суда (такой же порядок законодатель оговорил в абз. 1 ч. 4 ст. 14 Закона о ТС и для формирования третейского суда *ad hoc*, что, однако, не вполне соответствует действительности, поскольку, как будет показано ниже, состав третейского суда *ad hoc*, состоящий из трех третейских судей, формируется совсем другим образом).

Неудачность подобного порядка формирования состава третейского суда заключается в том, что чем больше количественный состав третейского суда, тем сложнее сторонам его будет сформировать. Мы допускаем, что сторонам удастся сформировать состав третейского суда, состоящий из одного третейского судьи (чему, безусловно, будет предшествовать «отбраковка» каждой стороной определенного количества кандидатур третейских судей). Однако формирование в таком порядке состава третейского суда из трех третейских судей будет представлять собой трудновыполнимую задачу.

В этой связи обращает на себя внимание то, каким образом законодатель регулирует порядок формирования состава третейского суда *ad hoc*. Единоличный состав такого третейского суда тоже (как и единоличный состав постоянно действующего третейского суда) подлежит избранию сторонами, т. е. стороны должны прийти к обоюдному согласию относительно личности третейского судьи (абз. 3 ч. 4 ст. 14 Закона о ТС). Однако состав третейского суда *ad hoc*, состоящий из трех третейских судей, формируется иначе: каждая сторона спора избирает (независимо от другой стороны) по одному третейскому судье, а двое избранных подобным образом третейских судей избирают третьего третейского судью (абз. 2 ч. 4 ст. 14 Закона о ТС). Убеждены, что по аналогичному алгоритму должен формироваться и коллегиальный состав постоянно действующего третейского суда.

Кстати, в Законе о МАС (см. абз. 2 ч. 3 ст. 17) применительно к порядку формирования состава международного арбитражного суда, состоящего из трех арбитров (причем независимо от того, является арбитражный суд институциональным или *ad hoc*) реализованы именно такие подходы.

Далее, поскольку при использовании предусмотренного ч. 3 ст. 14 Закона о ТС порядка стороны могут столкнуться со сложностями в формировании состава третейского суда в виде неизбрания третейского судьи или третейских судей (по причине того, что ни одна из кандидатур так и не устроила обе стороны, или какая-то сторона уклонялась от участия в формировании состава третейского суда и т.д.), должны существовать правовые механизмы преодоления этих сложностей. Изначально в ч. 3 ст. 14 Закона о ТС такие механизмы присутствовали: формирование состава третейского суда производилось «если стороны не избрали третейских судей – путем назначения третейских судей председателем постоянно действующего третейского суда» (недостаток этого правила заключался лишь в том, что оно не определяло, как долго по времени могли продолжаться попытки сторон сформировать состав третейского суда и, соответственно, как скоро эти попытки при их безрезультатности мог прекратить председатель постоянно действующего третейского суда своим назначением недостающего третейского судьи).

Однако Закон Республики Беларусь от 17 июля 2020 г. №42-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О третейских судах» исключил из ч. 3 ст. 14 Закона о ТС приведенную фразу. Полагаем, что это явный шаг назад в правовом регулировании третейского разбирательства. Дело в том, что Закон о МАС предусматривает возможность назначения арбитров третьими лицами, если это не удастся сделать самим сторонам или уже назначенным сторонами арбитрам. Так, в отношении состава институционального международного арбитражного суда такие функции выполняет (если иное не предусмотрено соглашением сторон или международным договором) председатель этого суда, а в отношении состава международного арбитражного суда *ad hoc* (если иное не предусмотрено соглашением сторон или международным договором) – председатель Белорусской торгово-промышленной палаты (см. ч. 3–5 ст. 17 Закона о МАС).

Наконец, ст. 14 Закона о ТС не определяет правовые последствия неизбрания сторонами третейских судей для рассмотрения спора в постоянно действующем третейском суде, хотя применительно к третейскому суду *ad hoc* такие последствия предусмотрены. Так, при составе третейского суда *ad hoc* из трех третейских судей, если «одной из сторон не избран третейский судья в течение пяти дней после получения просьбы об этом от другой стороны или два избранных третейских судьи в течение пяти дней после их избрания не избирают третьего третейского судью, этот спор может быть передан на рассмотрение суда» (абз. 2 ч. 4 ст. 14 Закона о ТС), при единоличном составе третейского суда *ad hoc*, если «после обращения одной стороны к другой с предложением об избрании третейского судьи стороны в течение пяти дней не избирают третейского судью, этот спор может быть передан на рассмотрение суда» (абз. 3 ч. 4 ст. 14 Закона о ТС). Полагаем, что такие же последствия должны наступать и тогда, когда сторонам не удастся сформировать состав постоянно действующего третейского суда: заинтересованная сторона вправе обратиться за рассмотрением спора в государственный суд, а государственный суд, несмотря на положения п. 7 ч. 1 ст. 164, п. 4 ст. 245 ГПК или абз. 3 ст. 151 ХПК, обязан принять спор к производству и разрешить его по существу, т.к. третейское соглашение в данном конкретном случае следует считать неисполнимым.

Еще один вопрос, имеющий отношение к затронутой проблематике, заключается в том, когда именно (на каком этапе применения третейской формы защиты права) должно происходить формирование состава третейского суда. Глава 3 «Третейские судьи. Состав третейского суда» Закона о ТС весьма активно оперирует выражением «состав третейского суда», однако сам момент формирования состава третейского суда не определяет. Следующее упоминание про состав третейского суда можно встретить только в тех нормах Закона о ТС, которые имеют отношение к решению третейского суда (абз. 4 ч. 2 ст. 37, ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 39), а также к обжалованию данного решения (абз. 5 ст. 47). Получается, что по всему тексту главы 4 «Третейское разбирательство» Закона о ТС (кроме абз. 4 ч. 2 ст. 37, ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 39) законодатель использует термин «третейский суд», а не «состав третейского суда». Но равнозначно ли словосочетание «третейский суд» выражению «состав третейского суда»?

В соответствии со ст. 1 Закона о ТС «третейским судом является организация, не входящая в судебную систему Республики Беларусь, создаваемая для разрешения споров в виде постоянно действующего третейского суда или третейского суда, образуемого по соглашению сторон для разрешения конкретного спора». Следует сказать, что в отношении третейского суда *ad hoc* понятия «третейский суд (как организация)» и «состав третейского суда» в общем-то совпадают, поскольку третейский суд *ad hoc* как организация не может существовать иначе, чем в виде сформированного состава третейских судей, – если состав третейских судей не сформирован, то нет и третейского суда *ad hoc*. Хотя если мы акцентируем внимание на деятельности третейских судей по рассмотрению спора – а именно этого требует глава 4 «Третейское разбирательство» Закона о ТС, то более правильно, конечно же, использовать термин «состав третейского суда *ad hoc*», а не просто «третейский суд *ad hoc*».

Еще меньше оснований имеется для отождествления названных понятий применительно к постоянно действующему третейскому суду (соответственно, используемый почти по всему тексту главы 4 «Третейское разбирательство» Закона о ТС термин «третейский суд» является однозначно неверным). Постоянно действующий третейский суд как организация – это организационное образование, состоящее из органов управления (обычно в виде председателя) и рядовых сотрудников (например, технического секретариата). Постоянно действующий третейский суд как организация споры не рассматривает, рассмотрением споров занимается состав третейских судей, формируемый и функционирующий при постоянно действующем третейском суде как организации. Постоянно действующей третейский суд как организация в лице своих органов управления и рядовых сотрудников лишь оказывает различное организационное содействие составу третейских судей в рассмотрении им спора или, говоря научным языком, осуществляет администрирование третейского разбирательства.

Таким образом, ошибки в терминологии, допущенные законодателем в главе 4 «Третейское разбирательство» Закона о ТС (употребление термина «третейский суд» вместо выражения «состав третейского суда») только запутывают вопрос и не позволяют сделать однозначного вывода о моменте формирования состава третейского суда. Думается, что ключом к решению проблемы может служить норма ч. 8 ст. 8 Закона о ТС, которая предусматривает, что письменное уведомление о физическом лице, избранном третейским судьей для разрешения спора в третейском суде *ad hoc*, «направляется в Министерство юстиции физическим лицом, избранным

третейским судьей третейского суда для разрешения конкретного спора (председателем состава этого суда в случае коллегиального разрешения спора), не позднее трех дней до начала третейского разбирательства». По смыслу главы 4 Закона о ТС третейское разбирательство – это весь процесс рассмотрения и разрешения спора, который охватывает собой в том числе этап предъявления иска в третейский суд. А это значит, что ч. 8 ст. 8 Закона о ТС фактически указывает: состав третейского суда *ad hoc* должен быть сформирован еще до подачи искового заявления. Получается, что самая первая стадия третейского разбирательства – это стадия формирования состава третейского суда, и данная стадия предшествует стадии возбуждения дела.

Сделанный нами вывод касается третейского суда *ad hoc*, поскольку только к этому суду имеет отношение норма ч. 8 ст. 8 Закона о ТС. Вместе с тем полагаем, этот вывод может быть распространен и на постоянно действующий третейский суд (ведь временной интервал для формирования состава третейских судей не может различаться в зависимости от вида третейского суда – является третейский суд институциональным или *ad hoc*). В пользу этого говорят, в частности, следующие обстоятельства. Правила ст. 24 Закона о ТС, п. 21–23 Типового регламента не требуют от истца указывать в исковом заявлении сведения о предлагаемых истцом ответчику (ведь копия искового заявления подлежит передаче ответчику) кандидатурах третейских судей (третейского судьи). На наш взгляд, это косвенное признание того, что к моменту подачи истцом искового заявления состав третейского суда уже сформирован. Далее, не подлежит сомнению, что решение о наличии (отсутствии) компетенции на рассмотрении спора вправе принимать только состав третейского суда. Согласно Закону о ТС такое решение должно быть принято в очень короткий срок после подачи искового заявления – в течение пяти дней (ч. 1 ст. 25), в порядке исключения допускается отложение принятия решения на срок до семи дней (ч. 2 ст. 25). При этом Закон о ТС не упоминает о возможности каких-либо коммуникаций между сторонами в данный временной промежуток. А значит, это еще одно свидетельство того, что на момент подачи иска состав третейского суда был сформирован.

По нашему мнению, формировать состав третейского суда еще до того, как производство по делу возбуждено, не совсем рационально, к тому же это может привести к ряду затруднений. Ведь факт формирования состава третейского суда сам по себе еще не обязывает заинтересованную сторону к предъявлению иска, и вполне может сложиться ситуация, что иск, несмотря на наличие состава третейского суда, в течение определенного времени этому составу предъявлен не будет (норма ч. 2 ст. 26 Закона о ТС устанавливает временные пределы для третейского разбирательства только на тот случай, когда предъявление иска состоялось: «Третейское разбирательство должно быть осуществлено в течение трех месяцев со дня вынесения третейским судом определения о возбуждении третейского разбирательства, если более длительный срок в пределах одного года не предусмотрен третейским соглашением»). Соответственно возникает вопрос, как долго может длиться временной разрыв между этапом формирования состава третейского суда и этапом возбуждения дела, и что в течение всего этого периода может (и должно) происходить с составом третейских судей (этот состав должен сохраняться или может прекратить свое существование и т.п.). Не исключаем, что предъявление иска может вообще не произойти, и тогда получится, что все усилия сторон по избранию третейских судей были совершенно напрасны, равно как напрасно дали согласие на выполнение соответствующих функций и третейские судьи, которые, скорректировав свои

жизненные планы с учетом планируемого третейского разбирательства, специально отвлекли себя от иных дел.

В этой связи полагаем, что в третейское разбирательство имеет смысл заимствовать правила Закона о МАС, которые предусматривают формирование состава третейского суда на стадии возбуждения дела и стадии подготовки дела к рассмотрению в судебном заседании. Так, при составе международного арбитражного суда из трех арбитров истец называет одного арбитра в исковом заявлении, ответчик сообщает о втором арбитра в ответе на исковое заявление, а два назначенных таким образом арбитра избирают третьего – арбитра-председателя (абз. 2 ч. 3 ст. 17 Закона о МАС). При единоличном составе международного арбитражного суда истец излагает предложение относительно кандидатуры арбитра в исковом заявлении, ответчик свое мнение на данный счет – в ответе на исковое заявление, при наличии разногласий переговоры стороны могут продолжиться в ходе подготовки дела (абз. 3 ч. 3 ст. 17 Закона о МАС). В случае необходимости помощь в формировании состава арбитражного суда может быть оказана на стадии подготовки дела со стороны председателя постоянно действующего международного арбитражного суда, председателя Белорусской торгово-промышленной палаты или любого третьего лица, о содействии которого стороны договорились (ч. 3-5 ст. 17 Закона о МАС).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что правовое регулирование в Законе о ТС вопросов, связанных с формированием состава третейского суда, страдает рядом недостатков. Для их устранения в Закон о ТС необходимо заимствовать подходы к формированию состава третейского суда, реализованные в Законе о МАС применительно к международному коммерческому арбитражу, а именно: стороны должны иметь возможность своим третейским соглашением регулировать порядок формирования состава третейского суда (независимо от вида последнего – является третейский суд институциональным или *ad hoc*); механизм формирования состава третейских судей должен быть единым независимо от вида третейского суда, при этом если состав включает в себя трех третейских судей, каждая сторона должна избирать (независимо от другой стороны) по одному третейскому судье, а избранные таким образом двое третейских судей избирать третьего третейского судью; формирование состава третейского суда должно происходить на стадии возбуждения дела и стадии подготовки дела к рассмотрению в судебном заседании; необходимо предусмотреть механизмы содействия формированию состава третейского суда со стороны третьих лиц, если стороны (или избранные сторонами третейские судьи) не совершают (уклоняются от совершения) необходимых действий по формированию состава третейского суда.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ОДНОГО ИЗ ВИДОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. А. Солянкина

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17, 220007,
г. Минск, Беларусь, na_solyankina@mail.ru*

Социально-экономическая значимость предпринимательства в экономике возрастает по мере увеличения в этом секторе доли активно занятого населения страны. При этом особая роль в подъеме экономики и структурной перестройке хозяйства в Республике Беларусь должна отводиться развитию среднего и малого предпринимательства, в том числе в социальной сфере. Его преимущества заключаются в более высокой гибкости, большей восприимчивости к техническому и технологическому процессу, быстром реагировании на рыночный спрос.

Ключевые слова: социальный бизнес; малое предпринимательство; партнерство; солидарность; незащищенные группы населения.

Согласно Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года [1], важным фактором социально-экономического развития страны является предпринимательство, поскольку оно активизирует творчество и предприимчивость, создает новые рабочие места, позволяет самореализоваться человеку.

Термин «предпринимательство», как и само явление предпринимательской деятельности, вошел в общественную практику лишь во второй половине 80-х годов. Предпринимательство можно охарактеризовать как инициативную самостоятельную деятельность собственника (полного или частичного), направленную на получение прибыли под свой риск и имущественную ответственность. Оно может осуществляться в разных сферах экономики, как с привлечением, так и без привлечения лиц наемного труда.

В соответствии с ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь под предпринимательской деятельностью подразумевается самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

Для развития предпринимательской деятельности важное значение имеет предпринимательская среда, т. е. совокупность общественных институтов и условий, правовых норм и систем государственной поддержки. Это также определенный социальный климат, условия безопасности, специальная инфраструктура для предпринимательства, все то, что обеспечивает дальнейшее становление и развитие предпринимательства.

Мировой опыт и практика хозяйствования доказывают, что существование и взаимодействие большого, среднего и малого предпринимательства, их оптимальное соотношение, составляют характерную черту рыночной экономики.

По нашему мнению, сегодня именно с малым предпринимательством и развитием его в социальной сфере мы должны связывать положительные изменения в экономике регионов в частности и страны в целом, так как здесь имеет место создание условий для расширения и внедрения рыночных реформ. Малые предприятия самостоятельны в осуществлении своей хозяйственной деятельности, в распоряжении продукцией, прибылью, оставшейся после уплаты налогов других обязательных платежей, а также в остальных сферах деятельности предприятия. Каждый предприниматель старается занять свою нишу на рынке товаров или услуг, стремится выпускать нужную и качественную продукцию, пытаясь тем самым привлечь к себе потребителя. Все это превращает малое предпринимательство в своеобразный социальный двигатель экономического развития, придает рыночной экономике необходимую гибкость и побуждает к росту. Во многом роль малого предпринимательства заключается в решении вопроса занятости, проявляется, прежде всего, в способности малого и среднего бизнеса создавать новые рабочие места и поглощать избыточную рабочую силу, что особенно актуально для решения проблемы занятости людей, не занятых в экономике Республики Беларусь.

В условиях попыток дестабилизировать экономику как изнутри так извне, ограничения финансовых ресурсов именно субъекты предпринимательства, которые не требуют больших стартовых инвестиций, способны при определенной поддержке эффективно решать возникающие проблемы экономики Республики Беларусь, стимулировать развитие конкуренции и способствовать экономическому росту.

Изучение аспектов предпринимательской деятельности является отличным способом получения ценного опыта и увеличения эффективности развития во многих отраслях, важнейшей из которых является социальная сфера. Социальная сфера Республики Беларусь включает систему образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты. Таким образом, под социальной сферой понимаются отрасли, которые оказывают социально значимые услуги населению и финансируются преимущественно из бюджета (кроме того, источником финансирования может быть социальное страхование, спонсорство, благотворительность и т. п.).

Одной из характеристик белорусской экономики является эффективная государственная и общественная поддержка социально незащищенных групп населения, их интеграция в общество и включение в экономическую деятельность, а одним из принципов устойчивого развития Беларуси является приоритетное развитие систем здравоохранения, образования, культуры, как важнейших сфер жизнедеятельности общества, факторов долгосрочного роста трудовой активности и творческого развития личности, т. е. всего того, что входит в социальную сферу.

Исходя из этого, можно сказать, что развитие социального предпринимательства – это мощный фактор реформирования экономики: создание социально ориентированного рыночного механизма, преодоление спада производства и обеспечения предпосылок для экономического подъема государства.

Социальное предпринимательство в развитых странах является очень значительным ресурсом для общества и государства в решении многих вопросов. Современные вызовы для нашего общества создают дополнительную мотивацию для активизации социального предпринимательства в Республике Беларусь. В связи с этим считаем необходимым осуществить поддержку и развитие социального предпринимательства, то есть реализацию социально-инновационной предпринимательской деятельности, значительная часть доходов от которой будет направлена на решение социальных проблем.

Мотивационная структура предпринимательской деятельности у обычных и социальных предпринимателей разнится. Традиционный мотив ведения бизнеса – повышение собственного материального благосостояния, у социальных предпринимателей отходит на второй план, их мотивация заметно сдвинута в сторону достижения социально полезных целей, а не материального благополучия.

Можно выделить следующие мотивы создания социального бизнеса: 1) стремление оказать помощь в решении проблем ближайшего окружения; 2) желание оказать помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; 3) удовлетворение потребности в самореализации, самовыражении и получении общественного признания; 4) удовлетворение потребности быть полезным обществу, стремление изменить страну к лучшему.

Социальное предпринимательство можно охарактеризовать следующими признаками:

- социальное влияние, то есть целевая направленность на решение или смягчение существующих социальных проблем для достижения устойчивых положительных социальных результатов;
- инновационность благодаря применению новых, уникальных подходов, позволяющих увеличить социальное влияние; самоокупаемость и финансовая устойчивость, а именно способность социального предприятия решать социальные проблемы до тех пор, пока это необходимо, и за счет доходов, получаемых от собственной деятельности;
- масштабируемость и размер тиража и, как результат, увеличение масштаба деятельности социального предприятия (на национальном и международном уровне) предпринимательский подход – способность социального предпринимателя видеть «провалы рынка», находить возможности, аккумулировать ресурсы, разрабатывать новые решения, которые осуществляют долгосрочное положительное влияние на общество.

Основными причинами, препятствующими развитию социального предпринимательства, является нехватка средств на его развитие, низкий уровень социального сознания, недостаток квалифицированных кадров и опыта получения средств с помощью современных финансовых инструментов, отсутствие осведомленности о роли социального предпринимательства в обществе.

Еще один барьер становления социального предпринимательства в Республике Беларусь – отсутствие законодательной базы и правового регулирования данной деятельности, а также непонимание ценности и эффективности этого вида предпринимательской деятельности для общества не только со стороны государственных структур, но и со стороны многих граждан.

На основании проведенного анализа, представляется необходимым обозначить некоторые исходные положения, отражающие позицию автора по рассматриваемому вопросу.

Предпринимательство – это прогрессивный сектор рыночной экономики, который способствует здоровой конкуренции, обеспечивает насыщенность рынка товарами и услугами, создает новый слой – предприниматель-собственник.

Развитие малого и среднего предпринимательства одновременно создает политические предпосылки стабильности в обществе. В условиях, когда крупные предприятия почти исчерпали свой ресурс и требуют значительных финансовых вливаний, малый и средний бизнес может сыграть важную роль в увеличении валового

внутреннего продукта страны, стать основой для формирования среднего класса и способствовать созданию новых рабочих мест.

Необходимо знакомиться с опытом зарубежных стран по разработке законодательной базы и стратегии развития социального предпринимательства и разработать собственные стратегии развития социального предпринимательства.

Считаем целесообразным проводить такие мероприятия как круглые столы, совещания, встречи с предпринимателями, освещение в СМИ успешных примеров и кейсов, а также создание онлайн-систем по обмену информацией о предоставляемых субъектам малого и среднего предпринимательства специализированных услугах, инновациях, а также онлайн-обучения основам предпринимательской деятельности и др.. Эти мероприятия направлены на поддержку и популяризацию социального предпринимательства, что позволит повысить осведомленность населения с этим современным инструментом развития общества и заинтересовать предпринимателей в его распространении.

В планах социально-экономического развития регионов предусматривать поддержку социальных предприятий за счет областных, районных бюджетов, донорских организаций и других источников финансирования; меры по расширению материально-технической базы социальных предприятий за счет льготного использования коммунального и государственного имущества; меры, направленные на повышение компетенции предпринимателей и государственных служащих на местах по вопросам социального бизнеса (школы социального предпринимательства, специализированные семинары и тренинги, университетские программы и специальности).

Предпринимательство выполняет особую функцию в экономике содержательная суть которой сводится к обновлению экономической системы, создание инновационной среды, что приводит к разрушению традиционных структур и открытия пути к преобразованиям, в конце концов становится той силой, которая ускоряет движение экономики по пути эффективности, рационализации, бережливости и постоянного обновления.

В социальном отношении развитие предпринимательской деятельности является важной составной частью осуществления перехода к цивилизованным рыночным отношениям, становления в стране гражданского общества, развития демократии, надежного обеспечения социально-экономических, политических и других прав и свобод человека и гражданина, поэтому важным фактором формирования рынка является развитие малого и среднего предпринимательства.

Библиографические ссылки

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. (дата обращения: 14.10.2021).

ЗАЩИТА СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Т. В. Телятицкая

*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь, tvf@tut.by*

Анализируется процессуальный статус лиц, призванных осуществлять защиту юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в административном процессе. Проводится его сопоставление со статусом защитника физического лица, в отношении которого ведется административный процесс. Сделан вывод о схожести функций и полномочий всех участников административного процесса, осуществляющих защиту. Предложено унифицировать данные понятия.

Ключевые слова: защитник; представитель; физическое лицо; юридическое лицо; индивидуальный предприниматель; административный процесс.

Под субъектами защиты традиционно понимают тех участников административного процесса, которые своими действиями имеют возможность осуществлять защиту.

Правовой статус этой группы участников административного процесса по большей части излагается в главе 4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП). В названии данной главы они определены как участники административного процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы. Таким образом, законодательно эта группа участников определена в качестве осуществляющих именно защиту. Хотя далее по содержанию главы имеются и некоторые несоответствия.

Несмотря на некоторое разнообразие в правовых статусах участников административного процесса, их деятельность подчинена единой процессуальной функции – защите лица, в отношении которого ведется административный процесс. Именно поэтому правильным было бы определить всех участников как сторону защиты. Такой подход имеет место в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь, где в п. 41 ст. 6 дано следующее определение: «сторона защиты – обвиняемый, его законные представители, защитник, гражданский ответчик и его представители».

Термин «сторона», в целом, является характерным для процессуальных отраслей белорусского законодательства. Так, к примеру, им оперирует Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (ст. 60), Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (ст. 54). Единственным (хоть и гипотетическим) препятствием для его введения в административном процессе представляется отсутствие закрепления в ПИКоАП такого принципа, как состязательность сторон в административном процессе.

Исходя из названия главы 4 ПИКоАП, перечень участников административного процесса со стороны защиты можно структурировать следующим образом:

участники административного процесса, защищающие свои права и интересы: физическое лицо, в отношении которого ведется административный процесс; юридическое лицо, в отношении которого ведется административный процесс; индивидуальный предприниматель, в отношении которого ведется административный процесс;

участники административного процесса, защищающие представляемые права и интересы: защитник; представитель юридического лица (в отношении которого

ведется административный процесс); представитель (индивидуального предпринимателя, в отношении которого ведется административный процесс); законный представитель.

Вышесказанное согласуется с мнением ученых-административистов. Так, А. А. Тюрина констатирует, что «субъектами защиты выступает лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, законные представители физического лица, законные представители юридического лица и представитель» [1, с. 36].

В отличие от юридической помощи, которая может оказываться в административном процессе широким кругом лиц, перечень субъектов защиты законодательством очевидно сужен. Часть 1 ст. 2.8 ПИКоАП определяет, что «физическое лицо, в отношении которого ведется административный процесс, имеет право на защиту. Это право оно может реализовывать как лично, так и с помощью защитника...». Таким образом, закон в качестве субъектов осуществления защиты закрепляет только физическое лицо, в отношении которого ведется административный процесс, и его защитника.

Физическое лицо, в отношении которого ведется административный процесс, наряду с субъектом защиты, также является и защищаемым участником административного процесса. Именно с этим, по нашему мнению, связано то обстоятельство, что физическое лицо, в отношении которого ведется административный процесс, обладает наибольшим перечнем прав.

Вместе с тем ч. 1 ст. 4.4 ПИКоАП говорит, что «Защиту прав и законных интересов юридического лица, в отношении которого ведется административный процесс, или юридического лица, являющегося потерпевшим, осуществляют их представители, действующие в пределах прав, предоставленных им законодательством, учредительными документами либо доверенностью. Представлять интересы юридического лица, в отношении которого ведется административный процесс, или юридического лица, являющегося потерпевшим, вправе адвокат, руководитель юридического лица или работник юридического лица по делам этого лица, иные лица, осуществляющие представительство в случаях, предусмотренных законодательными актами». Указанное положение противоречит п. 8 ч. 1 ст. 1.4 ПИКоАП, в котором дано определение защиты как процессуальной деятельности, осуществляемой в целях обеспечения прав, свобод и законных интересов исключительно физического лица, в отношении которого ведется административный процесс. Получается, что законодателем разделяется защита физического и юридического лица, в отношении которого ведется административный процесс.

Представляется, что сложившаяся путаница в определении участников административного процесса, осуществляющих защиту, имеет в своей основе отсутствие четкого понимания о сути и содержании данной деятельности. Это относится именно к юридическому лицу, в отношении которого ведется административный процесс. Его специфический статус в качестве субъекта административной ответственности требует, чтобы его интересы в административном процессе каким-либо образом учитывались. Соглашаясь с этим, законодатель наделил и юридическое лицо, в отношении которого ведется административный процесс, определенными правами, позволяющими осуществлять свою защиту (ч. 5 ст. 4.1 ПИКоАП):

- 1) знать, в связи с совершением какого административного правонарушения в отношении него начат административный процесс;
- 2) участвовать в рассмотрении дела об административном правонарушении;

3) получать от суда, органа, ведущего административный процесс, копию постановления по делу об административном правонарушении;

4) подавать жалобы на действия судьи, должностного лица органа, ведущего административный процесс, в том числе обжаловать постановление по делу об административном правонарушении;

5) получать возмещение вреда, причиненного незаконными действиями суда, органа, ведущего административный процесс.

Данный перечень значительно сужен по сравнению с правами физического лица, в отношении которого ведется административный процесс. В частности, исключены все те права, реализация которых возможна только лично физическим лицом. Права, предусмотренные п. 1, 3 и 5 данного перечня, носят очевидно уведомительный характер, остальные требуют личного участия представителя. Право на обжалование является единственным правом, которое юридическое лицо, в отношении которого ведется административный процесс, осуществляет активно и самостоятельно. Все остальные его права являются следствием действий суда или органа, ведущего административный процесс.

Вместе с тем представляется уместным право, предусмотренное п.2 – участвовать в рассмотрении дела об административном правонарушении, убрать, оставив его лишь представителю юридического лица, в отношении которого ведется административный процесс. Это связано с очевидным, как нам представляется, фактом – само юридическое лицо не может присутствовать при рассмотрении дела об административном правонарушении. Это возможно только при участии его представителя.

Следует отметить, что нормативные правовые акты иных государств, имеющих схожие с нашими правовые традиции, указывают на то, что изложенная в нашем законодательстве ситуация с определением субъектов защиты юридического лица, в отношении которого ведется административный процесс, является не в полной мере распространенной. Кодексы Российской Федерации (ст. 25.5), Республики Казахстан (ст. 588), Азербайджанской Республики (ст. 375) об административных правонарушениях не разделяют субъектов защиты юридического и физического лица, определяя их единообразно – защитник. Аналогичной является и позиция административно-процессуальной науки. Определения защиты, даваемое различными учеными [1, с. 36; 2, с. 8; 3, с. 8;] не разделяют защиту физического и юридического лица, трактуя ее в качестве единой процессуальной деятельности, осуществляемой в целях защиты лица, привлекаемого к административной ответственности.

Представляется, что белорусское административно-процессуальное законодательство в отдельных моментах более совершенно. Во-первых, в нем четко указано, каким образом юридическое лицо, в отношении которого ведется административный процесс, осуществляет непосредственное участие в нем, требующее личного присутствия – через своего представителя. Во-вторых, представителем юридического лица, в отношении которого ведется административный процесс, может быть широкий перечень лиц, определяемых по его усмотрению. Этот перечень, конечно же, значительно шире, чем круг лиц, могущих осуществлять процессуальные функции защитника. Право представлять интересы юридического лица, в отношении которого ведется административный процесс, может быть предоставлено определенному физическому лицу в соответствии с законодательством, уставными документами юридического лица или по доверенности, выдаваемой юридическим лицом, в отношении которого ведется административный процесс. В-третьих, представитель юридического лица, в отношении которого ведется административный процесс, являясь отдельным

участником административного процесса, наделяется ПИКоАП определенным перечнем прав.

Следует особо обратить внимание на то, что в этом перечне прав есть и право иметь защитника с момента начала административного процесса. Это является дополнительной гарантией предоставления квалифицированной юридической помощи и осуществления квалифицированной защиты юридическому лицу, в отношении которого ведется административный процесс.

Таким образом, защита юридического лица, в отношении которого ведется административный процесс, может осуществляться:

- самим лицом, в отношении которого ведется административный процесс;
- представителем юридического лица, в отношении которого ведется административный процесс;
- защитником.

Несколько иной подход предложен законодателем применительно к лицу, в отношении которого ведется административный процесс, если оно является индивидуальным предпринимателем.

Часть 1 ст. 4.5 ПИКоАП определяет, что «защиту прав, свобод и законных интересов физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, оказание ему юридической помощи может осуществлять защитник, а оказание юридической помощи потерпевшему, физическому лицу – индивидуальному предпринимателю, в отношении которого ведется административный процесс, – представитель».

Таким образом, представитель индивидуального предпринимателя, в отношении которого ведется административный процесс, наделяется законодателем иной, хоть и близкой защите функцией – оказанием юридической помощи. Казалось бы, что такое указание в нормах ПИКоАП влечет и коренные отличия в процессуальном статусе представителя. Однако ч. 6 ст. 4.5 ПИКоАП содержит совсем иной взгляд на это. В соответствии с ней «защитник и представитель, участвующие в административном процессе, имеют право: 1) знать, по какому административному правонарушению ведется административный процесс; 2) участвовать при опросе лица, в отношении которого ведется административный процесс; 3) представлять доказательства; 4) заявлять отводы и ходатайства; 5) участвовать в рассмотрении дела; 6) знакомиться с протоколом и другими материалами дела об административном правонарушении, делать выписки из них, с разрешения органа, ведущего административный процесс, снимать копии с этих материалов; 7) подавать жалобы на процессуальные действия и решения, принятые по делу об административном правонарушении; 8) пользоваться родным языком или языком, которым они владеют, либо услугами переводчика; 9) совершать иные действия, направленные на защиту прав, свобод и законных интересов лица, в отношении которого ведется административный процесс».

Свойственным лишь только защитнику является предусмотренное ч. 8 ст. 4.5 ПИКоАП право иметь с лицом, в отношении которого ведется административный процесс, свидания наедине без ограничения их количества и продолжительности. Все остальные права идентичны. Мало того, защитник и представитель ставятся в один ряд в качестве участников административного процесса при наделении этими правами. Отличается несколько и перечень лиц, могущих стать защитником и представителем. Так, защитником могут быть адвокаты, близкие родственники или законные представители лица, в отношении которого ведется административный процесс. Представителем же физического лица – индивидуального предпринимателя, в отношении которого ведется административный процесс, кроме этих лиц, могут быть

также и иные лица, осуществляющие представительство в случаях, предусмотренных законодательными актами (ч. 2 и 3 ст. 4.5 ПИКоАП).

И если эти субъекты имеют практически аналогичные полномочия, то и их функции в административном процессе следует также признать аналогичными. В силу этого считаем верным устранить неточность в определении процессуальной функции представителя индивидуального предпринимателя, в отношении которого ведется административный процесс. Его с полным на то правом следует, как и защитника, считать субъектом защиты применительно к индивидуальному предпринимателю, в отношении которого ведется административный процесс.

Вместе с тем вызывает некоторое недоумение то, что при почти полном совпадении процессуальных статусов представителя индивидуального предпринимателя, в отношении которого ведется административный процесс, и защитника, законодатель принял решение о разделении их на два различных вида участников. Представляется логичным при таком совпадении процессуальных статусов защитника и представителя и выполнении ими единой функции – защиты лица, в отношении которого ведется административный процесс, применять термин «представитель» исключительно применительно к потерпевшему. Представляется неуместным оставление среди участников административного процесса такого участника, как представитель, вся разница в процессуальном статусе которого с защитником сводится лишь к тому, что он осуществляет защиту не физического лица, а индивидуального предпринимателя, в отношении которого ведется административный процесс (который, к слову, также является физическим лицом).

Очевидно, что эта разница не столь существенна, чтобы считать представителя индивидуального предпринимателя, в отношении которого ведется административный процесс, отдельным участником этого процесса. В силу этого уместным было бы объединить статус указанного участника административного процесса с защитником, добавив к перечню лиц, имеющих право осуществлять защиту в административном процессе, иных лиц, осуществляющих представительство в случаях, установленных законодательными актами.

Кстати, п. 16 ч. 1 ст. 1.4 ПИКоАП дает исчерпывающий перечень субъектов, могущих быть представителями в административном процессе: «близкие родственники, другие члены семьи потерпевшего, физического лица, в отношении которого ведется административный процесс, их законные представители, адвокаты, представители юридического лица, индивидуального предпринимателя».

А что же с самим индивидуальным предпринимателем, в отношении которого ведется административный процесс? Часть 4 ст. 4.1 ПИКоАП наделяет его всеми правами и обязанностями, которыми обладает физическое лицо, в отношении которого ведется административный процесс, за исключением права иметь защитника. Это право заменено на право иметь представителя, что опять же подтверждает тезис о том, что процессуальный статус представителя индивидуального предпринимателя, в отношении которого ведется административный процесс, идентичен статусу защитника.

Таким образом, субъектами защиты индивидуального предпринимателя, в отношении которого ведется административный процесс, должны являться сам этот участник и его защитник.

Библиографические ссылки

1. Тюрина А. А. Функция защиты в административно-юрисдикционном процессе. М. : Городец, 2009.

2. Гошовський В. М. Функція захисту в адміністративно-деліктному процесі України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Київ, 2010.

3. Титикало Р. С. Захисна функція юридичної допомоги в адміністративно-деліктному процесі : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Київський національний університет внутрішніх справ. Київ, 2009.

СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

К. В. Терехов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kvtbsc@gmail.com*

Определены существенные условия договора об осуществлении прав участника хозяйственного общества в соответствии с Законом Республики Беларусь «О хозяйственных обществах». Предложено использование понятия корпоративного договора. Выделены виды договоров об осуществлении прав участника хозяйственного общества, в зависимости от решаемых задач подписантов: корпоративный договор о голосовании определенным образом; корпоративный договор о согласовании голосования; корпоративный договор о порядке отчуждения доли (акций); организационный корпоративный договор. Выделены существенные условия, относительно которых должно быть достигнуто соглашение, исходя из предложенной классификации.

Ключевые слова: акционерное соглашение; договор об осуществлении прав участника хозяйственного общества; Парк высоких технологий; корпоративный договор; хозяйственное общество.

В практике деятельности коммерческих организаций активное распространение приобретают соглашения между участниками (акционерами) хозяйственных обществ, в том числе с руководителем организации, иными руководящими и ключевыми работниками, инвесторами, партнерами и иными третьими лицами, которые имеют законный интерес в контроле деятельности хозяйственного общества. Соглашения акционеров (участников), называемые акционерными соглашениями или корпоративными договорами (англ. – shareholders' agreement), являются договорными инструментами добровольного регулирования отношений, связанных с деятельностью организации.

Первоначально корпоративные договоры возникли в английском праве [1, с. 22]. Позднее получили распространение в правовых системах других стран, в том числе в Республике Беларусь. В соответствии со ст. 90-1 и ст. 111-1 Закона Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-XII «О хозяйственных обществах» (далее – Закон о хозяйственных обществах) участники и акционеры хозяйственных обществ получили право на заключение акционерных соглашений и договоров об осуществлении прав участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью (далее – корпоративные договоры).

Несмотря на предусмотренные Законом о хозяйственных обществах разные названия, указанные договоры имеют общую правовую природу, цель, предмет, решаемые задачи, а также существенные условия.

Согласно ст. 402 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) существенными условиями договора признаются предмет договора; условия, которые названы в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для

договоров данного вида; а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Для определения предмета корпоративного договора, необходимо обратиться к ст. 90-1 и ст. 111-1 Закона о хозяйственных обществах.

В соответствии с ч. 1 ст. 90-1 Закона о хозяйственных обществах акционерным соглашением признается договор об осуществлении прав, удостоверенных акциями, и (или) об особенностях осуществления прав на акции. Согласно ч. 2 ст. 90-1 Закона о хозяйственных обществах сторонами акционерного соглашения являются акционеры акционерного общества, которые обязуются осуществлять определенным образом права, удостоверенные акциями, и (или) права на акции и (или) воздерживаться от осуществления указанных прав. Аналогичный предмет предусмотрен ч. 1 ст. 111-1 Закона о хозяйственных обществах для договоров об осуществлении прав участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью.

Таким образом, предметом корпоративного договора являются взаимные обязанности сторон осуществлять определенным образом или воздерживаться от осуществления корпоративных прав, то есть прав участника (акционера). Из предмета корпоративного договора исключены обязательства голосовать согласно указаниям органов управления хозяйственного общества, на основании ч. 3 ст. 90-1 Закона о хозяйственных обществах. Законодательство не предусматривает иных обязательных условий корпоративного договора, кроме предмета.

Содержание предмета корпоративного договора, исходя из ч. 2 ст. 90-1 и ч. 1 ст. 111-1 Закона о хозяйственных обществах, составляют: обязанность его сторон голосовать определенным образом на общем собрании участников (акционеров) (1); согласовывать вариант голосования с другими участниками (акционерами) (2); порядок приобретения или отчуждения долей (акций) (3); согласованное осуществление иных действий, связанных с управлением хозяйственным обществом, его деятельностью, реорганизацией и ликвидацией (4).

Вместе с тем, в научной литературе нет однозначного подхода к вопросу о правовой природе корпоративных договоров, что влечет неопределенность понимания предмета корпоративного договора, можно выделить, как минимум три основных подхода к предмету корпоративного договора. Основной подход, предусмотренный в Законе о хозяйственных обществах, стоит в том, что корпоративный договор – это договор о порядке реализации корпоративных прав (прав участника или акционера). В рамках другого подхода – сторонами корпоративного договора могут быть третьи лица, не являющиеся участниками (акционерами) хозяйственного общества, соответственно, реализация корпоративных прав не является единственным возможным предметом корпоративного договора [2, с. 30]. В рамках третьего подхода корпоративный договор рассматривается в качестве договора о совместной деятельности или простого товарищества, соответственно, предметом договора является соединение вкладов сторон и совместная деятельность [3, с. 14].

Определенные особенности имеют корпоративные договоры, заключаемые резидентами Парка высоких технологий. В соответствии с п. 22 Положения о Парке высоких технологий, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 №8 «О развитии цифровой экономики» стороной корпоративного договора, помимо участников хозяйственного общества, может быть иной резидент Парка высоких технологий. Естественно, сторона корпоративного договора, не являющаяся участником (акционером) хозяйственного общества, не имеет корпоративных прав и не может их реализовывать.

В данном вопросе интересен российский подход, закрепленный в ст. 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации. С одной стороны, российский законодатель закрепляет подход, аналогичный белорусскому, что предметом корпоративного договора является осуществление корпоративных прав участниками (акционерами) хозяйственного общества. Вместе с тем, положения о корпоративном договоре распространены на договоры о порядке реализации корпоративных прав, заключаемые с кредиторами общества и иными третьими лицами в целях обеспечения охраняемого законом интереса таких лиц, а также на договоры соглашения о создании хозяйственного общества.

Фактически, ст. 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации выделяет собственно корпоративные договоры и квазикорпоративные договоры, заключаемые с третьими лицами или до создания самого хозяйственного общества.

На наш взгляд, предметом корпоративного договора в рамках действующего законодательства Республики Беларусь, является порядок реализации корпоративных прав, то есть прав участников (акционеров), в том числе в договорах, в которых одной из сторон является третье лицо, не являющееся участником или акционером. Участие третьего лица не влечет изменения предмета корпоративного договора, так как обеспечение охраняемого законом интереса обеспечивается через контроль за реализацией участниками (акционерами) своих корпоративных прав. Вместе с тем, отсутствует решение в отношении возможности рассматривать договор о создании хозяйственного общества в качестве корпоративного договора.

Другой вопрос, касающийся предмета корпоративного договора связан с определением самого понятия корпоративных прав. Права участника (акционера) определяются уставом хозяйственного общества, а также законодательством, в том числе ст. 13 Закона о хозяйственных обществах. Соответственно, корпоративный договор может заключаться только в отношении прав, предусмотренных законодательством или уставом, и не может предусматривать дополнительных обязательств, не связанных с корпоративными правами. Такой подход не соответствует современным потребностям коммерческих организаций, потому необходимо обеспечить гибкость в регулировании отношений участников (акционеров) между собой.

Полагаем, что предмет корпоративного договора должен указывать на конкретное корпоративное право, требуемый порядок его реализации и условие его реализации. Исходя из сложившейся практики, а также положений ч. 2 ст. 90-1 и ч. 1 ст. 111-1 Закона о хозяйственных обществах, можно выделить следующие виды корпоративных договоров, исходя из их предмета:

1. Корпоративный договор о голосовании определенным образом. Преимущественно носит разовый характер, то есть заключается для однократного голосования на одном заседании общего собрания участников (акционеров). Предназначен для обеспечения принятия определенного решения, на котором настаивает один или несколько участников (акционеров). Несколько участников объединяют свои голоса для принятия решения. В рассматриваемой ситуации предметом договора является порядок реализации права голосования одним или несколькими участниками (акционерами) на общем собрании участников (акционеров).

Полагаем, что составляющими элементами такого договора являются вопрос, по которому стороны должны проголосовать определенным образом (1); указание на заседание общего собрания участников (акционеров), в отношении которого заключен договор (2); указание на то, каким образом необходимо проголосовать (3).

2. Корпоративный договор о согласовании голосования. Преимущественно носит многоразовый характер. Предметом договора выступает согласование варианта голосования с другими участниками (акционерами). Предметом договора является порядок реализации права участника (акционера) на голосование.

Составляющими элементами такого договора являются объем вопросов, по которым необходимо согласовывать вариант голосования. Полагаем, что также договор должен предусматривать порядок согласования варианта голосования и обязанность стороны проголосовать определенным образом.

3. Корпоративный договор о порядке отчуждения доли (акций). Преимущественно носит многоразовый характер. Предметом договора является порядок реализации прав участников (акционеров) на приобретение и отчуждение долей (акций), а также для резидентов Парка высоких технологий – отказ от преимущественного права, права приобретения хозяйственным обществом долей (акций) об осуществлении указанных прав иным образом, чем определено законодательством.

В зависимости от договоренностей сторон предмет корпоративного договора может включать указания на обстоятельства, которые влекут возникновение обязанности по приобретению или отчуждению долей (акций), к примеру, условия drag-along или tag-along (1); фиксированную цену приобретения или отчуждения долей (акций) (2), воздерживаться от реализации права на отчуждение долей (акций), к примеру, мажоритарным участником, финансирующим деятельность хозяйственного общества (3).

4. Организационный корпоративный договор. На практике в дополнение к уставу участники (акционеры) могут заключать корпоративные договоры, регулирующие широкий перечень вопросов о порядке взаимодействия между собой. Такой договор может включать вышеуказанные виды корпоративных договоров. В отношении организационного корпоративного договора наибольшее внимание следует уделить условиям, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Участие одного из участников (акционеров) может быть обусловлено принятием остальными участниками (акционерами) определенных условий.

Как правило, организационный корпоративный договор содержит порядок осуществления участниками управления обществом, порядок голосования по отдельным вопросам; порядок перехода права собственности на доли в уставном фонде общества; перечень прав, от которых отказываются участники; премиальная и опционная программа для работников и руководства общества; порядок распределения прибыли и убытков; порядок инвестирования деятельности общества; установление механизмов выхода из тупиковых ситуаций (corporate deadlock); механизм обеспечения защиты прав миноритариев; соглашение о неконкуренции (NCA) и о непереманивании работников (NSA); кадровая политика.

В связи с особенностями организационного корпоративного договора следует обратить внимание на отсутствие единого теоретического подхода о том, может ли корпоративный договор выходить за пределы корпоративных прав, закрепленных в законодательстве и уставе [4, с. 132]. Фактически, стороны могут предусмотреть в корпоративном договоре условия, которые выходят за пределы корпоративных прав и, соответственно, за пределы предмета корпоративного договора.

Возникает, в таком случае, может ли такой договор рассматриваться в качестве корпоративного. Фактически, в настоящее время хозяйственные общества заключают корпоративные договоры в отношении корпорации в целом, а не в отношении реализации корпоративных прав. Следует отметить, что, на текущий момент, в Республике

Беларусь отсутствует судебная практика, которая бы свидетельствовала об узком толковании предмета договора, как исключительно связанного с корпоративными правами.

Также интересным с теоретической точки зрения является практика заключения соглашений несколькими лицами в отношении реализации корпоративных прав в нескольких хозяйственных обществах, в том числе иностранных организациях. В рассматриваемой ситуации мы полагаем, что такие соглашения допустимы, с учетом принципа свободы договора, предусмотренного ст. 391 ГК. Вместе с тем, ст. 90-1 и ст. 111-1 Закона о хозяйственных обществах применяются и определяют правовой статус одного конкретного хозяйственного общества. В связи с этим, полагаем, что такой договор должен рассматриваться отдельно, в отношении каждого хозяйственного общества, чтобы можно было определить соответствие предмета договора объему корпоративных прав стороны.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, формулировки ст. 90-1 и ст. 111-1 Закона о хозяйственных обществах о предмете корпоративного договора являются достаточно узкими, ограничивающими свободу договора участников (акционеров) хозяйственных обществ. Следует отметить необоснованное разделение корпоративного договора как единого явления на два отдельных договора.

В связи с этим, одним из возможных вариантов решения этого вопроса является введение корпоративного договора в законодательство Республики Беларусь в качестве общего правового института для всех договоров, которые связаны с созданием, деятельностью и ликвидацией хозяйственного общества. Соответственно, предметом корпоративного договора, на наш взгляд, является порядок реализации прав участников (акционеров), в связи с созданием, деятельностью и ликвидацией хозяйственного общества.

Библиографические ссылки

1. Дианова Я.А. Корпоративный договор ПЕРЕЗАГРУЗКА // Корпоративный юрист. 2015. № 1. С. 22–33.
2. Mock S., Csach K., Havel B. Shareholders' Agreements Between Corporate and Contract Law // International Handbook on Shareholders' Agreements: Regulation, Practice and Comparative Analysis / Ed. by S. Moc, K. Csach, B. Havel. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. P. 30.
3. Кононов В. Проблемы предмета и содержания соглашения участников хозяйственных обществ по российскому праву // Корпоративный юрист. 2010. № 10. С. 23–28; № 12. С. 12–18.
4. Чиркова Е. А Теория и практика корпоративных договоров: необходимость новой теории? // Вестник гражданского права. 2019. № 5 Том 19. С. 128–160

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Р. Р. Томкович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tomkovich.rr@gmail.com*

Исследованы проблемы комплексной правовой регламентации финансового рынка, в частности, вопросы взаимопроникновения норм частного и публичного права при регламентации функционирования финансово-кредитной системы. Выявлены достоинства и недостатки сепарации соответствующих норм на частные и публичные. Сделан вывод о целесообразности дальнейшей кодификации законодательства о финансовых рынках на базе банковского законодательства.

Ключевые слова: финансовый рынок; банковское право; публичное право; частное право; кодификация.

Глубокая взаимосвязь и взаимообусловленность частных и публичных финансов, и как следствие, публично-правовой регламентации частных финансов и частно-правовой регламентации финансов публичных обуславливает как методологические проблемы, так и сложности прикладного нормотворчества в сфере регламентации финансового рынка.

Для белорусского права традиционным является рассмотрение финансов в контексте публично-правовом, т. е. когда речь идет о финансах, имеются в виду прежде всего публичные финансы. Даже если речь идет о финансовых ресурсах организаций и частных лиц, они рассматриваются как элемент финансово-кредитной системы. Так, согласно ст. 132 Конституции Республики Беларусь финансово-кредитная система Республики Беларусь включает бюджетную систему, банковскую систему, а также финансовые средства внебюджетных фондов, предприятий, учреждений, организаций и граждан [1].

Все финансовые ресурсы, циркулирующие в государстве, вовлечены в финансово-кредитную систему, а коль так, правоотношения с их использованием регламентируются полностью или частично нормами публичного права. Такими нормами устанавливаются властные предписания для основных операторов данного рынка (банков и небанковских кредитно-финансовых организаций), а также для иных субъектов (например, в части допущения или запрета на использование наличных денег в расчетах, особенностей осуществления платежей в бюджет и иных публичных обязательств).

Вместе с тем трансферт как частных, так и публичных финансов (в строгом значении этого термина) невозможен без заключения определенных гражданско-правовых договоров.

В подобных случаях государство в лице уполномоченных государственных органов вступает в гражданско-правовые отношения с банками по поводу банковского счета, а также в иные сделки, например, купли-продажи государственных облигаций, размещение средств во вклады, осуществление платежей.

Несмотря на очевидность частно-правовой природы соответствующих сделок, столь же очевидна потребность в их специальном правовом регулировании. Такая регламентация также имеет место. Например, счета по учету бюджетных средств

согласно ст. 203 Банковского кодекса обслуживаются без взимания платы [2]. Тесное переплетение частно-правовых и публичных правоотношений наблюдается также при предоставлении банками финансирования под гарантии Правительства (местных исполнительных и распорядительных органов).

В этой связи возникает проблематика регламентации соответствующих групп общественных отношений общими и специальными нормами. Более того, порой может возникать потребность применять «дважды специальные нормы».

Например, Закон о хозяйственных обществах в ст. 3, определяющей сферу применения данного законодательного акта, указывает, что особенности правового положения, создания, реорганизации и ликвидации хозяйственных обществ в банковской, страховой, биржевой и иных сферах деятельности, а также акционерных инвестиционных фондов определяются иными законодательными актами [3].

Часть 3 ст. 1 БК указывает, что отношения, связанные с эмиссией (выдачей), обращением и погашением ценных бумаг, осуществлением профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам, использованием бюджетных и валютных средств, а также иные отношения, связанные с деятельностью банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, регулируются специальным законодательством.

В свою очередь ч. 2 ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг гласит, что эмиссия, обращение и погашение государственных ценных бумаг, ценных бумаг Национального банка Республики Беларусь, ценных бумаг местных исполнительных и распорядительных органов, ценных бумаг инвестиционных фондов осуществляются в соответствии с данным Законом с учетом особенностей, установленных иными актами законодательства Республики Беларусь [4].

Отдельные ученые предлагают выделять публичное банковское право и частное банковское право [5,6].

Отмечая, что «банковское право рассматривается преимущественно как часть предпринимательского права (несмотря на то, что многие авторы указывают на "комплексный характер" банковского права) [5], ученые также акцентируют внимание на том, что изучать частное банковское право следует после уяснения цели денежно-кредитной политики и методов ее реализации, а также политики в области банковского надзора, обеспечивающих устойчивость национальной валюты и стабильность банковской системы.

«Образно говоря, перед тем как изучать те или иные правовые аспекты деятельности кредитных институтов, необходимо знать цели и задачи, стоящие перед центральным банком как органом осуществления денежно-кредитной политики и органом банковского надзора, а также особенности его правового статуса. Без уяснения этих вопросов невозможно понять, почему в отношении кредитных организаций существует отдельное правовое регулирование и устанавливаются особые (по сравнению с другим субъектами предпринимательской деятельности) требования» [5].

Данный подход, с одной стороны, представляет несомненную методологическую ценность, поскольку позволяет более четко систематизировать соответствующие нормы, не допуская их смешения. Однако он не в должной мере учитывает тесную взаимосвязь публичного банковского права с частным банковским правом. Более того, ряд отношений в сфере финансов, не охватывается банковским правом в принципе. Это, например, деятельность микрофинансовых организаций, лизинговых организаций, форекс-компаний, криптобирж и др. Столь четкое отграничение публичного и частного является в определенной степени искусственным.

В данном контексте несомненной заслугой белорусского законодателя является кодификация норм банковского права в банковском кодексе.

В то же время, например, некоторые российские правоведы указывают, что проблема систематизации отечественного банковского законодательства неоднократно поднималась представителями финансово-правовой науки, ученый указывает: «на наш взгляд, идея о необходимости систематизации банковского законодательства позволит комплексно проанализировать все действующие нормативно-правовые акты в банковской сфере и переработать их» [7]. Вместе с тем данный автор приходит к выводу, что кодификация банковского законодательства представляется преждевременной.

На наш взгляд, на современном этапе даже та кодификация, которая осуществлена в Республике Беларусь является недостаточной, поскольку появление на финансовом рынке новых типов субъектов, новых операций, потребовало регламентации их правового статуса и особенностей осуществления деятельности. Такая регламентация осуществляется на уровне актов Президента Республики Беларусь и Национального банка и (или) Министерства финансов, а в отдельных случаях – документов Парка высоких технологий.

Финансовый рынок представляет собой единое целостное образование, базовым элементом которого является правовая регламентация оборота национальной валюты как законного платежного средства, иностранных валют, квазиденег, ценных бумаг, деривативов.

Общим для регламентации оборота всех этих финансовых инструментов является его влияние на финансово-кредитную систему государства, что обуславливает необходимость специальной правовой регламентации.

Причем особенности здесь присущи как правовому статусу субъектов финансового рынка, так и порядку его регулирования, необходимостью установления определенных экономических нормативов безопасного функционирования, специфических мер надзора (оверсайта), защиты интересов потребителей рынка финансовых услуг, обеспечения информационной безопасности.

Вышеизложенное свидетельствует о потребности в дальнейшей кодификации законодательства в данной сфере, причем кодификации не банковского законодательства, как это было ранее, а законодательства о рынке финансовых услуг. В качестве ориентира можно рассматривать Денежно-финансовый кодекс Франции [8], в котором консолидирован значительный массив правовых норм, регламентирующих как публичные правоотношения, так и сделки, совершаемые на финансовом рынке.

Вместе с тем, как отмечает М. А. Шаповалов, хотя французское банковское законодательство на современном этапе четко структурировано и обеспечивает эффективное регулирование банковской деятельности, тем не менее отдельные недостатки ему все же присущи, как, например, отсутствие четко выработанной системы принципов и общих положений законодательства [9].

То обстоятельство, что в отличие, например, от Российской Федерации и ряда иных стран [10–12] Национальный банк Республики Беларусь не является мегарегулятором финансового рынка, на наш взгляд, не является препятствием для дальнейшей консолидации нормативного массива, поскольку количество публичных субъектов в данной системе не оказывает существенного влияния на принципы правового регулирования финансово-кредитной системы.

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 и 17.10.2004) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
2. Банковский кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 25 октября 2000 г., № 441-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
3. О хозяйственных обществах: Закон Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 декабря 1992 г., № 42020-ХП // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
4. О рынке ценных бумаг: Закон Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 5 января 2015 г., № 231-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
5. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Публичное банковское право : учебник для магистров // Консультант Плюс: Комментарии законодательства. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2021.
6. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г., Ефимова Л. Г. Частное банковское право : учебник // Консультант Плюс: Комментарии законодательства. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2021.
7. Самигулина, А.В. Эволюция банковской системы: проблемы теории и практики // Право и экономика. 2016. № 11 // Консультант Плюс: Комментарии законодательства. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2021.
8. Code monétaire et financier [Электронный ресурс]: URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006072026/> (дата обращения: 10.10.2021 г.).
9. Шаповалов М. А. Законодательное регулирование банковской деятельности: опыт Франции // Финансовое право. 2009. № 5 // Консультант Плюс: Комментарии законодательства. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2021.
10. Мирошник С. В. Финансовая система России и мегарегулятор: осмысление новой финансово-правовой реальности // Банковское право. 2015. № 3 // Консультант Плюс: Комментарии законодательства. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2021.
11. Экмалян А. М. Банк России как мегарегулятор финансового рынка: цели деятельности, функции и полномочия // Юрист. 2015. № 7 // Консультант Плюс: Комментарии законодательства. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2021.
12. Бацура М. С. Зарубежный опыт создания и функционирования института мегарегулятора на примере Великобритании и ФРГ // Финансовое право. 2015. № 5 // Консультант Плюс: Комментарии законодательства. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2021.

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Е. С. Ульянова¹⁾, Д. С. Смыр²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kate.ulianova@gmail.com*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dasha.smyr@gmail.com*

В статье рассматриваются новеллы законодательства Республики Беларусь о защите персональных данных пациентов в организациях здравоохранения, проводится сравнительный анализ требований обработки и хранения указанных данных в соответствии с положениями Общего регламента по защите персональных данных (GDPR) и законодательством Российской Федерации. Авторами делается вывод о необходимости дальнейшей проработки вопросов и издания инструкций, посвященных вопросам защиты и передачи персональных данных в медицинских информационных системах, по выстраиванию систем приватности и обучению персонала в организациях здравоохранения.

Ключевые слова: высокие технологии; защита персональных данных; здравоохранение; медицинская информация; приватность.

Развитие высоких технологий предложило организациям здравоохранения множество возможностей для более эффективного сбора, использования и обмена данными о здоровье людей, возможности проведения различных исследований, клинических испытаний, сбора статистики, выявления закономерностей, разработки новых методов лечения, что позволяет улучшить качество, безопасность и эффективность систем здравоохранения и укрепить здоровье населения в целом. Но в то же время все чаще требует от организаций здравоохранения соблюдения баланса между основными правами человека, невмешательством в его личную жизнь и принципами защиты персональных данных, ведь медицинскую информацию невозможно полностью анонимизировать ввиду особенностей собираемых генетических данных человека: их уникальность позволяет современным технологиям сбора медицинской информации (например, по части донорства) с помощью обратной идентификации раскрыть личность даже анонимного донора. Государствами по всему миру принимаются строгие законодательные меры по регулированию защиты чувствительных персональных данных ввиду нарастающего использования технологических достижений, телемедицины, облачных технологий, Big Data и минимизации рисков утечки данных, что, как показывает пандемия COVID-19, является одним самых популярных видов кибернарушений: попытки похитить данные о разработке вакцины от COVID-19, продажа данных больных коронавирусом, кибератаки на медицинские учреждения с целью хищения персональных данных пациентов.

Защита персональных данных, которые касаются здоровья человека, требует строгих мер регулирования по ряду очевидных причин: медицинская информация связана с внутренним функционированием тела/разума, а предоставление неограниченного доступа нарушит самоидентификацию (автономность) человека; доверие пациентов к системам безопасности организаций здравоохранения, дискриминация в повседневной жизни со стороны работодателей на основе медицинской информации.

С введением в силу в 2018 г. Общего регламента по защите персональных данных (далее – GDPR), законодательство ЕС положило основу для общеевропейского регулирования и защиты любой информации, способной прямо или косвенно идентифицировать личность человека, что, в свою очередь, трансформировало подходы к защите персональных данных по всему миру [1]. Медицинские данные непосредственно входят в категорию такой информации, поэтому в содержании GDPR указаны специальные требования для медицинских организаций и учреждений по соблюдению: принципа надлежащего использования медицинских данных в соответствии с целями обработки (ст. 5 GDPR) и “ограничения хранения” (ст. 5e GDPR) – данные о состоянии здоровья (например, медицинские справки и другие медицинские данные) должны обрабатываться только уполномоченными сотрудниками медицинской организации “не дольше, чем это необходимо для целей, для которых эти данные обрабатываются”; права пациента на информацию (ст. 3 GDPR) и на доступ к данным (ст. 15 GDPR) – таким образом, пациент должен быть проинформирован о своих правах, в каких целях обрабатывается информация, касающаяся его/ее здоровья; по собственному требованию получать копию о всех обрабатываемых данных.

В соответствии со ст. 4(15) GDPR, данные, касающиеся здоровья, определяются как «персональные данные о физическом или психическом здоровье физического лица – в том числе о пользовании медицинскими услугами, – раскрывающие информацию о состоянии его здоровья» [1]. В комментарии Европейского Надзорного Органа по защите данных (далее – EDPS) данное понятие раскрывают как медицинские данные (справки и предписания врача, отчеты о медицинском обследовании, лабораторные анализы, рентгенография и т.д.), а также административная и финансовая информация о здоровье пациента (расписание медицинских назначений, счета за медицинское обслуживание и медицинские справки об отпуске по болезни и т.д.) [2].

Также к информации о здоровье относятся генетические (ст. 4 (13) GDPR) и биометрические данные (ст. 4 (14) GDPR) человека.

Защита данных, касающихся здоровья пациентов, в Российской Федерации устанавливается в Федеральных законах от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон № 152-ФЗ), от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (далее – Закон № 323-ФЗ) и др. Стоит отметить, что информация о состоянии здоровья пациента относится к специальным категориям персональных данных согласно ст. 10 Закона № 152-ФЗ. Обработка таких данных не допускается без установленных законодательством оснований (согласие, общедоступность информации, “жизненная необходимость” и т.д. Помимо этого, информация о здоровье (сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья, диагнозе и иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении) входит в категорию врачебной тайны согласно п. 1 ст. 13 Закона № 323-ФЗ.

До недавнего времени в Республике Беларусь защита личных данных о здоровье пациентов осуществлялась в основном на основании Закона Республики Беларусь от 18.06.1993г. № 2435 – XII «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении), устанавливающего режим врачебной тайны, перечень входящей в данную категорию информации, а также порядок и основания для предоставления информации, составляющую врачебную тайну, лечащему врачу (ст. 46); а также Закона от 10.11.2008 № 455-З (ред. от 11.05.2016) «Об информации, информатизации и защите информации».

В 2021 г. Республика Беларусь последовала мировому тренду о комплексном и строгом подходе к защите персональных данных и после длительных дискуссий на всех уровнях был принят и вступит в силу в ноябре Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон о защите персональных данных), положения которого устанавливают особенности обработки персональных данных, входящих в состав охраняемой законом тайны (ст. 3.3). Медицинские данные согласно ст. 1 данного Закона относятся к специальным персональным данным – особой категории информации, куда входят персональные данные, касающиеся здоровья субъекта персональных данных, биометрические и генетические персональные данные. Помимо этого, статья 46 Закона о здравоохранении определяет данные о здоровье пациента: результатах исследований, рисках заболеваний, диагнозах и иных связанных данных – в качестве информации, составляющей врачебную тайну.

Кроме того, в развитие регулирования защиты персональных данных пациентов утверждена Инструкция о порядке обезличивания персональных данных лиц, которым оказывается медицинская помощь в соответствующем постановлении Министерства здравоохранения №64 от 28 мая 2021 г. Как указано в п. 2 документа, данная инструкция разработана в целях «соблюдения врачебной тайны и обеспечения защиты информации о пациенте в рамках эксплуатации централизованной информационной системы здравоохранения». Правоотношения, связанные с обработкой персональных данных пациента и информацией, составляющей врачебную тайну, которая осуществляется организациями здравоохранения с использованием средств автоматизации (в том числе информационно-телекоммуникационных технологий), урегулированы в постановлении Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 7 июня 2021 г. № 74 «О формах и порядке дачи и отзыва согласия на внесение и обработку персональных данных пациента». В части регулирования персональных данных участников дистанционного взаимодействия при оказании медицинской помощи, 28 мая 2021 г. вступило в силу Положение об особенностях оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: п. 6.4 указанного положения устанавливает требование для медицинских организаций предоставлять пациентам в доступной форме информацию о порядке предоставления согласия на обработку данных. Таким образом, медицинские организации свободны в выборе способа получения согласия от пациента, единственное требование – запрос должен быть доступным и понятным пациенту.

При анализе специфики обработки персональных данных, касающихся состояния здоровья необходимо подчеркнуть единство подходов в разных странах: информация о здоровье наряду с биометрическими и генетическими данными входит в категорию «чувствительных» данных, на них распространяются специальные требования: обработка такие данные возможно только медицинскими специалистами, которые обязаны хранить медицинскую тайну. Кроме того, на организациях здравоохранения лежат обязанности по принятию необходимых мер безопасности для обеспечения защиты медицинских данных и недопущения их несанкционированного разглашения. Например, в Европейском Союзе согласно ст. 6, 35, 18 GDPR административные меры включают в себя: демонстрацию ярко выраженной формы согласия пациента на обработку данных со строгой целью, при передаче третьим лицам; осуществление Data Privacy Impact Assessment (далее – DPIA); ограничение лиц, которым обеспечен доступ к данным пациента [1]. С технической точки зрения, при использовании новых технологий организации здравоохранения обязаны осуществлять процедуры

аутентификации и контроля доступа, шифрования данных, псевдонимизации или анонимизации, для уменьшения рисков при обработке данных, установление системы послеаварийного восстановления данных и системы предоставления пользователям доступа к их данным, а также прав на их удаление.

Российское законодательство устанавливает такие требования в отношении обработки персональных медицинских данных, как: сбор согласия на обработку персональных данных перед получением от пациента информации (ст. 6, ст. 10 Закона № 152-ФЗ); право пациента полностью или частично отказаться от предоставления согласия на обработку персональных данных. Таким образом, медицинской организации при обработке нужно запрашивать только те сведения, которые отвечают ее целям. Сведения не должны быть избыточными (ст. 5 Закона № 152-ФЗ). Установлена обязанность медицинской организации сообщить пациенту или его законному представителю информацию о наличии персональных данных и предоставить возможность для ознакомления с ними в течение 30 дней с даты получения соответствующего запроса от пациента или его представителя (ст. 14, ст. 20 Закона № 152-ФЗ). Пациент или его законный представитель имеют право на основании письменного заявления получать отражающие состояние здоровья медицинские документы, их копии и выписки из медицинских документов (п. 5 ст. 22 Закона № 323-ФЗ).

Белорусский законодатель пошел по аналогичному пути, установив в ст. 8 Закона о персональных данных запрет на обработку персональных данных без согласия субъекта персональных данных (пациента) при соблюдении определенных исключений, установленных ст. 6, 8 Закона о персональных данных и ст. 46 Закона о здравоохранении, в том числе для защиты жизни, здоровья или иных жизненно важных интересов субъекта персональных данных или иных лиц, если получение согласия субъекта персональных данных невозможно.

Согласно нормам Постановления №74 в отношении обработки медицинских данных устанавливается кратность дачи согласия пациента или законных представителей, на внесение и на обработку персональных данных пациента. Такое разрешение будет распространяться на все случаи при формировании электронной медицинской карты пациента, информационных систем, информационных ресурсов, баз (банков) данных, реестров (регистров) в здравоохранении и действовать до его отзыва. Таким образом сохраняется базовое условие совершения каких-либо действий с персональными данными, информацией, составляющей врачебную тайну.

Также закреплено право пациента отозвать ранее данное согласие при обращении в государственную организацию здравоохранения по месту закрепления. Таким образом, Постановление № 74 позволит обеспечить соблюдение законных прав и интересов пациентов при формировании электронной медицинской карты пациента, информационных систем, информационных ресурсов, баз (банков) данных, реестров (регистров), а также при информировании пациентов об их праве на отказ от внесения информации, составляющей врачебную тайну, в централизованную информационную систему здравоохранения.

Инструкция из Постановления № 64 устанавливает требования по обезличиванию следующих персональных данных лиц, которым оказывается медицинская помощь: фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется); данные о серии и номере документов, подтверждающих основные и дополнительные персональные данные; идентификационный номер (при наличии); номера дома, корпуса и квартиры места жительства (места пребывания); фотоизображение (цифровой фотопортрет)

(при наличии); данные о роде деятельности; информация о результатах патологоанатомического вскрытия для установления причины смерти.

В настоящий момент Министерством здравоохранения Республики Беларусь ведется работа по созданию централизованной информационной системы здравоохранения, которая позволит как врачу, так и пациенту (через личный кабинет) использовать медицинские данные [3].

При анализе вопросов ответственности при нарушении законодательства о защите персональных данных, необходимо констатировать, что самые высокие размеры штрафов предусмотрены законодательством Европейского Союза и могут достигать 20 миллионов евро или 4 % годового оборота организации. В Российской Федерации за нарушения в области защиты персональных данных пациентов установлена административная ответственность согласно ст. 13.11 КоАП РФ, уголовная ответственность согласно ст. 137, 140 УК РФ, а также гражданско-правовая ответственность за причинение пациенту морального вреда (нравственных страданий) вследствие нарушения правил обработки персональных данных, как указано в ст. 24 Закона № 152-ФЗ и ст. 151 ГК РФ. В белорусском законодательстве за нарушение требований по защите персональных данных предусмотрена административная ответственность в виде штрафа до 200 БВ, а также уголовная ответственность в соответствии со ст. 203-1 «Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных» и ст. 203-2 «Несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных». Разглашение врачебной тайны влечет уголовную ответственность согласно ст. 178 УК РБ.

Таким образом, белорусским законодателем сформирован комплексный подход по регулированию защиты персональных данных, касающихся здоровья пациентов, в организациях здравоохранения. Однако внедрение единой медицинской базы пациентов и расширение видов применяемых технологий требуют дальнейшей проработки вопросов и издания инструкций, по примеру рекомендаций Европейского Супервайзера по защите персональных данных (European Data Protection Supervisor) посвященных вопросам защиты персональных данных в медицинских информационных системах при их интеграции в единое информационное медицинское пространство, классификации информационных медицинских систем, применению необходимых мер защиты, передачи медицинской информации (исследований) от одного оператора медицинской системы к другому (например, от частного медицинского центра к оператору медицинского сервиса, использующего компьютерные программы по выявлению патологий на основе различных снимков и т.п.), возможностей обезличивания и обработки таких данных для повышения эффективности работы системы здравоохранения, по выстраиванию систем приватности и обучению персонала в организациях здравоохранения.

Библиографические ссылки

1. Общий регламент по защите данных [Электронный ресурс]: Общий регламент защиты персональных данных (GDPR) Европейского союза // GDPR Text. URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 15.10.2021).
2. Health data in the workplace [Electronic source]: An official website of the European Union. URL: <https://ico.org.uk/for-organisations/age-appropriate-design/additional-resources/introduction-to-the-childrens-code/> (дата обращения: 15.10.2021).
3. Министерство здравоохранения определило порядок обезличивания персональных данных при оказании медпомощи [Электронный ресурс] // ПраймПресс. URL: <https://primepress.by/news/ekonomika/minzdrav> (дата обращения: 15.10.2021).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

К. К. Уржинский

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, dekan1966@mail.ru*

В настоящей статье рассмотрены некоторые аспекты правового статуса корпоративных организаций и иных субъектов корпоративных отношений в современных хозяйственных отношениях. Целью является исследование ряда вопросов, связанных с корпоративными организациями, выявление возможных пробелов и иных проблем законодательства Республики Беларусь в области их правового статуса и правового статуса иных участников корпоративных отношений, выработка возможных путей устранения указанных проблем. Анализируются основные научные подходы относительно признаков корпорации, проводится сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации, рассматриваются вопросы становления и развития корпоративного законодательства Республики Беларусь, формулируется авторская позиция в исследуемом направлении. По итогам сделаны некоторые предложения по оптимизации национальной правовой базы.

Ключевые слова: субъекты корпоративных отношений; акционерное соглашение; хозяйственное общество; общество с ограниченной ответственностью; закрытое акционерное общество; корпоративное законодательство Республики Беларусь.

Актуальность рассматриваемых нами вопросов обусловлена целым рядом факторов. Как известно, доктрина в лице специалистов в области римского права связывает происхождение термина «корпорация» с латинским словосочетанием «*corpus habere*», обозначающего права юридической личности. Однако, несмотря на столь глубокие исторические корни, организации, которые современная наука и законодательство ряда стран относят к корпоративным (в том числе в Республике Беларусь, Российской Федерации и др.), представляют собой одну из наиболее распространенных организационно-правовых форм ведения бизнеса (например, хозяйственные общества).

Кроме того, существование такого неотъемлемого атрибута цивилизованной экономики, как рынок ценных бумаг неразрывно связано с наличием корпоративных субъектов (например, акционерных обществ). Помимо сказанного отметим, что правовые модели корпорации позволяют гармонично сочетать публично-правовые и частно-правовые аспекты, совмещая общественно-социальную ориентированность отечественной экономики с интересами отдельных лиц (инвесторов, акционеров и т.п.) или их групп, что весьма важно для рыночных условий хозяйствования. Также подчеркнем, что законодательство Республики Беларусь в данном направлении не стоит на месте и весьма активно идет «в ногу» со временем, учитывая мировую практику, опыт зарубежного правового регулирования, о чем, в частности, свидетельствуют изменения, внесенные законодателем в Закон Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-XII «О хозяйственных обществах» (мы имеем ввиду Закон Республики Беларусь от 05.01.2021 № 95-З «Об изменении законов по вопросам хозяйственных обществ»).

Уделим далее некоторое внимание историко-правовой ретроспективе рассматриваемого вопроса. Как мы уже упоминали ранее, исторические корни корпоративных отношений и их участников достаточно глубоки. Здесь весьма важно определиться, что мы будем понимать под терминами «корпорация», а также «субъекты корпоративных отношений».

Не вдаваясь в проблемы классификации корпоративных отношений, представляется возможным выделить следующих их субъектов: организации корпоративного типа (корпорации); учредители (участники) корпоративной организации; иные субъекты корпоративных отношений, например, лица, осуществляющие корпоративное управление и контроль.

Что касается термина «корпорация» и, соответственно, ее организационно-правовых форм, то здесь, существуют различные точки зрения. Так, по мнению Д.В. Ломакина, наличие корпоративного статуса необходимо обуславливать не особенностями структуры органов управления, которая существенным образом может различаться даже в рамках юридического лица одного вида, не значением личности участника организации, а критериями, носящими постоянный характер. Таким универсальным критерием может служить наличие в организации, признанной юридическим лицом, отношений участия (членства) [1, с. 51].

С. Д. Могилевский и И. А. Самойлов предлагали выделять корпорации в широком смысле, к которым, по их мнению, следует относить все юридические лица, основанные на началах участия (членства), и корпорации в «буквальном, настоящем смысле этого слова», которыми являются хозяйственные общества [2, с. 28–31]. В юридической литературе также высказывались предложения о выделении корпораций лишь в узком (собственном) смысле этого слова, к которым следует относить акционерное общество и его модификации [3, с. 5].

Предлагались и гораздо более широкие походы к определению правовой сущности корпоративной организации, например, в издании под редакцией И. С. Шиткиной [4, с. 11–12]. Не имея возможности детально вдаваться в рамках настоящей статьи в теоретическую дискуссию, обозначим, тем не менее, некоторым образом нашу авторскую позицию. Наиболее приемлемым из выше изложенных представляется мнение относительно широкого толкования организационно-правовых форм корпоративных организаций.

Главным критерием «корпоративности», по нашему мнению, является наличие в организации, признанной юридическим лицом, отношений участия (членства). Это позволяет отнести к корпоративным субъектам коммерческие организации за исключением унитарных предприятий, а также ряд некоммерческих организаций, например, потребительские кооперативы, общественные организации. Такой подход нашел свое закрепление в законодательстве ряда стран, например, Российской Федерации. Так, в ст. 65.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) корпоративными юридическими лицами признаются организации, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган согласно пункта 1 ст. 65.3 ГК РФ. К ним в соответствии с ГК РФ относятся хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), нотариальные палаты, товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации.

В законодательстве Республики Беларусь нет легально закрепленного понятия корпоративной организации, встречаются лишь отдельные фрагменты, связанные с данным термином, например в банковском законодательстве в контексте корпоративного управления. Так, корпоративное управление банка определяется как система взаимодействий акционеров, органов управления, контрольных органов, должностных лиц банка и иных заинтересованных лиц, направленная на общее руководство деятельностью банка (ст. 109-1 Банковского кодекса Республики Беларусь).

Тем не менее есть основания утверждать, что корпоративное законодательство в Республике Беларусь все-таки имеется и одним из первых его «зародышей» стал упомянутый нами выше Закон Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-XII «О хозяйственных обществах», а последующие изменения и дополнения, которые вносились в данный нормативный правовой акт, позволяют вести речь о некоторых положительных тенденциях в развитии отечественного корпоративного законодательства.

В качестве таковых тенденций следует отметить демократизацию законодательства и расширение диспозитивных, договорных начал в отношении субъектов корпоративных отношений. В подтверждение приведем некоторые примеры, связанные с динамикой данного нормативного правового акта. Так, Законом Республики Беларусь от 15.07.2010 № 168-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» были упрощены требования к учредительным документам некоторых хозяйственных обществ. В результате, например, вместо двух учредительных документов, которые до принятия данного Закона были необходимы для создания общества с ограниченной ответственностью (учредительный договор и устав), редакцией от 15.07.2010 учредительный договор был упразднен, а был оставлен лишь устав, что, безусловно, упростило процедуру государственной регистрации.

Говоря о развитии договорно-диспозитивных начал в корпоративном законодательстве Республики Беларусь, предоставляющих максимальную степень свободы участникам экономической деятельности, нельзя не отметить новеллы 2021 года и более ранние изменения.

Одним из важнейших шагов в данном направлении было принятие Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 308-З, который легально закрепил возможность заключения корпоративных соглашений: договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью (ст. 111-1) и акционерное соглашение (ст. 90-1 Закона Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-XII). Это было существенным позитивным шагом в динамике корпоративного законодательства. Прежде всего, данные соглашения позволяют легально уточнять положения учредительных документов, в данном случае, устава хозяйственного общества в отношении того или иного конкретного круга субъектов (акционеров, участников общества). Так, являясь основным документом, регулирующим вопросы деятельности хозяйственного общества, устав утверждается при его учреждении и подлежит государственной регистрации, как и все последующие изменения в него. Корпоративные же договоры в этом плане более мобильны и конфиденциальны, ввиду того, что не подлежат государственной регистрации и не представляет собой документ публичного характера.

Помимо сказанного указанные договоры выполняют определенную обеспечительно-гарантийную функцию, позволяя контролировать субъектам корпоративных отношений свои инвестиции и получать компенсацию в случае, если один из партнеров нарушит достигнутые договоренности. Они предоставляют дополнительную возможность гармонизировать интересы акционеров, участников хозяйственного

общества, предупреждать или максимально минимизировать возможные конфликты этих интересов.

Однако до принятия Закона Республики Беларусь от 05.01.2021 № 95-З «Об изменении законов по вопросам хозяйственных обществ», действовало правило, согласно которому сторонами корпоративного соглашения (договора) могли быть только участники хозяйственного общества, при этом сторонами не могли быть все участники общества одновременно, что, в частности, исключало возможность заключения соглашений в хозяйственном обществе с двумя участниками, вынуждая на практике искать альтернативные, обходные решения.

Существовала также и другая проблема. Так, законодатель не устанавливал, сколько подобных соглашений могло быть заключено в рамках одного общества одновременно. Например, в обществе с тремя участниками (А, Б, и В) заключено два договора: участниками одного являются А и В, а участниками другого А и Б. В результате все участники становились сторонами договора об осуществлении корпоративных прав, что с точки зрения количественного ограничения субъектного состава, действовавшего до принятия последних изменений, не давало однозначного ответа в правоприменении. Указанным Законом Республики Беларусь от 05.01.2021 № 95-З данное ограничение было упразднено.

Вместе с тем, некоторые императивные предписания, ограничивающие свободу участников корпоративных отношений, все-таки остались. Так, например, ст. 90-1 Закона Республики Беларусь от 09.12.1992 № 2020-XII «О хозяйственных обществах» по-прежнему жестко ограничивает субъектный состав акционерного соглашения действующими акционерами, что по нашему мнению, не в полной мере отвечает современным реалиям рыночной свободы экономических отношений, потребностям предпринимательской деятельности, в частности, когда возникает необходимость в заключении соглашений еще на этапе намерений об инвестировании или же заключение соглашения мотивировано желанием кредитора осуществлять контроль за отдельными участниками или хозяйственным обществом в целом.

Кроме того, осталось неизменным еще одно императивное правило, закрепленное в ст. 90-1 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах», согласно которому акционерное соглашение должно быть заключено в отношении всех акций, принадлежащих стороне акционерного соглашения. Таким образом, альтернативных вариантов закон в данном случае сторонам договора не предоставляет, предписывая корпоративному субъекту распоряжаться лишь всем количеством принадлежащих ему акций, а не какой либо их частью.

Кроме того, развивая тему акционерного соглашения, договора об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, хотелось бы видеть в юридическом обиходе более емкий термин – «корпоративный договор» или «корпоративное соглашение», поскольку закрепленные в отечественном законодательстве виды корпоративных договоров далеко не исчерпывают их фактическое содержательное разнообразие.

Так, помимо указанных к корпоративным соглашениям (договорам) как минимум можно, по нашему мнению, отнести договор о создании юридического лица корпоративного типа, договор о создании холдинга, учредительный договор, договор о передаче функций исполнительного органа.

В завершение нашей статьи отметим еще один позитивный момент, связанный с развитием отечественного корпоративного законодательства. Так, в течение

достаточно длительного времени существовало ограничение в отношении количественного состава участников закрытого акционерного общества.

Согласно ст. 66 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» число участников закрытого акционерного общества не должно было превышать пятидесяти. В противном случае оно подлежало реорганизации в течение одного года, а по истечении этого срока – ликвидации в судебном порядке, если число участников не уменьшится до предела, установленного указанной выше нормой. Такое правило подвергалось обоснованной критике. Последние изменения, внесенные законодателем, упразднили его. Ныне действующая редакция ст. 66 содержит гораздо более демократичное и соответствующее реалиям рыночной экономики предписание: ограничения предельной численности участников закрытого акционерного общества регламентируются внутренним учредительным документом самого общества, его уставом, т. е. самостоятельно определяются субъектами (участниками, учредителями и т.д.) корпоративной организации.

Резюмируя сказанное, хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на отсутствие легально закреплённого определения корпорации, тем не менее, имеются основания утверждать, что в целом корпоративное законодательство Республики Беларусь существует и достаточно активно развивается, учитывая экономические реалии, сочетая публичные и частные интересы.

Проявляется это, в частности, в адаптации и позитивном развитии института корпоративных договоров (соглашений) в национальном законодательстве, демократизации правовых требований, предъявляемых к процедуре создания (учреждения) корпоративных организаций, их субъектному составу и т.д.

Однако также следует отметить и то, что пределы оптимизации отечественной правовой базы в рассматриваемом нами сегменте еще не исчерпаны, например, все в той же вышеупомянутой области корпоративных договоров, их субъектного состава и содержания, определения самого понятия юридического лица корпоративного типа, а также соответствующих организационно-правовых форм корпорации.

Библиографические ссылки

1. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008.
2. Могилевский С. Д., Самойлов И. А. Корпорации в России: Правовой статус и основы деятельности : учеб. пособие. М.: Дело, 2007.
3. Макарова, О.А. Корпоративное право: учебник. М. : Волтерс Клувер, 2005.
4. Корпоративное право : учебный курс : учебник / И. С. Шиткина [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. М. : КНОРУС, 2011.

ПОЛИСИСТЕМНЫЙ РЕЖИМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОРМ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ, ИМЕЮЩИХ ТЕСНУЮ СВЯЗЬ С ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЕМ

В. А. Федотов

*Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
ул. Советская, 104, 246028, г. Гомель, Беларусь, resident@inbox.ru*

На основе комплексного и системного анализа правового регулирования внешнеэкономических (внешнеторговых) отношений в статье сделан ряд выводов и предложений для создания оптимального правового режима внешней торговли, основанного на взаимодействии правовых систем.

Ключевые слова: правовой режим; взаимодействие правовых систем; внешнеэкономическое отношение; внешнеэкономическая деятельность; внешняя торговля; принцип тесной связи; резидент; нерезидент.

На современном этапе социально-экономических преобразований в Республике Беларусь внешнеэкономическая деятельность приобретает приоритетное значение и во многом определяет общий характер развития экономики государства. Экономический рост Беларуси основан на экспорте и импорте товаров и услуг, поэтому вопросы укрепления внешнеэкономического потенциала являются исключительно важными и актуальными.

В целях увеличения объема и повышения экспорта товаров (работ, услуг), создания условий для расширения и упрочения позиций Республики Беларусь на мировом рынке органами государственной власти и управления, при участии научных организаций, разработан комплекс государственных программ, реализация которых предусматривает совершенствование действующих и принятие новых нормативных правовых актов Беларуси, ориентированных на сближение национального законодательства с международными нормами и стандартами права.

Вместе с тем создание эффективного механизма правовой регламентации внешнеэкономических сделок невозможно без нормативного обеспечения полисистемного взаимодействия правовых систем, имеющих тесную связь с отношением. К сожалению, необходимо признать, что в Республике Беларусь данному вопросу должного внимания не уделено ни законодателем, ни наукой. В отечественной науке нет ни одной комплексной и системной научной работы о правовом режиме взаимодействия правовых систем во внешней экономике. Поэтому предпринятое исследование представляет не только научный интерес, но и имеет важное прикладное значение.

Традиционно основной формой осуществления внешнеэкономической деятельности является сделка, осложненная иностранным элементом.

Внешеэкономические сделки совершаются в различных сферах международного экономического сотрудничества. Однако, несмотря на все разнообразие таких сделок, каждая внешнеэкономическая сделка осложнена иностранным элементом, обеспечивающим взаимодействие правовых систем, имеющих тесную связь с отношением. В этом состоит основное отличие внешнеэкономических сделок от внутренних, которые регламентируются исключительно национальным законодательством.

Центральной проблемой в создании оптимального правового режима внешнеэкономической деятельности является вопрос о правовом обеспечении

взаимодействия норм правовых систем, имеющих тесную связь с отношением. По своей юридической природе каждое внешнеэкономическое отношение основано как минимум на правовых нормах двух правопорядков, связанных с возникновением, изменением, прекращением правоотношения [1, с. 72]. Договорной статут внешнеэкономического соглашения формируется на основе императивных норм правопорядков, к которым принадлежат участники совершаемого договора.

Как известно, любой гражданско-правовой договор основан на законе, однако внешнеэкономическое соглашение должно быть свершено в соответствии с требованиями правовых норм как минимум двух правопорядков, имеющих тесную связь с отношением.

Резидент и нерезидент Республики Беларусь обязаны исполнять императивные нормы правовых систем, к которым они принадлежат. Например, это нормы о содержании и форме соглашения. По белорусскому законодательству отсутствие существенного условия гражданско-правового договора влечет признание договора незаключенным, несоблюдение письменной формы внешнеэкономической сделки – недействительность (суды признают такие сделки ничтожными). Право страны нерезидента также предусматривает нормы о международных коммерческих контрактах. Следовательно, уже на стадии заключения внешнеэкономического договора каждая из сторон обязана обеспечить соответствие соглашения требованиям правопорядков, с которым отношение тесно связано. Наконец, право третьего государства, с которым отношение тесно связано, также предусматривает требования, предъявляемые к исполнению обязательств по соглашению (нормы о выполнении таможенных формальностей, санитарного контроля и др.).

Таким образом, договорной статут внешнеэкономического договора определяется императивными нормами права стран, имеющих тесную связь с отношением. При этом нормы данных правопорядков образуют единую правовую модель поведения участников внешнеэкономического соглашения. В случае расхождения императивных норм права стран, имеющих тесную связь с внешнеэкономическим отношением, такой договор должен быть признан недействительным.

К сожалению, необходимо признать, что формирование законодательства Республики Беларусь (как и других государств, в т.ч. постсоветского пространства) пошло по пути доминирующего обеспечения национальных интересов в международной торговле над интересами зарубежных партнеров. В частности, это получило выражение в применении национальных императивных норм, ограничивающих действие иностранного права к внешнеэкономическому отношению (ст. 9 Регламента № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам 2008 г., ст. 9 Межамериканской конвенции о праве, применимом к международным контрактам 1994 г., ст. Гражданского кодекса Российской Федерации (часть третья) 2001 г. (далее – ГК РФ), ст. 1091 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Особенная часть) 1999 г. и др.).

По общему правилу, применение норм иностранного правопорядка на территории государства возможно на основе: 1) международного договора (конвенции, соглашения и др.), нормативного правового акта и международного обычая; 2) принципа взаимности. При этом, в каждом случае немало изъятий из общего подхода: соответствующих запретов и ограничений, продиктованных необходимостью охраны государственного суверенитета, национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья населения, прав и свобод других лиц и т.д. (ст. 4 Закона Республики

Беларусь от 25 ноября 2004 г. «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности»).

В известной мере указанные основания являются выражением оговорки о публичном порядке – общепризнанным правовым институтом, ограничивающим применение иностранного права (ст. 1099 ГК). Нормы-принципы публичного порядка всегда императивны или сверхимперативны, однако установить являются те или иные правила нормами института в каждом конкретном случае возможно лишь из материалов суда (арбитража), разрешающего спор. При этом, основания для применения норм оговорки не всегда являются исключительно правовыми, т.к. институт охватывает разносторонние сферы общественной жизни, включая вопросы экономики, религии, морали, нравственности и т.д.

Независимо от коллизионных и материально-правовых норм, определяющих применимое право к внешнеэкономическим отношениям, императивные нормы законодательства Беларуси должны быть исполнены (п. 1 ст. 1100 Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г.; далее – ГК). В то же время, императивные нормы права иностранного государства, имеющие тесную связь с рассматриваемым отношением, могут быть применимы судом, если, согласно праву этой страны, такие нормы должны регулировать соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права. При этом суд должен принимать во внимание назначение и характер таких норм, а также последствия их применения (п. 2 ст. 1100 ГК).

Следует признать, что законодательство иностранного государства – право иностранного контрагента по внешнеэкономическому соглашению и (или) право третьего государства, с которым отношение тесным образом связано, могут содержать аналогичные ограничения о выборе применимого правопорядка. Например, тождественная по своему содержанию норма предусмотрена п. 1 ст. 1192 ГК РФ: «Правила настоящего раздела не затрагивают действие тех императивных норм законодательства Российской Федерации, которые ... регулируют соответствующие отношения независимо от подлежащего применению права (нормы непосредственного применения)».

Таким образом, императивные нормы вышеуказанных правовых систем провозглашают примат действия национального законодательства над императивными нормами иностранного права, имеющими тесную связь с отношением.

Но применение императивных норм носит обязательный характер лишь для национальных субъектов права. Иностранные государственные органы не связаны такими требованиями. Белорусский суд может применить иностранные императивные нормы лишь по собственному усмотрению, если, согласно праву этой страны, такие нормы должны регулировать соответствующие отношения (п. 2 ст. 1100 ГК); российским судом императивные нормы могут быть приняты во внимание, если согласно праву этой страны эти нормы являются нормами непосредственного применения (п. 2 ст. 1192 ГК РФ).

В то же время, возникающий спор из внешнеэкономического договора резидентов Беларуси и России может иметь совершенно противоположные решения, выносимые российским и белорусским судами, поскольку национальные императивные нормы должны быть неукоснительно исполнены, а иностранные могут быть применимы по усмотрению суда или лишь приняты во внимание.

Как уже было отмечено, совершение любого гражданско-правового договора основано на нормах закона, а в силу полисистемного характера правовой регламентации внешнеэкономического соглашения – нормах правопорядков, с которым отношение тесным образом связано. Резидент и нерезидент Беларуси обязаны исполнять

требования своего национального законодательства, как по форме, так и по содержанию соглашения; для нерезидента нормы отечественного правопорядка приобретают обязательный характер в силу императивного характера норм законодательства резидента о совершаемом внешнеэкономическом договоре. Исключить действие императивных норм контрагенты не вправе, поскольку требования применяются экстерриториально [2, с. 505].

Если исполнение обязательств по внешнеэкономическому договору совершается на территории третьего государства, императивные нормы правопорядка, имеющего тесную связь с отношением, также в известной мере, определит содержание прав и обязанностей субъектов договора. В таком случае применение права страны резидента возможно лишь на основе соответствующего международного договора о применении норм национального законодательства на территории договаривающегося государства, а при отсутствии такого соглашения – на условиях взаимности [3, с. 103].

Странами СНГ заключены международные соглашения о применении иностранного права на основе коллизионных норм (Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. и 2002 г.), но они не затрагивают действия императивных норм национального права, которые обладают верховенством над иностранными нормами. Вопрос применения отечественным судом императивных норм права страны нерезидента регламентируется исключительно национальным законом (п. 1 ст. 1100 ГК, п. 1 ст. 1192 ГК РФ).

Вместе с тем, руководствуясь правилами взаимности (п. 1 ст. 1098 ГК) суд обязан применить иностранное право независимо от того, применяется ли в соответствующем иностранном государстве к аналогичным отношениям право Республики Беларусь, за исключением случаев, когда применение иностранного права на началах взаимности предусмотрено законодательством Беларуси. Основные нормативные правовые акты Республики Беларусь, действующие в сфере внешней экономики не предусматривают применение иностранного права исключительно на началах взаимности (ст. 1098 ГК, ст. 4, п. 2 ст. 5, Закона Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», Указ Президента Республики Беларусь от 27 марта 2008 г. № 178 «О порядке проведения и контроля внешнеторговых операций»). Поэтому суд должен применить иностранное право, если оно имеет тесную связь с внешнеэкономическим отношением.

Исследование вопроса взаимодействия императивных норм правовых систем, имеющих тесную связь с внешнеэкономическим отношением, позволяет сделать следующие выводы и предложения:

1. Правовая регламентация внешнеэкономического соглашения носит полисистемный характер. Стороны договора должны исполнять императивные нормы правопорядков, с которым отношение тесно связано. Исключить действие императивных норм контрагенты не вправе, поскольку требования применяются экстерриториально.

Вместе с тем белорусский суд может применить иностранные императивные нормы лишь по собственному усмотрению, если, согласно праву этой страны, такие нормы должны регулировать соответствующие отношения (п. 2 ст. 1100 ГК); российским судом императивные нормы могут быть приняты во внимание, если согласно праву этой страны эти нормы являются нормами непосредственного применения (п. 2 ст. 1192 ГК РФ).

2. Полагаем, что при применении иностранного права суд не может, а должен применить императивные нормы стран, имеющих тесную связь с

внешнеэкономическим отношением, за исключением явно выраженного несоответствия императивных норм иностранного права с нормами национального публичного порядка.

3. На наш взгляд, необходимо:

в п. 2 ст. 1100 ГК слово «может» исключить, слово «применить» заменить словом «применяет»;

в п. 2 ст. 1192 ГК РФ слова «может принять во внимание императивные нормы» заменить словами «обеспечивает действие императивных норм».

Реализация данных предложений позволит создать необходимое основание для правового обеспечения взаимодействия императивных норм национального и иностранного права, которые должны регулировать соответствующее внешнеэкономическое отношение.

Библиографические ссылки

1. Федотов В. А. Иностраный элемент как квалифицирующий признак экспортной сделки // Юрид. журн. 2009. № 3. С. 67–72.

2. Федотов В. А. Теоретико-прикладные аспекты взаимодействия правовых систем участников внешнеторговых сделок // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика [Электронный ресурс] : сборник материалов II Международной заочной научной конференции, Могилев, 19 мая 2017 г. / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: В. Е. Бурый (отв. ред.) [и др.]. Могилев: Могилев. институт МВД, 2017. С. 501–505.

3. Федотов В. А. Взаимодействие правовых систем участников внешнеторговых сделок: теоретико-прикладные аспекты // Эволюция государства и права: история и современность : сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, 25–27 мая 2017 г., Курск / отв. ред. С. Г. Емельянов, Юго-Зап. гос. ун-т, ЗАО «Университетская книга». Курск, 2017. Ч. 1. С. 102–103.

ЕДИНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: НА ПУТИ СОЗДАНИЯ

Т. М. Халецкая

*Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики
Беларусь, ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, Tania80@rambler.ru*

В статье рассмотрены предпосылки и основные этапы создания единого образовательного пространства на территории Евразийского экономического союза. Сделан вывод о том, что Республика Беларусь, с одной стороны, должна принимать участие в процессе создания единого образовательного пространства, а с другой – должна стремиться к сохранению образовательного суверенитета.

Ключевые слова: образование; единое образовательное пространство; пространство; интеграция.

Сегодня не вызывает сомнений тот факт, что устойчивое и поступательное развитие и реализация национальных интересов государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) невозможно без интеграции в сфере образования. Связано это с тем, что на современном этапе высшее образование, как верно отмечает Б. Ж. Абдраимов, воспринимается не как общедоступный товар или услуга, а как важнейший экономический ресурс государств [1]. Сфера образования относится к сферам экономики ЕАЭС, «обладающим интеграционным потенциалам, поскольку может принести значительный мультипликативный эффект в будущем и создать дополнительные импульсы для ускоренного развития других отраслей и секторов экономики» [2].

В ст. 4 Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанного в г. Астана 29 мая 2014 г. и вступившего в силу 1 января 2015 г. в качестве целей Союза указаны: «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики».

Европейский союз называют «пионером в области интеграции» [1], в том числе и интеграции в области образования, известной под названием Болонский процесс. В рамках Болонского процесса было создано Единое европейское пространство высшего образования, участники которого исходили из посыла о том, что поскольку государственная и международная политика в сфере образования и его организации осуществляется на территориях, различающихся «исторически, экономически, религиозно, национально и политически», то направления создания единого образовательного пространства должны быть следующими:

- выработка единой стратегии развития;
- создание единой информационной системы;
- координация финансов, прав, нормативных и содержательных основ;
- создание общего рынка для перемещения рабочей силы;
- выработка единых правил приема в учебные заведения;
- межгосударственная конвертируемость дипломов и аттестатов;

– единообразие содержания образования, условий продолжения или получения образования или работы при переезде из одной страны в другую [3, с. 127].

Справедливости ради следует отметить, что задача формирования единого образовательного пространства ставилась до создания ЕАЭС, и происходило это в рамках интеграционных процессов, имеющих место на постсоветском пространстве. Еще в 1996 г. между Республиками Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Российской Федерацией был заключен Договор об углублении интеграции в экономической и гуманитарной области, ставший важнейшим этапом в формировании общего образовательного пространства. В числе основных целей интеграции ст. 2 данного договора назвала: формирование единого экономического пространства, предусматривающего эффективное функционирование общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, развитие единых транспортных, энергетических, информационных систем, а также создание равных возможностей получения образования и доступа к достижениям науки и культуры.

Желая способствовать дальнейшему проведению политики совместных действий в области образования, науки и культуры Правительство Республики Беларусь, Правительство Республики Казахстан, Правительство Кыргызской Республики и Правительство Российской Федерации 29 марта 1996 г. подписали Соглашение о предоставлении равных прав гражданам государств-участников Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарных областях от 29 марта 1996 г. на поступление в учебные заведения. В соответствии с указанным Соглашением стороны принимали на себя обязательство предоставлять друг другу нормативные правовые акты, регулирующие правила приема в учебные заведения, оформления и выдачи документов государственного образца соответствующих уровней образования, их образцы и описания с приведением официальных разъяснений по ним (ст. 1). Гражданам государств-участников Соглашения предоставлялись равные права для поступления в государственные учебные заведения сторон на основе взаимно признаваемых эквивалентными документов государственного образца как на места, финансируемые из государственного бюджета, так и на места с оплатой стоимости обучения по договорам в соответствии с правилами приема, утвержденными государственным учебным заведением (ст. 3). В развитие указанных положений был заключен ряд международных соглашений о взаимном признании документов об образовании: Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях (24 ноября 1998 г.); Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях (27 февраля. 1996 г.).

Значимой вехой в создании единого образовательного пространства Содружества Независимых Государств стало принятие в 2006 г. Модельного образовательного кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), закрепившего развернутую трактовку рассматриваемого феномена: единое (общее) образовательное пространство СНГ – это «пространство, характеризующееся: 1) общностью принципов государственной политики в сфере образования, 2) согласованностью государственных образовательных стандартов, программ, уровней образования, нормативных сроков обучения на каждом уровне,

положений и требований по подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров, 3) равными возможностями и свободной реализацией прав граждан на получение образования в государственном и муниципальном образовательном учреждении на территории государств – участников СНГ» (ст. 1).

Таким образом, формирование общего образовательного пространства ЕАЭС необходимо рассматривать не только в разрезе развития соответствующих отношений в рамках этого объединения, но и с позиции учета имеющихся элементов образовательной интеграции в рамках таких объединений, как ЕЭС и СНГ. Положительным моментом в данном случае является то, что, несмотря на отсутствие необходимой правовой базы, регламентирующей процессы интеграционного взаимодействия в сфере образования именно в рамках ЕАЭС, ее основа уже была создана благодаря нормативной правовой базе СНГ [4, с. 40]. По мнению Б. Ж. Абдраимова именно общность особенностей образовательных систем и помогли определить необходимую основу для дальнейшей интеграции в сфере образования. К таким общим особенностям автором были отнесены: высокая скорость реформ и модернизация систем образования; общее прошлое; использование русского языка для международного общения; появление негосударственных коммерческих вузов; похожие проблемы, связанные с переходом на трехуровневую систему (бакалавр – магистр – доктор); законодательное обеспечение дифференциации образования; проблемы гармонизации старой системы (кандидатской и докторской) с новой системой (магистерской и докторской PhD); актуальность развития и совершенствования форм международного и межвузовского сотрудничества и т.д. [1]

Следует отметить, что вплоть до настоящего времени в контексте создания единого образовательного пространства на территории ЕАЭС сделано не так уж много, хотя определенные шаги были. В числе таких шагов можно назвать создание в 2009 г. Координационного совета, состоящего из 28 университетов стран-членов СНГ, задачей которого является контроль развития совместных магистерских программ. Важным шагом в образовательной интеграции стало и подписание 12 апреля 2016 г. в Москве Меморандума о взаимопонимании по созданию Евразийского сетевого университета. Оценивая важность данного образования В. В. Веренич и Е. К. Булыго называют его университетом нового типа, «интерфейсом» между институтами ЕАЭС, представителями научно-образовательного сообщества, бизнес-сообщества высокотехнологических отраслей экономики и рынков труда ЕАЭС [5]. Позднее, 13 апреля 2016 г. В рамках Московского международного салона образования в ходе встречи руководителей государственных органов исполнительной власти государств – членов ЕАЭС в сфере высшего образования и науки был подписан Меморандум о сотрудничестве по вопросам образовательного и научно-технологического сотрудничества на евразийском пространстве.

Несмотря на результативность некоторых шагов и ту высокую оценку, которая им дается, образовательную интеграцию ЕАЭС нельзя оценить однозначно положительно. Так, И. В. Синова и О. А. Булдакова справедливо указывают на отсутствие в странах ЕАЭС необходимой инфраструктуры, обеспечивающей интеграцию образования, а также недостаточное финансирование в этих странах перспективных образовательных проектов [6].

Очевидной, на наш взгляд, является и проблема несоответствия направлений подготовки специалистов сегодняшним требованиям реального сектора экономики стран ЕАЭС, отсутствием тесного контакта между учреждениями высшего

образования и нанимателями, вследствие чего многие выпускники остаются невостребованными.

Одной из ключевых проблем, требующих разрешения в процессе интеграции в сфере образования, является проблема сохранения независимости образовательных систем в каждой стране – участнице ЕАЭС. Адаптация европейских стандартов высшего образования должна осуществляться параллельно с оценкой ее последствий и влияния на развитие каждой страны. Эту проблему сегодня пытаются представить, как временную, несущественную, как вынужденную трудность на пути к «высокой цели». Так, П. Лукша и Д. Песков в своем Докладе о глобальной повестке образования указали, что в начале 2020-х гг. ожидается «несистемная реакция» ряда национальных правительств по удержанию «образовательного суверенитета». Начало дискуссий на эту тему, отмечают авторы доклада, «неизбежно будет болезненным», поэтому начать диалог о решении задачи «создания глобальной образовательной архитектуры» требуется как можно раньше, до того как «вопросы образовательного суверенитета начнут влиять на межстрановые конфликты и строительство новых политических альянсов», и разворачивать подобный диалог будет гораздо легче не с представителями национальных правительств, а с «заинтересованными участниками нового образования» [7]. Одной из основных идей Доклада является идея «объективации человеческого капитала», переход «образовательных систем к образованию на основе компетенционных моделей», признаваемых международными рынками образования и труда. С подобным будущим белорусского высшего образования сложно согласиться. Участвуя в евразийском интеграционном процессе, Республика Беларусь должна стремиться к созданию эффективного равновесия между повышением конкурентоспособности субъектов евразийского образовательного пространства стремлением сотрудничать и соблюдением общих интересов и целей. При этом «культурная роль университета не может быть утрачена <...>. Полное уподобление университетов и исследовательских организаций форме предприятий, производящих и экспортирующих товары и услуги, вряд ли послужит широким потребностям наших сообществ, социальной сплоченности и, в конечном итоге, благосостоянию общества. Ориентация на рынок, несомненно, должна присутствовать в деятельности университетов, но только в качестве одной из ее составляющих» [8].

Полагаем, что Республика Беларусь, без сомнения должна принимать участие в процессе создания единого информационно-образовательного пространства, академической мобильности, внедрении элементов дистанционного обучения и т.п., сохраняя при этом локальную идентичность в сфере образования, культурное своеобразие и политический суверенитет, учитывая национально-государственную и экономическую специфику. Верно отмечают авторы статьи «Единое образовательное пространство Евразийских университетов: перспективы развития»: «Свобода в выработке целей и условий развития имеет огромное значение в сложодинамической ситуации, когда неопределенность путей движения и выбор траектории не должен быть, конечно, определяем коллективными обязательствами. В этом случае очень велика цена ошибки и не менее ценны найденные отдельными участниками решения, возможные только в условиях свободного поиска и рискованного социального эксперимента. Это значит, что устройство образовательного пространства должно в максимальной степени способствовать решению этой задачи» [8].

Библиографические ссылки

1. Абдраимов Б. Ж. Межвузовское сотрудничество как ключевой фактор развития общего образовательного пространства: евразийское измерение [Электронный ресурс]. URL: http://web6.pas.by/rus/files/12_pub.pdf. (дата обращения: 10.10.2021).
2. Чугрина М. А. Формирование единого образовательного пространства как фактор экономической интеграции стран ЕАЭС [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Федеральное гос. автономное образоват. учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН). М., 2019. 31 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-edinogo-obrazovatel'nogo-prostranstva-kak-faktor-ekonomicheskoi-integratsii-stra> (дата обращения: 11.10.2021).
3. Безрукова В. С. Основы духовной культуры. Энциклопедический словарь педагога. Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2000.
4. Манахов С. В., Зуев В. М. Основные направления формирования единого образовательного пространства в рамках Евразийского экономического союза // Вестник НГУЭУ. 2016. № 2. С. 40–48.
5. Веренич В. В., Булыго Е. К. Единое образовательное пространство ЕАЭС: текущее состояние и перспективы развития [Электронный ресурс]. URL: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/45837/Edinoe_obrazovatelnoe_prostranstvo_EAEHS_tekushchee_sostoyanie_i_perspektivy_razvitiya.pdf?sequence=1&isAllowed=y. (дата обращения: 09.10.2021).
6. Синова И. В., О. А. Булдакова Образовательное пространство ЕАЭС [Электронный ресурс] // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2018. № 2. С. 144–150. URL: http://web6.pas.by/rus/files/12_pub.pdf. – дата доступа: 10.10.2021.
7. Лукша П., Песков Д. Будущее образования: глобальная повестка [Электронный ресурс]. URL: https://asi.ru/upload/medialibrary/f6c/Doklad_block_russ.pdf. (дата обращения: 11.10.2021).
8. Абламейко С. В., Самохвал В. В., Полонников А. А. Единое образовательное пространство Евразийских университетов: перспективы развития [Электронный ресурс] / // Сборник докладов Международной интернет-конференции «Информационно-технологическое обеспечение образовательного процесса государств – участников СНГ». URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/27746/1/Ablameyko_ito_2012.pdf. (дата обращения: 11.10.2021).

ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КЛИНИК (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Ю. А. Хватик¹⁾, Т. В. Малинка²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь*

*²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь*

Определен круг существующих вопросов формирования и внедрения новых механизмов развития системы здравоохранения. Описан опыт функционирования и правовой регламентации функционирования экстерриториальных клиник в Российской Федерации. Акцент сделан на основной нормативный акт – Федеральный Закон Российской Федерации от 29 июня 2015 года №160 «О международном медицинском кластере».

Ключевые слова: экстерриториальные клиники; правовое регулирование; развитие здравоохранения.

Кризис 2020 г. многие ученые называют медицинским: страны мира повсеместно сталкиваются с проблемами нехватки медикаментов и медицинского оборудования, коечного фонда, исследовательских мощностей. Все это ведет к снижению качества медицинского обслуживания, увеличивает уровень инвалидизации и летальности. Помимо этого, представители Всемирной организации здравоохранения неоднократно делали акцент на такой острый вопрос как низкая доступность медицинской помощи в ряде регионов, что обусловлено неравными возможностями стран с разным уровнем достатка, а также закрытием границ.

Данный кризис обнажил многие проблемы медицинского сообщества, но в то же время предоставил возможность для дальнейшего развития здравоохранения как одной из важнейших социальных сфер. В ходе оказания помощи пациентам врачам чётко видно насколько повысился запрос на социальную защищенность. Помимо этого, на фоне закрытия границ в период пандемии COVID-19 стала очевидна потребность создания максимального доступа к качественной системе здравоохранения в рамках конкретного государства. Эти факты акцентируют внимание на возрастающей необходимости формирования новых форм оказания медицинской помощи, что в свою очередь повлечет к разработке соответствующих правовых основ для развития этого направления деятельности.

На сегодняшний день одним из вариантов решения поставленного вопроса является создание экстерриториальных клиник – представительств иностранного медицинского оператора на территории особой экономической зоны со специальным правовым режимом. По сути, экстерриториальная клиника – это союз зарубежного медицинского оператора и отечественного инвестора. Первые обладают уникальными знаниями и технологиями, вторые хорошо понимают специфику национального бизнеса и заинтересованы в реализации не только коммерчески привлекательных, но и социально значимых проектов. Что в свою очередь служит платформой для быстрого трансферта в страну зарубежных медицинских технологий и знаний.

Примером такой клиники и опыта правовой регламентации может стать диагностический центр «Хадасса», открытый в Российской Федерации на территории инновационного Центра «Сколково», как часть медицинского кластера. Именно благодаря наличию особого правового режима центр «Хадасс» смог своевременно первым завезти в страну тесты для диагностики COVID-19. Особенностью деятельности центра является то, что, благодаря изменениям, внесенным в действующее законодательство, в рамках предоставления режима наибольшего благоприятствования организациям, задействованным в работе Международного медицинского кластера, в его работе используются фармакологические препараты и методики, которые уже прошли апробацию в странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), но пока еще не сертифицированы официально Министерством здравоохранения Российской Федерации [1].

Зарубежные медицинские операторы готовы открывать свои клиники в медицинском кластере для того, чтобы оказывать высококласную медицинскую помощь и передавать свои знания и культуру работы с пациентами российским врачам. Одним из условий вхождения в кластер для операторов является проведение образовательных программ для российских врачей, доля которых в клиниках будет составлять не менее 75%.

Территория медицинского кластера является единственным местом в России, где на уровне Федерального закона сняты административные барьеры для работы зарубежных клиник по своим стандартам при наличии всех разрешительных документов и регистраций в своей стране:

- протоколы лечения и медицинские методики могут применяться без получения лицензии, являющейся обязательной для ведения медицинской деятельности на территории России;
- медицинские препараты и оборудование разрешены для использования без необходимости их регистрации в России;
- не требуется подтверждения дипломов об образовании иностранных специалистов в области медицины, образования и НИОКР и разрешения на работу не лимитированы квотами.

Деятельность медицинского кластера регламентируется Федеральным Законом Российской Федерации от 29.06.2015 г. №160 «О международном медицинском кластере», в котором, в частности, отражено, что участники проекта, оказывающие медицинскую помощь, вправе использовать: лекарственные препараты и медицинские изделия, зарегистрированные в установленном порядке уполномоченными органами государственной власти, уполномоченными организациями в Российской Федерации или в иностранном государстве – члене ОЭСР и применяемые в стране регистрации.

Все это позволяет осуществить максимально быструю имплементацию и соответственно улучшить доступность медицинской помощи высокого качества без выезда за рубеж. Помимо этого, в экстерриториальных клиниках, входящих в состав медицинского кластера, планируются обучающие курсы, тренинги и стажировки для медицинских работников. Что является крайне важным для практикующих врачей в эпоху столь быстрых изменений, происходящих в медицине.

В Республике Беларусь потенциальной платформой для развития таких технологий с привлечением частного капитала, на наш взгляд, может стать Индустриальный парк «Великий камень», созданный в целях формирования условий для повышения конкурентоспособности отраслей экономики Республики Беларусь, основанных на новых и высоких технологиях, дальнейшего совершенствования организационно-

экономических и социальных условий для проведения разработок современных технологий и увеличения их экспорта, привлечения в эту сферу отечественных и иностранных инвестиций (что отражено в Декрете Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005г. № 12-1/6811 «О Парке высоких технологий»). Одним из направлений работы Парка названо развитие фармацевтики и биотехнологий.

Так, первым шагом в этом направлении стало обсуждение реализации проекта в сфере традиционной китайской медицины 23 февраля 2021 г. В ходе встречи обсуждались вопросы производства лекарственных средств традиционной китайской медицины в индустриальном парке, особенности импорта сырья и порядок регистрации лекарственных средств. По итогам встречи выработан алгоритм практических действий, позволяющий обеспечить оперативную организацию производства препаратов традиционной китайской медицины по лечению коронавирусной инфекции COVID-19. Обсуждались вопросы регистрации на территории Республики Беларусь препаратов растительного происхождения традиционной китайской медицины, а также возможность выращивать некоторые растительные компоненты на территории Республики Беларусь. Помимо выпуска медицинских препаратов, совместно с Институтом культуры и экономики «Цзинь Тай» и при непосредственном участии доктора Цай Чуаньцин в парке планируется создание лечебно-диагностического центра китайской традиционной медицины и Евразийского центра традиционной медицины и культурного обмена [2].

Таким образом, 2020 год показал, что закрытые границы не позволяют быстро внедрять новые технологии, поэтому существует потребность в создании резервов прочности заранее. Помимо этого, возникшая «новая нормальность» подчеркивает бесперспективность движения по инерции и требует формировать новые гибкие адаптивные подходы во всех сферах жизнедеятельности.

В такой ситуации создание экстерриториальных клиник (в том числе и в Республике Беларусь) соответствует всем требованиям нынешнего времени и позволяет предпринимательству внести серьезный вклад в развитие важного социального направления – системы здравоохранения. Помимо реализации социальной ответственности данный проект является потенциально выгодным и для инвестирующей стороны, что обусловлено возрастающей потребностью в качественной медицинской помощи, льготным режимом налогообложения, таможенными льготами, иными льготами и преференциями. Для этого важно создавать адекватные и оперативные правовые механизмы, которые помимо прочего будут отражать четкие критерии отбора медицинских операторов для участия в проекте.

Библиографические ссылки

1. В Сколково открыт филиал израильской клиники «Хадасса» [Электронный доступ] Режим доступа: <https://sk.ru/news/v-skolkovo-otkryt-filial-izrailskoy-kliniki-hadassa/> (дата обращения: 11.10.2021).

2. Реализацию проекта в сфере традиционной китайской медицины обсудили в индустриальном парке «Великий камень» [Электронный доступ]. URL: <https://www.rceth.by/ru/News/459> (дата обращения: 11.10.2021).

СИСТЕМА АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

Л. В. Царёва

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Tsareva@bsu.by*

Теоретико-прикладной анализ системы антимонопольного законодательства изложен в формате комментария к ст. 2 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон). В публикации формируется комплексное представление о системе источников правового регулирования в сфере конкуренции, в том числе путем выявления аспектов, не нашедших закрепления в Законе, и требующих системного толкования. Положительно оценивая планируемое нормативное указание на включение Гражданского кодекса Республики Беларусь в состав источников права конкуренции, определяются вопросы, требующие внимания законодателя на стадии разработки изменений, в том числе неопределенность места международно-правовых актов, не являющихся международными договорами, в системе антимонопольного законодательства.

Ключевые слова: антимонопольное законодательство; источники правового регулирования в сфере конкуренции; закон о противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции

Обращение к теоретико-прикладным вопросам формирования системы антимонопольного законодательства предопределено вынесением на общественное обсуждение в сентябре 2021 г. проекта закона об изменении Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Проект закона).

1. Статья 2 Закона является правовой основой формирования системы законодательства Республики Беларусь в сфере конкуренции. Термин «антимонопольное законодательство», вынесенный в название указанной статьи, традиционно выступает в качестве собирательной категории, включающей акты, регулирующие как противодействие монополистической деятельности, так и отношения по обеспечению добросовестной конкуренции.

Норма п. 1 ст. 2 Закона лаконично закрепляет, что антимонопольное законодательство основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из настоящего Закона и иных актов законодательства.

Согласно п. 2 ст. 2 если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в настоящем Законе, то применяются правила международного договора.

Следует признать, что, несмотря на наименование, статья не содержит полной регламентации вопросов, определяющих систему законодательства в сфере конкуренции. Буквально она закрепляет следующие положения:

антимонопольное законодательство основывается на нормах Конституции Республики Беларусь;

антимонопольное законодательство включает не только Закон, но и иные акты законодательства;

нормы права конкуренции закреплены не только во внутренних нормативных правовых актах, но и в международных договорах Республики Беларусь;

в случае коллизии между нормами международных договоров Республики Беларусь, регулирующими отношения в сфере конкуренции, и нормами Закона применению подлежат положения международных договоров.

2. Конституция Республики Беларусь имеет высшую юридическую силу и закрепляет основополагающие нормы, на которых базируется правовое регулирование отношений по противодействию монополистической деятельности, развитию и защите конкуренции. Конституционными основами антимонопольного законодательства выступают в первую очередь нормы о равных правах для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантии равной защиты и равных условий для развития всех форм собственности. (ч. 2 ст. 13) и гарантии равных возможностей свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 4 ст. 13).

Конституция не только провозглашает равные права для осуществления хозяйственной деятельности, гарантирует свободу использования способностей и имущества и равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности, но и устанавливает, что надлежащая организация экономической деятельности предполагает существование пределов прав и свобод, а также не исключает их правомерные ограничения в интересах общества (ч. 5 ст. 13; ст. 23; ч. 6 ст. 44; ч. 1 ст. 59), что характерно для любого права.

3. Норма п. 1 ст. 2 Закона устанавливает, что антимонопольное законодательство состоит из Закона и иных актов законодательства.

Состав нормативных правовых актов антимонопольного законодательства не ограничен ни видовой, ни отраслевой принадлежностью, что дает основание включать в него все акты законодательства, в которых содержатся нормы, регулирующие общественные отношения, связанные с защитой и развитием конкуренции в понимании ст. 3 Закона, включающие в том числе, но не исключительно, отношения, связанные с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

Толкование легальных понятий «конкуренция», «монополистическая деятельность» и «недобросовестная конкуренция», закрепленных ст. 1 Закона, позволяет констатировать, что отношения, связанные с защитой и развитием конкуренции, направлены на создание справедливых и эффективных механизмов обращения товаров на соответствующих товарных рынках, являются неоднородными и включают как регулятивные, так и охранительные правоотношения.

Регулятивные правоотношения нацелены на упорядочение, закрепление и развитие отношений на товарном рынке, опосредуют отношения между участниками товарных рынков, которые, действуя добросовестно и разумно, должны соблюдать правила конкуренции.

Охранительные правоотношения имеют место при обращении к способам защиты субъективных прав и законных интересов, осуществлении контроля антимонопольным органом за действиями, способными влиять на конкуренцию на соответствующем рынке, а также при привлечении нарушителей к мерам юридической ответственности.

3.1. В действующей редакции статьи не упоминается Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК), который является основополагающим актом,

регулирующим частнопроводные отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием и развивает вышеуказанные положения Конституции.

В качестве принципов, определяющих и регламентирующих гражданские отношения, он закрепляет как равенство участников гражданских отношений, неприкосновенность собственности, свободу договора, беспрепятственное осуществление гражданских прав и недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, так и принцип приоритета общественных интересов и социальной направленности регулирования экономической деятельности (ст. 2 ГК). Устанавливая прямой запрет использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребления доминирующим положением на рынке, ГК легализует применение требований антимонопольного законодательства при определении пределов гражданских прав и их осуществлении (ст. 9 ГК).

Проект закона устраняет имеющийся недостаток, дополняя норму прямым указанием на включение ГК в состав антимонопольного законодательства и встраивая его тем самым в систему антимонопольного законодательства.

3.2. Значение ключевого по содержанию акта антимонопольного законодательства законодатель придает Закону. В нем определяются правовые и организационные основы защиты конкуренции, закрепляется понятийный аппарат, используемый в целях применения антимонопольного законодательства, функции и полномочия антимонопольного органа, регламентируются составы нарушений в области монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, устанавливаются требования к экономической концентрации и к реорганизации субъектов, в том числе занимающих доминирующее положение, регламентируется порядок проведения расследований и принятия решений антимонопольным органом, закрепляются нормы об ответственности за нарушение антимонопольного законодательства.

3.3. Нормы о защите конкуренции содержатся в целом ряде законов, в том числе кодифицированных. ГК в главе 68 «Недобросовестная конкуренция» содержит нормы, устанавливающие запрет недобросовестной конкуренции, ее формы и право потерпевших лиц требовать возмещения причиненных убытков от недобросовестного конкурента. КоАП содержит санкции за нарушение антимонопольного законодательства (ст. 11.24), монополистическую деятельность (ст. 11.25), недобросовестную конкуренцию (ст. 11.26). Уголовный кодекс Республики Беларусь закрепляет уголовную ответственность за установление или поддержание монопольных цен (ст. 245 УК).

Закон Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 162-З «О естественных монополиях» определяет правовые основы и особенности регулирования общественных отношений, возникающих в сферах естественных монополий на рынках услуг Республики Беларусь.

Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 128-З «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь» в главе 4 закрепляет специальные требования, направленные на защиту конкуренции в области торговли и общественного питания.

Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» в ст. 19 фиксирует обязанность инвесторов не предпринимать действий, являющихся недобросовестной конкуренцией, а также действий (бездействия), направленных на недопущение, устранение или ограничение конкуренции, причинение вреда правам, свободам, законным интересам других лиц.

3.4. К актам антимонопольного законодательства следует относить акты правительства и многочисленные ведомственные нормативные правовые акты, принятые в целях реализации Закона.

3.5. Статья 2 Закона ни в действующей, ни в вынесенной на обсуждение редакции не выстраивает иерархию источников, входящих в систему антимонопольного законодательства, что может усложнять их применение на практике.

При таком подходе корреляцию между нормативными правовыми актами и их нормами следует устанавливать на основании специальных положений об их соотношении (в случае их наличия), а также согласно общим правилам о юридической силе актов и порядке разрешения правовых коллизий, закрепленных в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах».

Например, в соответствии с ч. 4 ст. 2 Закона о естественных монополиях нормы антимонопольного законодательства применяются к субъектам естественных монополий с учетом особенностей, установленных этим законом. Иными словами, нормы, регулирующие отношения в сфере естественных монополий выступают в качестве *lex specialis* по отношению к нормам Закона.

Статья 26 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 128-З «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь» закрепляет, что требования к субъектам торговли, субъектам общественного питания и поставщикам продовольственных товаров, исключающие ограничение конкуренции, определяются антимонопольным законодательством Республики Беларусь с учетом дополнительных требований, предусмотренных названной статьей.

4. Нормы права конкуренции закреплены не только во внутренних нормативных правовых актах, но и в международных договорах Республики Беларусь универсального, регионального и двустороннего уровня.

4.1. Парижская конвенция по охране промышленной собственности (Париж, 20 марта 1883 г.) содержит положения о правовом механизме пресечения недобросовестной конкуренции. В статье 10.bis данной конвенции установлен запрет на конкуренцию, противоречащую честным обычаям в промышленных и торговых делах, а также дан открытый перечень форм недобросовестной конкуренции.

4.2. Региональные международные договоры по вопросам конкуренции заключены в рамках СНГ и ЕАЭС.

4.2.1. Договор о проведении согласованной антимонопольной политики (Москва, 25 января 2000 г.) имеет целью создание правовых и организационных основ сотрудничества государств – участников СНГ для проведения согласованной антимонопольной политики и развития конкуренции, а также устранения отрицательных для торговли и экономического развития факторов и недопущения действий, наносящих ущерб экономическим интересам государств-участников вследствие монополистической деятельности или недобросовестной конкуренции.

4.2.2. Договор о ЕАЭС, имеющий статус учредительного договора и системообразующего источника права Союза, содержит раздел XVIII «Общие принципы и правила конкуренции», положения которого устанавливают правовые основы реализации конкурентной политики на территории государств – членов Союза (принципы конкуренции), а также минимальный набор запретов, подлежащих соблюдению на территориях государств-членов и трансграничных рынках ЕАЭС (правила конкуренции) [1, с. 32–33].

Суд ЕАЭС разъяснил, что общие правила конкуренции обладают прямым действием и должны непосредственно применяться государствами-членами как нормы, закрепленные в международном договоре [2, п. 2].

Порядок реализации общих принципов и правил конкуренции, предусмотренных в разделе XVIII Договора о ЕАЭС, регламентирован в Протоколе об общих принципах и правилах конкуренции, являющемся приложением № 19 к Договору о ЕАЭС.

Он определяет термины и понятия права конкуренции Союза, закрепляет критерии допустимости антиконкурентных соглашений, устанавливает исключения, не подпадающие под запреты, установленные Договором о ЕАЭС, штрафные санкции за нарушение правил конкуренции на трансграничных рынках, основания освобождения от ответственности, регулирует порядок взаимодействия уполномоченных органов государств-членов между собой и с ЕЭК.

4.2.3. Нормы права конкуренции содержатся также в международных договорах об экономическом сотрудничестве, заключенных государствами-членами ЕАЭС совместно с Союзом. Примерами таких договоров выступают Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны (Бурабай, 2015 г.), Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (Астана, 17 мая 2018 г.), где содержатся самостоятельные разделы, посвященные регулированию вопросов конкуренции.

В них государства-участники договорились принимать все необходимые меры в соответствии со своим законодательством и нормативными актами с целью предупреждения и пресечения антиконкурентного поведения, которое оказывает влияние на торговлю между ними; признали несовместимыми с нормальным действием соглашений антиконкурентные соглашения, злоупотребление доминирующим положением и недобросовестную конкуренцию (см., например, ст. 11.2 Соглашения с Республикой Вьетнам, ст. 8.4 Соглашения с Китайской Народной Республикой); закрепили обязательства по сотрудничеству в сфере конкуренции.

4.3. Двусторонним международным договором Республики Беларусь является Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области защиты конкуренции (Москва, 27 февраля 2019 г.).

На основании соглашения осуществляется взаимодействие при применении законодательства о защите конкуренции Беларуси и России в отношении хозяйствующих субъектов названных государств, а также хозяйствующих субъектов третьих стран, деятельность которых оказывает влияние на состояние конкуренции на рынках Беларуси и России, а также в области адвокатирования конкуренции. Данное Соглашение не распространяется на отношения, урегулированные едиными правилами конкуренции на трансграничных рынках, контроль соблюдения которых относится к компетенции ЕЭК в соответствии с Договором о ЕАЭС.

Пункт 2 ст. 2 определяет порядок разрешения коллизий между нормами международных договоров Республики Беларусь, регулирующими отношения в сфере конкуренции, и нормами Закона, признавая приоритет за нормами международных договоров. Это правило подлежит применению независимо от того, каким актом было выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора.

5. Вместе с тем в статье не нашли отражения вопросы применения международных правовых актов, не имеющих статуса международных договоров.

5.1. В рамках интеграционного правового порядка ЕАЭС отношения в сфере конкуренции могут регламентироваться не только международными договорами, но и решениями органов Союза, которые имеют нормативный правовой характер и являются составной частью права Союза.

Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 г. № 29 «Об утверждении Критериев отнесения рынка к трансграничному» определяет условия, при которых Комиссия обладает компетенцией по пресечению нарушений общих правил конкуренции.

В силу п. 1 ст. 6 Договора о ЕАЭС решения Высшего Евразийского экономического совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством.

Целый ряд актов, регулирующих отношения по осуществлению контроля за соблюдением общих правил конкуренции, принят Комиссией в форме решений Совета ЕЭК (например, Решение Совета ЕЭК от 17 декабря 2012 г. N 118 «О методике расчета и порядке наложения штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках»; Решение Совета ЕЭК от 23 ноября 2012 г. N 97 «О порядке рассмотрения заявлений (материалов) о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках»; Решение Совета ЕЭК от 23 ноября 2012 г. N 99 «О порядке рассмотрения дел о нарушении общих правил конкуренции на трансграничных рынках» и др.

Согласно п. 13 Положения о ЕЭК, являющегося Приложением № 1 к Договору о ЕАЭС, решения Комиссии подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов. Они не требуют имплементации.

В соответствии с ч. 3 ст. 37 Закона от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь» если международным договором Республики Беларусь предусмотрена обязательность акта органа международной организации или межгосударственного образования, участницей которого является Республика Беларусь, то такие акты подлежат добросовестному исполнению Республикой Беларусь в соответствии с условиями международного договора и (или) международным правом, а также непосредственному применению в случае, когда непосредственное применение следует из такого акта и (или) соответствующего международного договора, для применения норм которого не требуется принятие (издание) нормативного правового акта.

Опираясь на нормы Договора о ЕАЭС и Закона о международных договорах Республики Беларусь, несмотря на отсутствие прямого указания в Законе на применение решений органов ЕАЭС, представляется обоснованным вывод об отнесении решений органов Союза к источникам права конкуренции, наряду с международными договорами, и о необходимости обеспечения приоритетного применения их норм в случае возникновения коллизии с актом внутреннего законодательства.

5.2. Между Министерством антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ) и антимонопольными ведомствами ряда иностранных государств заключены межведомственные меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве. Такого рода международные акты подписаны с Федеральной антимонопольной службой России, Государственным агентством антимонопольного регулирования при Правительстве Кыргызской Республики, Комиссией по защите конкуренции Республики Сербия, Агентством конкуренции Грузии, Государственной комиссией по защите экономической конкуренции Республики Армения, Советом по

конкуренции Республики Молдова, Министерством национальной экономики Республики Казахстан, Управлением по защите конкуренции и защите прав потребителей Республики Польша, Румынским Советом по конкуренции, Австрийским федеральным конкурентным ведомством, с антимонопольным комитетом Украины.

Меморандумы нацелены на развитие сотрудничества в области конкурентной политики в таких формах как обмен информацией о законодательстве, обмен опытом работы в области исследований, связанных с нарушениями конкурентного законодательства и в области адвокатирувания конкуренции, проведение совместных конференций, семинаров, тренингов и других мероприятий, организация встреч экспертов, стажировок и т.п.

Они не являются международными договорами Республики Беларусь, поскольку заключены не от имени государства. Правовой статус меморандумов закреплён в них путем прямого указания на то, что они не являются международными договорами и не создают для государств, чьи ведомства их заключили, прав и обязательств, регулируемых международным правом. Вместе с тем такие соглашения могут иметь немаловажное значение при расследовании правонарушений, осложненных иностранным элементом.

Представляется, что целью отдельной статьи Закона, посвященной антимонопольному законодательству, должна выступать полная регламентация вопросов построения системы источников права конкуренции, что предполагает включение международно-правовых актов по вопросам конкуренции, не являющихся международными договорами, в состав антимонопольного законодательства и определение их места в его системе.

Библиографические ссылки

1. Конкурентное право в Евразийском экономическом союзе : учеб. пособие [Электронный ресурс]. Москва, 2019. 256 с. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/caa/SiteAssets/%D0%A3%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA.FINAL%20VERSION.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

2. Консультативное заключение Большой коллегии Суда ЕАЭС по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь о разъяснении Договора о ЕАЭС от 4 апр. 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01214095/ac_05062017_doc.pdf. (дата обращения: 10.10.2021).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА МИКРОФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

И. В. Цырусъ

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, cyrus_irina@mail.ru*

В статье рассмотрены особенности правового статуса микрофинансовых организаций в Республике Беларусь в соответствии с действующим законодательством, а также даны предложения по совершенствованию правового регулирования в исследуемой сфере в контексте необходимости гармонизации законодательства стран – участниц ЕАЭС в финансовой сфере.

Ключевые слова: микрофинансовая организация; ломбард; потребительский кооператив финансовой взаимопомощи; общество взаимного финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства; потребительский кооператив второго уровня.

Микрофинансовые организации и микрофинансовая деятельность оказывают социально-экономическое влияние на жизнь общества, которое выражается в повышении уровня доступности финансовых услуг граждан и субъектов малого и среднего предпринимательства, особенно в сельской местности и малых городах. Кроме того, микрофинансы должны становиться более значимым элементом финансовой инфраструктуры, стимулирующим рост мелкого предпринимательства, и служить действенным инструментом в повышении уровня жизни малообеспеченных слоев населения. Одновременно в указанном секторе финансового рынка существует ряд правовых вопросов, связанных с определением микрофинансовой деятельности и подходов к ее регулированию, правового статуса микрофинансовой организации, регулированием защиты прав заемщиков и других, требующих решения. Указанные обстоятельства подтверждают актуальность исследования правовых основ деятельности микрофинансовых организаций.

Различные аспекты деятельности микрофинансовых организаций и их место в финансовой и банковской системе стали предметом исследования ряда авторов, таких как А. Г. Гузнов, Г. А. Королев, Е. Б. Лаутс, В. Б. Рыжов, Т. Э. Рождественская, В. В. Терехова, А. В. Чирков, Г. Э. Шахназарян и др. В Республике Беларусь к вопросу о деятельности микрофинансовых организаций обращались Р. Р. Томкович, кредитных кооперативов – Ю. А. Амелечня, О. А. Бакиновская. Вместе с тем до настоящего времени в Беларуси отсутствуют комплексные исследования правового статуса и деятельности микрофинансовых организаций.

Микрофинансовые организации являются достаточно новым видом небанковских финансовых организаций не только в Республике Беларусь, но и в Российской Федерации, и в других странах – участницах ЕАЭС. Легальное закрепление они получили относительно недавно – в 2014 г., когда в белорусском законодательстве было определен перечень микрофинансовых организаций и установлено ограничение на систематическое привлечение и предоставление денежных займов иными субъектами.

Влияние таких организаций на финансовый рынок нельзя недооценивать, так как они могут являться и индикатором рынка потребительского займа, и источником негативных настроений потребителей относительно кредитно-финансовой системы в целом. С течением времени практика показала необходимость совершенствования

правового регулирования деятельности МФО. Кроме того, одним из приоритетов интеграционного взаимодействия государств ЕАЭС является формирование общего финансового рынка. Его построение создаст условия для широкого доступа к финансовым продуктам и ресурсам для населения и бизнеса, позволит снять ограничительные барьеры по взаимному допуску на рынок финансовых услуг и повысить конкуренцию, усовершенствовать взаимодействие финансовых регуляторов и обеспечить эффективную защиту как потребителей финансовых услуг, так и инвесторов.

Так, в соответствии с Соглашением о гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка от 06.11.2018 г. и разработанным и утвержденным Распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии 23.11.2020 г. Планом мероприятий по гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка необходимо осуществлять гармонизацию понятийного аппарата и определений необходимых понятий с учетом особенностей законодательства государств-членов и международных подходов.

В связи с этим обратим свое внимание на понятие микрофинансовой организации и его определение, а также особенности правового статуса микрофинансовых организаций по законодательству Республики Беларусь.

Так, порядок осуществления микрофинансовой деятельности и статус микрофинансовых организаций закреплен Указом Президента Республики Беларусь от 23 октября 2019 г. № 394 «О предоставлении и привлечении займов» (далее – Указ № 394). В нем дается понятие и определение микрофинансовой деятельности, однако общее понятие микрофинансовой организации, равно как и его легальное определение не содержится.

В соответствии с п. 1 Указа № 394 микрофинансовой деятельностью признается деятельность по предоставлению трех и более займов в течение календарного месяца одному или нескольким заемщикам в сумме, не превышающей 15 000 базовых величин на одного заемщика на день заключения договора (далее – микрозаем).

Согласно п. 2 Указа № 394 микрофинансовую деятельность вправе осуществлять:

- коммерческие микрофинансовые организации;
- некоммерческие микрофинансовые организации;
- юридические лица:

- созданные в форме РУП, КУП, а также ОАО, ЗАО, ООО, ОДО, 50 и более процентов акций (долей) в уставном фонде которых находятся в собственности Республики Беларусь и (или) ее административно-территориальных единиц, зарегистрированные в сельской местности и включенные в государственный информационный ресурс «Реестр бытовых услуг Республики Беларусь»;

- осуществляющие скупку драгоценных металлов и драгоценных камней в изделиях и ломе для пополнения Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Республики Беларусь.

Таким образом, правом осуществления микрофинансовой деятельности наделяются государственные организации, оказывающие бытовые услуги населению и зарегистрированные в сельской местности и городах районного подчинения, а также юридические лица, осуществляющие скупку драгоценных металлов и драгоценных камней для пополнения Государственного фонда драгоценных металлов и драгоценных камней Республики Беларусь, однако они микрофинансовыми организациями не являются.

Также исходя из изложенного выше перечня субъектов микрофинансовой деятельности отметим, что индивидуальный предприниматель не может получить статус микрофинансовой организации. Учитывая высокорисковый характер микрофинансовой деятельности, нам представляется абсолютно обоснованным решение законодателя о возможности осуществления микрофинансовой деятельности исключительно юридическими лицами.

Законодателем также предъявляются требования к организационно-правовой форме микрофинансовой организации, обусловленной коммерческим или некоммерческим характером микрофинансовой деятельности.

Коммерческой микрофинансовой организацией в соответствии с подп. 2.1 ч. 1 п. 2 Указа № 394 признается юридическое лицо, зарегистрированное в Республике Беларусь в форме хозяйственного общества либо унитарного предприятия. Коммерческая микрофинансовая организация вправе осуществлять микрофинансовую деятельность в форме предоставления микрозаймов под залог движимого имущества, предназначенного для личного, семейного или домашнего использования, и тогда она признается ломбардом. При этом ч. 1 п. 8 Положения о порядке осуществления микрофинансовой деятельности, утвержденного Указом № 394, дополнительно предусмотрено, что ее микрофинансовая деятельность должна осуществляться с обязательной передачей предмета залога в ее владение (заклад) и (или) под залог транспортных средств без обязанности передачи такого транспортного средства во владение этой организации.

Также ч. 2 п. 8 Положения о порядке осуществления микрофинансовой деятельности определено, что коммерческая микрофинансовая организация вправе осуществлять три дополнительных вида деятельности, а именно: хранение движимого имущества, предназначенного для личного, семейного или домашнего использования, за исключением принятого в залог в качестве обеспечения исполнения обязательств заемщика по договору микрозайма; приобретение движимого имущества, предназначенного для личного, семейного или домашнего использования, в целях его реализации от своего имени, за исключением принятого в залог в качестве обеспечения исполнения обязательств заемщика по договору микрозайма; комиссионную торговлю. Таким образом, коммерческая микрофинансовая организация помимо микрофинансовой деятельности может осуществлять и сопутствующую. Иные виды деятельности коммерческой микрофинансовой организации осуществлять запрещено (ч. 3 п. 8 Положения о порядке осуществления микрофинансовой деятельности).

Необходимо отметить, что в отношении осуществления микрофинансовой организацией комиссионной торговли, на наш взгляд присутствует регуляторный арбитраж. Учрежденное такой микрофинансовой организацией новое юридическое лицо может осуществлять ту же комиссионную торговлю, но уже не находясь под надзором Национального банка Беларуси.

Некоммерческие микрофинансовые организации в соответствии с ч. 1 подп. 2.2 п. 2 Указа № 394 – юридические лица, зарегистрированные в Республике Беларусь в организационно-правовой форме потребительского кооператива. Порядок их создания закреплен в Положении о некоммерческих микрофинансовых организациях, утвержденном Указом № 394.

При этом согласно ч. 2 подп. 2.2 п. 2 Указа № 394 некоммерческие микрофинансовые организации в организационно-правовой форме потребительского кооператива могут создаваться следующих видов:

потребительский кооператив финансовой взаимопомощи, членами которого могут быть физические лица, являющиеся собственниками имущества, учредителями (участниками) коммерческих организаций, субъекты малого или среднего предпринимательства, а также физические лица, осуществляющие ремесленную деятельность, деятельность по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма, производство сельскохозяйственной продукции и виды деятельности, при осуществлении которых физические лица, не осуществляющие предпринимательскую деятельность, уплачивают единый налог с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц. Соответственно, цели, на которые может быть предоставлен микрозаем участникам такого юридического лица, будут определяться исключительно указанными выше видами деятельности (п. 9 Положения о порядке осуществления микрофинансовой деятельности);

общество взаимного финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства, которое создается для аккумулирования временно свободных денежных средств своих членов и средств из иных незапрещенных источников в целях оказания членам этого общества финансовой помощи в форме предоставления микрозаймов, которые им могут быть предоставлены исключительно на цели осуществления предпринимательской деятельности (п. 10 Положения о порядке осуществления микрофинансовой деятельности);

потребительский кооператив второго уровня, членами которого могут быть исключительно потребительские кооперативы финансовой взаимопомощи и общества взаимного финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства (ч. 2 п. 11 Положения о порядке осуществления микрофинансовой деятельности).

В соответствии с п. 12 Положения о порядке осуществления микрофинансовой деятельности некоммерческие микрофинансовые организации осуществляют микрофинансовую деятельность в форме предоставления микрозаймов только своим членам, а займов (в том числе микрозаймов) исключительно потребителю кооперативу второго уровня, членами которого они сами и являются.

Таким образом законодатель устанавливает требование об осуществлении конкретных видов деятельности микрофинансовыми организациями, которые зависят от их организационно-правовой формы.

В настоящий момент Национальным банком Республики Беларусь установлен уведомительный порядок начала осуществления микрофинансовой деятельности вне зависимости от организационно-правовой формы МФО согласно постановлению Правления Национального банка Республики Беларусь от 01.04.2020 г. № 103. Соответственно статус коммерческой или некоммерческой микрофинансовой организации юридическое лицо получит со дня включения его Нацбанком в реестр микрофинансовых организаций при условии соответствия требованиям, предъявляемым законом. С этой же даты микрофинансовые организации вправе осуществлять микрофинансовую деятельность (ч. 1 п. 3 Указа № 394).

В данном контексте можно сделать вывод, что микрофинансовые организации обладают специальной правоспособностью, что и подтверждается наличием требования по виду осуществляемой деятельности и особого момента для приобретения статуса такой организации.

Необходимо отметить, что несмотря на развитие законодательства о микрофинансовых организациях, количество юридических лиц данного сектора услуг несколько уменьшилось по сравнению с 2020 г. за счет прекращения осуществления микрофинансовой деятельности именно некоммерческими микрофинансовыми

организациями. По состоянию на 14 октября 2021 г. в реестр включены 82 микрофинансовых организации, среди которых всего 1 некоммерческая [1].

Так, согласно отчету Национального банка за 2020 год, утвержденному Указом Президента Республики Беларусь от 04.05.2021 г. № 177, деятельность микрофинансовых организаций в 2020 году характеризовалась дальнейшим ростом объемов предоставленных денежных средств, количества договоров микрозайма и количества заемщиков. Вместе с тем потребительскими кооперативами предоставлено займов на 30 %, меньше, чем в 2019 г., а ломбардами – на 40,1 % больше, чем в 2019 г. Это свидетельствует о преимущественном преобладании в указанной сфере деятельности ломбардов, тогда как развитие некоммерческих микрофинансовых организаций отсутствует.

Таким образом, проведя анализ требований к микрофинансовым организациям, установленным в действующем законодательстве Беларуси, можно отметить, что под микрофинансовой организацией понимается юридическое лицо, созданное в определенной организационно-правовой форме, которое одновременно отвечает двум признакам: осуществляет микрофинансовую деятельность (т. е. выдачу микрозаймов) согласно установленным требованиям и внесено в реестр микрофинансовых организаций. Данный вывод коррелирует также и с определением микрофинансовой организации, закрепленным в ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 02.07.2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

В связи с необходимостью унификации используемых понятий и терминов в качестве первоочередной задачи при гармонизации законодательств стран – участниц ЕАЭС считаем необходимым дополнить Указ № 394 понятием микрофинансовой организации и определить его следующим образом:

«Микрофинансовая организация – юридическое лицо, которое осуществляет микрофинансовую деятельность и сведения о котором внесены в реестр микрофинансовых организаций в порядке, предусмотренном законодательством.»

Кроме того, в связи с наличием требования о внесении сведений о микрофинансовых организациях в реестр, необходимым и обоснованным видится создание единого реестра микрофинансовых организаций ЕАЭС с едиными требованиями по составу информации, включенной в него, так как потребители финансовых услуг и пользователи, анализирующие финансовый рынок, обычно используют информацию, представленную в открытом доступе на сайтах национальных(центральных) банков каждого государства. В силу разных причин, объем информации в открытом доступе существенно меньше всей имеющейся у регулятора информации, а создание общего финансового рынка предполагает доступ к полной и достоверной информации о поставщиках финансовых услуг на рынках стран ЕАЭС.

Библиографические ссылки

1. Сведения о микрофинансовых организациях, включенных в реестр микрофинансовых организаций, по состоянию на 14.10.2021 [Электронный ресурс] // Национальный банк Респ. Беларусь. URL: <http://www.nbrb.by/finsector/microfinance/register> (дата обращения: 14.10.2021).

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

В. В. Шпаковская

*Нотариальное бюро № 1 г. Бобруйска,
ул. М. Горького, 32-19, 213827, г. Бобруйск, Беларусь, shpv_v@mail.ru*

Рассматривается вопрос о включении цифровых активов в объекты гражданских прав как «иное имущество». Анализируется возможность наследования цифровых активов как по закону, так и по завещанию. Предлагается осуществлять наследование токенов не только по завещанию, но и по закону.

Ключевые слова: цифровые активы; объекты гражданских прав; наследование; завещание; криптовалюта.

Сегодня цифровые технологии являются неотъемлемой частью жизни современного человека. Слова «мессенджер», «электронная почта», «аккаунт», «криптовалюта» уже не являются для нас чем-то новым, а сервисы «Яндекс деньги», «WebMoney», «PayPal» считаются неотъемлемыми помощниками в нашей виртуальной жизни. Цифровая среда находится в постоянном развитии, тем самым порождая новые правовые институты и общественные отношения, которые требуют формирования актуальных норм права и механизмов правового регулирования.

Гражданское право, как и многие отрасли права, подверглось воздействию новых информационных технологий. Из-за появления в гражданском обороте цифровых активов, особое внимание уделяется вопросу о включения их в объекты гражданских прав.

Для этого необходимо обратиться к теориям объекта правоотношений: монистической и плюралистической.

С точки зрения монистической теории объект правоотношения должен обладать способностью к реагированию на правовое воздействие, но, так, как только человеческое поведение способно к этому, то его и следует признать объектом прав и обязанностей. Однако большее число теоретиков права склонны к плюралистической теории, согласно которой в качестве объекта правоотношения признается множество предметов: социальные явления и блага, предметы материального мира, продукты духовного творчества, личные неимущественные блага, поведение участников правоотношений и результаты такого поведения. Среди цивилистов есть сторонники монистической теории, полагающие, что объектом гражданских прав являются вещи (блага), включая и продукты духовного творчества в объективированной форме, поведение людей (действия). Ю. К. Толстой указывал, что вещи и «продукты духовного творчества» обладают свойствами, «с которыми нормы права связывают определенные правовые последствия». С точки зрения такого подхода цифровые права могут быть признаны объектом правоотношений, как, например, имущественные права [1, с. 105].

Е. А. Суханова пишет, что «смысл категории объектов гражданских прав заключается в установлении для них определенного гражданско-правового режима, т. е. возможности или невозможности совершения с ними определенных действий (сделок), влекущих известный юридический (гражданско-правовой) результат» [2, с. 158].

Цифровая сфера развивается стремительно быстро и вряд ли сбавит темп, уже сегодня она касается каждого из нас. Поэтому можно предположить, что это только вопрос времени, когда цифровые активы будут признаны объектом гражданских прав как «иное имущество».

Ввиду того, что на различных цифровых площадках могут храниться электронные деньги или криптовалюта, тем самым наделяя их имущественной ценностью, то возникает вопрос, что будет с ними после смерти лица, которому они принадлежали.

В ст. 1033 Гражданского кодекса Республики Беларусь указано, что «в состав наследства входят все права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на момент открытия наследства, существование которых не прекращается его смертью».

Не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя:

1) права членства (участия) в коммерческих и других организациях, являющихся юридическими лицами, если иное не установлено законом или учредительными документами;

2) право на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью;

3) права и обязанности по алиментным обязательствам;

4) права на пенсии, пособия и другие выплаты на основании законодательства о труде и социальном обеспечении;

5) личные неимущественные права, не связанные с имущественными (ч. 2 ст. 1033 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Данный перечень является закрытым.

Статья 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь к объектам гражданских прав относит:

вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права;

работы и услуги;

нераскрытая информация;

исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг;

нематериальные блага.

Если относить цифровые активы к «иному имуществу» объектов гражданских прав, то можно сделать вывод, что наследование цифровых активов будет осуществляться в порядке и на условиях, установленных законодательством.

Наследуя цифровые активы наследникам нужно будет доказать их принадлежность к наследодателю. Не стоит забывать, что бывают случаи, когда люди регистрируются на различных сервисах под вымышленными именами, тем самым установить факт принадлежности аккаунта/профиля к наследодателю весьма сложно. В подобных ситуациях наследникам нужно будет в судебном порядке доказывать принадлежность аккаунта/профиля к наследодателю.

Ввиду того, что собственники криптовалюты обезличены, данные о них нигде не содержатся, а правоустанавливающие документы не выдаются, то правомочия собственника по владению, пользованию и распоряжению криптовалютой осуществлять может лицо, которому известны номер электронного кошелька и его пароль. Поэтому, наследодателю необходимо заранее позаботиться о судьбе его цифровых активов.

Для того чтобы наследодатель был уверен, что учётные данные от цифровых активов станут известны наследникам только после его смерти, можно воспользоваться как открытой, так и закрытой формой завещания.

Статья 1046 Гражданского кодекса определяет, что закрытое завещание, должно быть собственноручно написано и подписано завещателем. Закрытое завещание передается в присутствии двух свидетелей, которые ставят на конверте свои подписи. Затем конверт, подписанный свидетелями и завещателем с указанием о разъяснении завещателю требований, установленных п. 2 ст. 1046 Гражданского кодекса Республики Беларусь, запечатывается в присутствии завещателя и свидетелей в другой конверт, на котором нотариус учиняет надпись, содержащую сведения о лице, от которого им принято закрытое завещание, о месте и дате его принятия, о фамилии, имени, отчестве и месте жительства каждого свидетеля.

Согласно п. 2.2. Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет) физические лица вправе владеть токенами и с учетом особенностей, установленных Декретом, совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить и завещать токены.

Таким образом, в отношении криптовалюты установлена императивная норма, предписывающая наследование токенов только по завещанию.

Можно предположить, что данная норма появилась ввиду того, что собственник токенов обезличен, а доказать наследникам их принадлежность к наследодателю будет сложно, поэтому наследодатель должен сам заранее позаботиться о том, кому они достанутся после его смерти. А что делать в том случае, когда завещания нет, а достойные наследники по закону есть и от наследства не отказываются. Признать выморочным наследство в данном случае не получится, в ст. 1038 Гражданского кодекса Республики Беларусь говорится, что «Если нет наследников ни по закону, ни по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать, либо все они отказались от наследства, наследство признается выморочным».

Целесообразно изменить императивную норму Декрета о завещании токенов, и осуществлять наследование токенов как по закону, так и по завещанию. Тем самым, в случае отсутствия завещания, наследники сами будут решать вопрос о доказывании принадлежности токенов к наследодателю, а в последующем, после получения свидетельства о праве на наследство, о возможности получения доступа к ним.

Таким образом, сегодня ведется множество дискуссий насчет того, относить ли цифровые активы к объектам гражданских прав в виде «иного имущества». Однако хочется отметить, что признание цифровых активов объектом гражданских прав, позволит обеспечить переход данного имущества от наследодателя к наследникам. Также в целях обеспечения правопреемственности имущества наследодателя, необходимо внести изменения в Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» и исключить императивную норму о наследовании токенов только по завещанию.

Библиографические ссылки

1. Овчинников А. И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. № 3. С. 104–112.

2. Суханов Е. А. Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. Москва : Статут, 2011.

СРОК ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ТРЕБОВАНИЯМ, ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ, И ПОРЯДОК ЕГО ИСЧИСЛЕНИЯ

М. Н. Шимкович

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь, Shymkovich2003@gmail.com*

В материале подвергнут критическому анализу подход белорусского законодательства к исчислению срока исковой давности по требованиям, вытекающим из договоров имущественного страхования и страхования ответственности, со дня окончания действия договора страхования, а также обращено внимание на сложности, которые возникают в правоприменительной практике в связи с применением данного подхода. Проанализировано законодательство государств – членов Евразийского экономического союза в этой части и сделаны соответствующие выводы.

Ключевые слова: срок исковой давности; личное страхование; имущественное страхование; страхование ответственности; Республика Беларусь; государства – члены Евразийского экономического союза.

В соответствии со ст. 856 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) по требованиям, вытекающим из договоров имущественного страхования и страхования ответственности, устанавливается общий срок исковой давности, исчисляемый со дня окончания действия договора страхования.

Анализ данной нормы ГК Республики Беларусь позволяет обратить внимание на два момента.

1. Положения ст. 856 ГК Республики Беларусь не устанавливают срок исковой давности для договоров личного страхования. Таким образом, к этим договорам применяется общий (трехлетний) срок исковой давности, исчисляемый по общим правилам (со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (ст. 201 ГК Республики Беларусь)).

2. По договорам имущественного страхования и страхования ответственности также установлен общий (трехлетний) срок исковой давности, но исчисляется он не по общим правилам, а с момента окончания действия договора страхования.

Установление различных подходов к исчислению срока исковой давности для разных видов страхования позволяет поставить вопрос о целесообразности таких различий, а также обратить внимание на сложности, которые возникают в правоприменительной практике в связи с исчислением срока исковой давности со дня окончания действия договора страхования.

Начало действия договора страхования определяется в соответствии с правилами п. 1 ст. 847 ГК Республики Беларусь. Договор страхования по общему правилу вступает в силу со дня уплаты страхового взноса (страховой премии) или первой его части, но в законодательных актах или правилах соответствующего вида страхования, утвержденных страховщиком либо объединением страховщиков и согласованных с органом, осуществляющим надзор и контроль за страховой деятельностью, может

быть предусмотрено иное. Например, договор внутреннего страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, заключенный в электронном виде, вступает в силу со дня, следующего за днем уплаты страхового взноса (его части), либо по желанию страхователя с любого дня в течение одного месяца со дня, следующего за днем уплаты страхового взноса (п. 167 Указа Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности»).

Договор страхования прекращается по истечении срока, на который он был заключен. В каждом договоре страхования такая дата четко определена. В соответствии со ст. 848 ГК Республики Беларусь договор страхования может прекращаться до окончания срока, на который он был заключен, если после вступления его в силу возможность наступления страхового случая отпала и страхование прекратилось по обстоятельствам, иным, чем страховой случай.

Полагаем, что подход законодателя к исчислению срока исковой давности с даты окончания действия договора страхования обусловлен большей степенью определенности этой даты. Однако, и у этого подхода есть слабые стороны. Особенно наглядно это можно продемонстрировать на динамично развивающихся в последнее время таких видах страхования как страхование профессиональной ответственности директоров, бухгалтеров, аудиторов, налоговых консультантов, нотариусов, а также инженеров и архитекторов по проектно-испытательской деятельности, у которых причинение вреда из-за допущенных ими ошибок в период действия договора страхования может произойти, но через много лет после окончания срока страхования.

Так, например, событие, которое признается страховым случаем по договору страхования профессиональной ответственности бухгалтера может быть выявлено в результате проверки, проводимой налоговыми органами. Очевидно, что сроки проверки могут превышать установленные сроки действия договоров страхования и сроки исковой давности, особенно на фоне либерализации в этой области. В итоге вред, причиненный в застрахованный период, выявляется за пределами этих сроков. Получается, что страхователь будет иметь право на страховую защиту только в течение трех лет со дня завершения своего полиса. Такая ситуация приводит к нарушению интересов не только страхователя, но и его контрагента – ведь одно дело получить выплату от страховщика и совсем другое взыскать ущерб с виновника.

Следует отметить, что некоторые страховщики, понимая данную проблему, пытаются решить ее в правилах страхования по соответствующему виду.

Так, например, в соответствии с п. 7 Правил № 76 БРУСП «Белгосстрах» «Добровольного страхования гражданской ответственности за причинение вреда и расходов в связи с осуществлением профессиональной деятельности», согласованных Министерством финансов Республики Беларусь 3 марта 2004 г., рег. № 108 (с изм. и доп. от 06.11.2018 г.), «страховым случаем признаётся факт допущения в период действия договора страхования страхователем (ответственным лицом), нотариусом или работниками страхователя (ответственного лица) профессиональной небрежности, установленной компетентными органами, при осуществлении указанной в договоре страхования профессиональной деятельности, повлекшей: причинение вреда жизни, здоровью, имуществу, имущественным правам выгодоприобретателя и (или) окружающей среде и предъявление страхователю (ответственному лицу) обоснованных требований о возмещении причинённого вреда. Требование признаётся обоснованным, если оно в соответствии с законодательством подлежит удовлетворению (влечёт ответственность страхователя (ответственного лица) за причинённый вред) и заявлено не позднее 3 (трёх) лет со дня окончания срока действия договора страхования, а в

случае если требование выгодоприобретателя к страхователю (ответственному лицу) основано на результатах проверки компетентного государственного органа или организации, оконченной по истечении 3 (трёх) лет со дня окончания срока действия договора страхования, — не позднее 5 (пяти) лет со дня окончания срока действия договора страхования».

Или, например, в соответствии с п. 5.6. Правил № 22 Добровольного страхования профессиональной ответственности, утвержденных генеральным директором ЗАСО «Промтрансинвест» 5 октября 2018 г., согласованных Министерством финансов Республики Беларусь 5 ноября 2018 г. рег. № 1027 (с изм. и доп. от 18.09.2020 г.), «для аудиторов, аудиторских организаций, организаций и индивидуальных предпринимателей, оказывающих бухгалтерские услуги, организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность по налоговому консультированию, срок действия договора страхования состоит из двух периодов: срока страхования и периода ожидания. Период ожидания — период времени продолжительностью 4 года (после окончания срока страхования), в течение которого может быть выявлен факт причинения вреда имуществу (имущественным правам) третьих лиц в результате ошибок и упущений страхователя (его работников) при осуществлении профессиональной деятельности».

Однако мы считаем, что закрепление в правилах страхования данных положений не является решением проблемы, поскольку, во-первых, далеко не все страховые компании пытаются решать эту проблему в соответствующих правилах страхования. Анализ правил страхования по данным видам страхования белорусских страховщиков показал, что большинство страховых компаний либо вообще не касаются данного вопроса в правилах страхования, либо просто ссылаются на соответствующие нормы ГК Республики Беларусь о сроке исковой давности. Во-вторых, установление периода ожидания или иного более длительного срока по истечении срока действия договора, не есть установление иного срока исковой давности. Ст. 199 ГК Республики Беларусь исключает возможность сторонам своим соглашением удлинять или сокращать продолжительность сроков исковой давности, определять момент отсчета, изменять порядок исчисления, основания приостановления и перерыва их течения. Недействительным является и соглашение сторон о недопущении ссылки на пропуск срока исковой давности в случае судебного разбирательства. Таким образом, если страхователь обратиться в суд с соответствующим иском по истечении срока исковой давности, о применении которой будет заявлено страховщиком, то в силу п. 2 ст. 200 ГК Республики Беларусь это будет являться основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

В связи с этим мы считаем, что данный подход законодательства к исчислению срока исковой давности по спорам, вытекающим из договоров страхования, с момента окончания действия договора страхования требует изменения по следующим причинам.

Во-первых, как уже было сказано ранее, это приводит к нарушению интересов не только страхователя, но и контрагента страхователя (например, организации, которая прибегала к услугам бухгалтера, аудитора и т.п.).

Во-вторых, мы считаем, что течение срока исковой давности не может начаться ранее момента нарушения права. Неисполнение обязательства должником нарушает субъективное материальное право кредитора, а значит право на иск возникает с момента нарушения права кредитора, и именно с этого момента определяется начало

течения срока давности (с учетом того, когда это стало известно или должно было стать известно кредитору).

В-третьих, в условиях углубления экономической интеграции и создания в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) общего финансового рынка одним из приоритетных направлений является гармонизация законодательства государств – членов ЕАЭС путем установления сходных (сопоставимых) правил правового регулирования. Однако, действующее правовое регулирование вопросов срока исковой давности по требованиям, вытекающим из договора страхования, в странах ЕАЭС имеет существенные различия.

Так, например, в ст. 966 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определяется, что срок исковой давности по требованиям, вытекающим из договора имущественного страхования, за исключением договора страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, составляет два года. По требованиям, вытекающим из договора страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, срок исковой давности составляет три года. Специальных правил о начале исчисления срока исковой давности не устанавливается ст. 966 ГК РФ. Соответственно применяются общие правила исчисления начала срока исковой давности – со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1 ст. 200 ГК РФ). И если до 2013 г. российские суды в основном исходили из того, что срок начинает исчисляться с момента страхового случая, то в 2013 г. произошло изменение подхода судебной практики к исчислению срока исковой давности по спорам, вытекающим из договора страхования. Новый подход был закреплен в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 20 «О применении законодательства о добровольном страховании имущества граждан» и состоял в том, что срок исковой давности по мнению высшей судебной инстанции следует исчислять с момента отказа страховщика в выплате страхового возмещения или осуществления выплаты в неполном размере.

В главе 40 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК), а также в Законе Республики Казахстан от 18 декабря 2000 г. № 126 «О страховой деятельности» отсутствуют нормы, регулирующие вопросы срока исковой давности по договору страхования и порядка его исчисления. Однако, в п. 4 постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 6 октября 2017 г. № 8 «О судебной практике по спорам, вытекающим из договора страхования» определяется, что на требования, вытекающие из договоров страхования, распространяется общий срок исковой давности – три года.

Этот срок исчисляется с того момента, когда выгодоприобретателю или страхователю (застрахованному) стало известно о нарушении его прав – принятии решения об отказе в осуществлении страховой выплаты или уменьшении ее размера, а если решение не принято – с момента окончания срока, установленного законом или договором для осуществления страховой выплаты. Для предъявления иска страховщика к страхователю в порядке обратного требования трехлетний срок исчисляется с момента осуществления страховой выплаты.

В Гражданском кодексе Кыргызской Республики (далее – ГК КР), а также в Законе Кыргызской Республики от 23 июля 1998 г. № 96 «Об организации страхования в Кыргызской Республике» специальной нормы в отношении срока исковой давности по договору страхования нет. Соответственно применяется общий срок исковой давности (ст. 212 ГК КР) и исчисляется он по общим правилам (ст. 216 ГК КР).

В ст. 1022 Гражданского кодекса Республики Армения (далее – ГК РА) определяется, что иск по требованиям, вытекающим из договора имущественного страхования, может быть предъявлен в течение двух лет. Начало исчисления срока исковой давности определяется по общим правилам (ст. 377 ГК РА).

Таким образом, следует отметить, что только Республика Беларусь определяет начало течения срока исковой давности со дня окончания действия договора страхования. В остальных государствах – членах ЕАЭС применяются общие правила исчисления начала срока исковой давности – со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права.

Мы поддерживаем позицию Верховного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Республики Казахстан и считаем, что не есть правильным исчислять срок исковой давности с момента наступления страхового случая. Наступление страхового случая означает лишь возникновение права страхователя обратиться с требованием к страховщику о страховой выплате, сама же реализация права на страховую выплату осуществляется в порядке, предусмотренном договором страхования или законом. Поэтому, если в договоре страхования или в законе установлен срок для страховой выплаты, то течение срока исковой давности начинается с момента, когда страхователь узнал или должен был узнать об отказе в выплате страхового возмещения или о выплате его в неполном объеме в этот срок, а при несовершении таких действий – с момента окончания срока, установленного для страховой выплаты.

Если же в договоре страхования или в законе не установлен срок для страховой выплаты, то подлежат применению правила ч. 2 п. 2 ст. 201 ГК Республики Беларусь, согласно которым по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, срок исковой давности начинает течь со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства.

Несомненно, есть слабые стороны и у подхода к отсчету исковой давности с момента отказа страховщика в страховой выплате, в судебной практике могут возникать трудности, связанные с определением точного момента отказа или выплаты страхового возмещения не в полном объеме. Однако аналогичные трудности могут возникать и при определении точного момента окончания действия договора страхования или при определении момента наступления страхового случая, если он носит длящийся характер либо точное время его наступления неизвестно.

Еще один вопрос, который может возникнуть в связи с исчислением срока исковой давности с момента отказа страховщика в страховой выплате, связан с тем, что по некоторым видам страхования не установлен срок, в течение которого страхователь вправе обратиться к страховщику с требованием о выплате страхового возмещения, а срок исковой давности начинает течь только после такого обращения и после отказа страховщика в страховой выплате.

Это может приводить к появлению «вечных» требований с излишне растянутым сроком исковой давности. Однако, и данная проблема может быть решена путем установления объективного срока исковой давности, как это сделано в п. 2 ст. 196 ГК РФ, который не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен.

Таким образом, подытожив все вышесказанное, следует отметить, что действующая редакция ст. 856 ГК Республики Беларусь требует изменения.

Несомненно, необходимость и значение исковой давности заключается в том, что установление спорных обстоятельств по истечении длительного времени не всегда может быть произведено с необходимой достоверностью, и лица, к которым

предъявлены необоснованные и давно погашенные требования, часто не располагают необходимыми доказательствами в свою защиту. Применение исковой давности имеет целью защитить права того, кто в действительности не обязан. Однако, одновременно исковая давность побуждает стороны в правоотношении своевременно заботиться об осуществлении и защите своих прав и тем самым способствует укреплению финансовой и хозяйственной дисциплины в гражданском обороте.

Для большинства видов страхования особых проблем, связанных с исчислением срока исковой давности, не существует, так как события, которые могут быть признаны страховым случаем, носят, как правило, очевидный характер, оперативно фиксируются и заявляются страховщику (пожар, авария, дорожно-транспортное происшествие и т.п.).

Владельцы залитых квартир, похищенных грузов и разбитых машин заинтересованы в скорейшем получении страховых выплат и тянуть время не в их интересах, но применительно к страхованию профессиональной ответственности такая ситуация приводит к нарушению интересов не только страхователя, но и его контрагента.

Кроме того, считаем необходимым отметить, что нет необходимости в установлении разных подходов к исчислению сроков исковой давности по разным видам страхования, нет необходимости и в установлении сокращенного срока исковой давности по отдельным видам страхования.

Полагаем, что для всех требований, вытекающих из договора страхования должен быть установлен общий срок исковой давности (три года) и исчисляться он должен по общим правилам (ст. 202 ГК Республики Беларусь). Мы считаем, что данный подход является обоснованным теоретически, создает дополнительные гарантии защиты прав страхователя как слабой стороны договора страхования и направлен на гармонизацию законодательства в рамках общего финансового рынка государств — членов ЕАЭС.

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРИНЦИПОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Н. И. Яночкина

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
ул. Московская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь,*

Рассмотрены принципы гражданского права и возможность их отнесения к принципам законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность. Аргументирован вывод о том, что ряд принципов гражданского права не может быть рассмотрен в качестве принципов законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность, в том числе это принципы равенства участников, свободы договора, а также беспрепятственного осуществления гражданских прав. На конкретных практических примерах доказано, что определенные принципы гражданского права при регулировании хозяйственной деятельности не применимы, что демонстрирует органичную связь с предметом гражданско-правового и хозяйственно-правового регулирования.

Ключевые слова: принципы хозяйственной деятельности; принципы гражданского права; свобода договора; равенство участников.

Правовые принципы той или иной отрасли права определяют сущность рассматриваемой отрасли права и в силу их юридического закрепления в нормах конкретной отрасли права, имеют общеобязательное значение. В связи с тем, что характеристика каждой правовой отрасли осуществляется в зависимости от предмета и метода регулирования, любая отрасль права обладает своей индивидуальной совокупностью принципов, выполняющих функцию конкретизации и индивидуализации общеправовых и конституционных принципов относительно данной отрасли.

Гражданское и хозяйственное право не стали исключением. Н. Л. Бондаренко верно указывает на то, что принципы хозяйственного права весьма специфичны и не могут сводиться к перечню основных начал гражданского законодательства [1, с. 16].

С принятием Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) правовые принципы впервые текстуально закреплены в нормах национального гражданского законодательства. Однако в среде белорусских цивилистов до сих пор не достигнуто единство мнений относительно того, какие принципы гражданского права следует отнести к числу отраслевых, а какие таковыми не являются. Принципы хозяйственной деятельности вообще текстуально не закреплены на законодательном уровне, однако анализ нормативных правовых актов, а также изучение доктринальных источников хозяйственного права позволяет их установить. Перечень данных принципов, так же, как и принципов гражданского права, является открытым.

В тоже время, отметим, что системообразующим критерием любой отрасли права, общим условием существования каждого структурного подразделения выступает предмет правового регулирования, так как метод и принципы производны от него. Соответственно, в систему принципов гражданского и хозяйственного права должны подлежать включению исключительно те принципы, которые находятся в органичной связи с предметом гражданско-правового и хозяйственно-правового регулирования. На это указывает и О. А. Кузнецова, приходя к справедливому выводу о том, что «в систему принципов гражданского права могут входить только те принципы,

которые связаны с регулированием общественных отношений, входящих в предмет гражданского права» [2, с. 80].

Принципы гражданского законодательства закреплены в ст. 2 ГК. Рассмотрим на конкретных примерах, как соотносятся принципы гражданского права и принципы законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность, беря за основу закрепленные в ст. 2 ГК принципы гражданского законодательства.

Полагаем, что первые два принципа, нашедшие закрепление в ст. 2 ГК (принцип верховенства права и принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности), относятся к числу общеправовых принципов, которые важны не только для сферы хозяйственного и гражданского права, но и для других отраслей права. А влияние принципа социальной направленности регулирования экономической деятельности больше наблюдается на стадии нормотворчества. Поэтому, на наш взгляд, закрепление такого принципа в хозяйственном законодательстве излишне, так как хозяйственное право регулирует публичные отношения и интересы. Рассмотренные принципы не отражают специфику хозяйственно-правового регулирования, равно как и специфику гражданско-правового регулирования, они структурно связаны со всей системой правовых норм, выступают элементами системы общеправовых принципов.

Важные для регулирования гражданско-правовых отношений принципы равенства участников, свободы договора, а также беспрепятственного осуществления гражданских прав не специфичны для сферы хозяйственно-правовых отношений.

Так, к примеру, в сфере хозяйственной деятельности иногда допускается предоставление преимуществ и привилегий, которое в гражданско-правовых отношениях будет рассматриваться, как ограничение принципа равенства, так как субъекты гражданского права равны перед законом, участвуют в гражданских отношениях на равных, имеют право на равную защиту прав и законных интересов. Правовая природа льгот и преференций далеко не частноправовая, а публично-правовая, что вступает в противоречие с принципом равенства, закрепленным для гражданско-правовых отношений. Н. Л. Бондаренко верно отмечает, что «посредством установления преференциальных режимов для стимулирования инвестиционной и инновационной активности субъектов хозяйствования достигается ускоренное развитие приоритетных отраслей экономики» [1, с. 16]. Предоставление преференций и льгот отдельным категориям субъектов хозяйствования – это один из способов государственного регулирования предпринимательской деятельности. Между тем, согласимся с Ю. А. Амелъченей, что обоснованность и целесообразность их установления определяется различными факторами [3]. К примеру, Декретом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2012 г. № 6 «О стимулировании предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности» (далее – Декрет № 6) предоставляется широкий круг преференций субъектам хозяйствования в целях стимулирования предпринимательской деятельности на территории средних, малых городских поселений, сельской местности. Например, абз. 2 подп. 1.1 п. 1 Декрета № 6 предусмотрено право не исчислять и не уплачивать налог на прибыль коммерческим организациям в отношении прибыли, полученной от реализации товаров (работ, услуг) собственного производства, на которые имеется сертификат продукции собственного производства (сертификат работ и услуг собственного производства). В то же время отметим, что за процессом использования льгот установлен контроль в целях недопущения злоупотребления. Рассмотрим пример из практики.

При проведении выборочной проверки организации, зарегистрированной на территории малого городского поселения, установлено, что данный плательщик в проверяемом периоде применял освобождение от уплаты налога на недвижимость в соответствии с Декретом № 6 в отношении здания, в котором располагался объект общественного питания (буфет), где плательщиком осуществлялась реализация алкогольной продукции и табачных изделий. При таких обстоятельствах право на применение указанной льготы у плательщика отсутствовало, так как согласно абз. 10 подп. 1.8 п. 1 Декрета № 6 положения, содержащиеся в подп. 1.1–1.3 п. 1 Декрета № 6, не распространяются на коммерческие организации, обособленные подразделения в части осуществления ими производства и (или) реализации подакцизных товаров. По результатам проверки доначислен налог на недвижимость, организация и виновное должностное лицо привлечены к административной ответственности [4].

Целый комплекс преференций предоставлен Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8). Пунктом 3 Декрета № 8 предусмотрен ряд льгот и преференций участникам отношений, связанных с использованием современных технологий, причем многие из которых не обусловлены наличием статуса резидента ПВТ. Главным образом, они касаются обращения токенов [5].

Стоит также обратить внимание на то, что принцип неприкосновенности собственности в сфере хозяйственных правоотношений применим в ограниченном порядке. В гражданско-правовых отношениях этот принцип предполагает то, что принудительное отчуждение допустимо исключительно при наличии мотивов общественной необходимости при соблюдении законодательно предусмотренного порядка, с компенсированием стоимости отчужденного имущества, либо же по постановлению суда. Обусловленная субъектным составом и объектом правоотношений, сложность правоотношений в сфере хозяйственной деятельности влечет помимо воли собственника возможность ограничения определенным образом его правомочий. Так, к примеру, согласно ч. 8 ст. 100 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» лицам, в распоряжении которых находится имущество должника, запрещается совершать сделки с этим имуществом со дня, когда они узнали или должны были узнать о вынесении судом определения об открытии конкурсного производства, до прекращения производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) или завершения ликвидационного производства. Таким образом, законодательством об экономической несостоятельности действительно установлен запрет с момента открытия конкурсного производства на совершение собственником и иными лицами сделок, связанных с имуществом должника.

Стоит также отметить, что при осуществлении субъектами хозяйствования хозяйственной деятельности, как правило, наблюдаются отношения зависимости субъектов хозяйствования, в то время как для сферы гражданско-правового регулирования характерно равенство всех участников гражданско-правовых отношений. Законодатель использует такие понятия, как «взаимосвязанные» и «аффилированные» лица, для того, чтобы продемонстрировать специфичность взаимоотношений между субъектами, осуществляющими хозяйственную деятельность. Такая специфика обусловлена различными формами контроля и разнообразием форм зависимости. Таким образом, мы можем говорить о том, что хозяйственной деятельности более присущ конституционный принцип многообразия форм собственности, чем принцип ее

неприкосновенности, который имеет место в сфере регулирования гражданско-правовых отношений.

К числу основных начал хозяйственного законодательства не может быть отнесен и принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав. Законом закреплено исключительное право государства на осуществление отдельных видов деятельности. К примеру, в соответствии со ст. 10 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169-З «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» к видам деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства, относятся ведение Национальной системы мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь, лесоустройство, землеустройство, навигационная деятельность, обеспечивающая оборону и безопасность государства, добыча, переработка руд драгоценных и радиоактивных металлов, руд редкоземельных элементов, драгоценных камней, деятельность по учреждению, организации и проведению лотерей в Республике Беларусь и др.

Для ведения многих видов предпринимательской деятельности необходимо специальное разрешение (лицензия) компетентного государственного органа. В приложении 1 к Положению о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденному Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности», содержится перечень видов деятельности, осуществление которых возможно только при наличии лицензии.

Необходимо также обратить внимание на то, что принцип свободы договора также ограничивается для некоторых субъектов хозяйствования. Законодательство предусматривает ряд ограничений в деятельности субъектов естественных монополий (далее – монополисты). Одним из таких ограничений является недопустимость отказа от заключения договора с отдельными потребителями на оказание услуг, относящихся к сферам естественных монополий, при наличии у монополистов технической возможности оказать такие услуги.

В случае незаконного отказа от заключения договора Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ) вправе выдать монополисту предупреждение. Рассмотрим пример из практики МАРТ.

МАРТ установлено, что коммунальное дочернее производственное унитарное предприятие «В» отказало частному унитарному предприятию «Б» в заключении договора на оказание услуг по приему и очистке сточных вод и (или) жидких отходов на очистные сооружения г. Заславля, имея при этом техническую возможность оказывать такие услуги. Таким образом, усмотрены признаки нарушения ограничений, установленных абз. 3 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 162-З «О естественных монополиях», и 18 сентября 2020 г. выдано предупреждение МАРТ о необходимости: 1) отмены приказа коммунального дочернего производственного унитарного предприятия «В» от 22 марта 2019 г. № 132 «О закрытии очистных сооружений города Заславля»; 2) информирования частного унитарного предприятия «Б» и иных хозяйствующих субъектов, которые были уведомлены об издании данного приказа, о его отмене [6].

В связи с вышеизложенным, мы поддержим убеждение Н. Л. Бондаренко в том, что «качество законов и эффективность правового регулирования во многом зависят от того, насколько правильно определены принципы, положенные в его основу» [1, с. 17].

Подводя итог, мы должны обратить внимание на то, что принципы хозяйственной деятельности определяют границы правомерного поведения субъектов, которые реализуют гарантированную основным законом государства свободу хозяйственной деятельности. Принципы в нормотворческой деятельности – идеи о наиболее эффективном правовом регулировании соответствующих отношений. Они определяют его дальнейшее развитие. В связи с этим, представляется актуальным установить и закрепить систему принципов хозяйственного законодательства в Хозяйственном кодексе Республики Беларусь, разработкой которого, на наш взгляд, следует заняться законодателью. При этом, стоит обращать внимание на специфику принципов хозяйственного законодательства, и не допустить их полного приравнивания к принципам гражданского права. Данная проблематика может стать одним из направлений исследования в рамках белорусской национальной научной школы хозяйственного права [7].

Библиографические ссылки

1. Бондаренко Н. Л. Хозяйственное право как самостоятельная отрасль права Республики Беларусь: предмет, метод, принципы // Теоретико-прикладные перспективы научного обеспечения современного развития экономики : материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 23 мая 2019 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности; Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Институт управленческих кадров, Фак. управления, Каф. гражданского и хозяйственного права ; [под ред. В. С. Каменкова, Н. Л. Бондаренко]. – Минск : БГУ, 2019. С. 13–18.
2. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006. 269 с.
3. Амельченя Ю. А. Некоторые аспекты применения преференциальной поправки в сфере государственных закупок [Электронный ресурс] : [по состоянию на 20.06.2013 г.] // Официальный правовой портал ilex.by. URL: <https://ilex-private.ilex.by> (дата обращения: 14.10.2021).
4. Дубок А. С. Декрет № 6: контроль за применением льгот [Электронный ресурс] : [по состоянию на 18.08.2020 г.] // Налоги Беларуси. 2020. № 31. URL: <https://ilex-private.ilex.by>. (дата обращения: 14.10.2021).
5. Шевченко А. П. О совершенствовании деятельности Парка высоких технологий и развитии цифровой экономики в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : [по состоянию на 20.03.2018 г.] // Официальный правовой портал ilex.by. URL: <https://ilex-private.ilex.by> (дата обращения: 14.10.2021).
6. Волуевич Ю. В. Незаконный отказ монополиста от заключения договора: пример из практики [Электронный ресурс] : [по состоянию на 22.09.2020 г.] // Официальный правовой портал ilex.by. URL: <https://ilex-private.ilex.by> (дата обращения: 14.10.2021).
7. Бондаренко Н. Л. Создание научной школы хозяйственного права в контексте решения задачи развития хозяйственного права в Республике Беларусь // Третьи цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной [Электронный ресурс] : сборник статей / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; под общ. ред. Н. Л. Бондаренко, Т. М. Халецкой. Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь. С. 33–37.

THE MAIN ASPECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION IN THE FIELD OF E-COMMERCE IN CHINA

Y. Haurylchanka, P. Wenjing

*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
haurylchanka@bsu.by, bxsxxx@gmail.com*

The article deals with the problems of intellectual property protection in the sphere of electronic commerce. The authors analyze norms of "E-Commerce Law of the People's Republic of China". It is emphasized that the law is a special normative act, and therefore has a higher force in relation to general norms. The authors pay attention to the problem of implementing the "notification-deletion" rule and come to the conclusion that this rule should be improved.

Ключевые слова: e-commerce; intellectual property; legislation; hierarchy of legal acts "notification-deletion" rule.

Since the world wide web was developed in 1989, it transformed the Internet from a technological infrastructure into a popular network linking people in diverse communities throughout the world, what followed is the arrival of the Internet age. As of January 2021, the numbers of active internet users worldwide has reached 4.66 billions, which is 59.5 % of the global population. From 2015 to 2019, the Permeability of Internet users worldwide has risen from 16.8% to 53.6%. Regionally, Europe owns the most usage rate of Internet and Africa owns the least usage rate of Internet. Especially, the north Europe has the highest Internet penetration-97%. Since the global internet usage rate is 51.4%, there is still space for the rate to increase [1].

Internet has brought tremendous changes into our lives. In the age of Internet, there have been many unprecedented new forms of commerce have appeared and they are gradually changing people's lives.

E-commerce is the activity of electronically buying or selling of products on online services or over the Internet. E-commerce arises from the development of the internet and has become the main business application model worldwide.

In China, the "E-Commerce Law of the People's Republic of China" was officially implemented on January 1, 2019 (hereinafter referred to as the "E-Commerce Law"). Articles 41 to 45 provide a complete construction of the legal system for intellectual property protection of China's e-commerce platforms. The protection system takes the platform as the core and establishes the intellectual property protection system. This system can be regarded as a major development in intellectual property protection in the field of e-commerce. The provisions of Articles 41 to 45 of the "E-Commerce Law" only apply to e-commerce platform operators and not to other fields. The obligations and responsibilities of operators in other fields to protect intellectual property rights are subject to general legal provisions.

The regulations pay more attention to the leading role of e-commerce platforms in the online trading environment, and pay more attention to their efficient advantages and control capabilities in the governance of the online environment. These regulations generally put forward a new approach to the serious problem of intellectual property infringement in the field of e-commerce: enhance the governance function of e-commerce platform operators, and require them to assume more responsibilities and obligations for actively managing intellectual property issues. For example, e-commerce platform operators can independently manage, formulate intellectual property protection rules, and implement intellectual property

governance measures. These powers are not only their governance powers, but also their legal obligations.

As the first comprehensive law in the field of e-commerce in China, the "E-commerce Law" has established a specific intellectual property protection system for e-commerce platforms. It provides a basic criterion in the field of e-commerce, which is in line with the "Tort Liability Law", "Trademark Law", "Patent Law", "Copyright Law", "Anti-Unfair Competition Law", etc., in order to clarify and standardize e-commerce platforms and platform sellers. It provides a basis for intellectual property governance obligations and legal responsibilities, and escort the protection of the healthy development of e-commerce.

It also must be understood that although the "E-commerce Law" is the basic law of e-commerce, it is only the basic law applicable to the field of e-commerce. In other words, in the field of e-commerce, the "E-commerce Law" is still a special law applicable in special fields, compared to the general provisions of basic civil and commercial law, intellectual property law and even Internet law. Therefore, compared with the "Tort Liability Law" and the "Civil Code" Infringement Liability Code, the "Copyright Law" and other major intellectual property laws, and the "Regulations on the Protection of the Right of Network Information Dissemination" and even the "Cyber Security Law", etc., the "E-Commerce Law" occupies the status of a special law. Therefore, the relevant provisions of the "E-commerce Law" in the field of e-commerce, if they conflict with the above-mentioned general provisions, shall be deemed to have priority application effect in accordance with the "Special Law Superior to General Law" rule of the "Legislative Law of the People's Republic of China".

The "E-Commerce Law" introduces the "notification-deletion" rule, which plays an important role in the protection of intellectual property. The "notification-delete" rule proposed in Articles 41 to 45 first appeared in the second part of the US Digital Millennium Copyright Act "Limitations of Liability for Online Copyright Infringement". A similar provision is made in Article 22 of China's "Regulations on the Protection of the Right to Propagate Information on the Internet", expressing "notification-deletion" as an exemption clause. However, in the e-commerce law, this system has not only been used as an exemption clause for defense of infringement liability, but also as an imputation clause for determining infringement liability.

According to the relevant provisions of the E-Commerce Law, the platform shall take necessary measures in a timely manner after receiving the qualified notice from the right holder and forward it to the operator on the platform. If the operator on the platform has objections, it can counter-notify and the platform receives the counter-notification. After that, it should be forwarded to the right holder and told to file a complaint or prosecution with the public authority. If the platform does not receive the notice of complaint or prosecution within 15 days after the counter-notification reaches the right holder, the measures taken shall be terminated.

Although the "notification-delete" rule originated in the second part of the United States Digital Millennium Copyright Act [2], the "Online Copyright Infringement Liability Limitation", its purpose is to provide a safe haven system for network service providers, but in China, the "notice-delete" system is concluded from the design and application of the system that the value of the system is mainly reflected in the ability to quickly stop infringements at a very low cost, without the right holders needing to file a lawsuit. It is precisely because of the rapidity and convenience of the system in the implementation process that it inevitably reduces the accuracy of the platform in judging notifications, which leads to the problems of false notifications and malicious notifications. The legislators are also aware of

this, so the Electronic Commerce Law has added a counter-notification procedure, and also stipulates the legal liability of double compensation for malicious notification.

But even so, according to the data reported by the platform, the proportion of false notifications and malicious notifications is still worrying. If the phenomenon of malicious complaints is not regulated, it will only intensify. This is not unreasonable speculation. First of all, because compared with information network dissemination rights, patent and trademark infringement judgments are more professional. Generally, platforms can only conduct formal inspections on notifications without substantive reviews. Malicious complainants take advantage of the fact that the platform does not conduct substantive review to make malicious complaints against competitors' links. Although the complaint may not be effective in the end, the complained link may be disconnected as a result for 15 days, causing huge commercial losses. Secondly, because the competition between product links is particularly fierce within the platform, the actor has a particularly strong motivation to abuse the "notify-delete" rule for unfair competition. Thirdly, the consequences of the counter-notification provided by the E-Commerce Law cannot immediately terminate the effect of the necessary measures. Instead, it must enter a 15-day waiting period. In the ever-changing platform competition, it is likely to cause huge commercial losses to the notified party, such as before the promotion day or before the holiday. Finally, although the e-commerce law provides for the «ex post» remedy for damage caused by wrong or malicious notifications, it takes time and effort for the notified person to obtain compensation and relief. Even if the lawsuit is won, it is very difficult to calculate the loss, which often leads to malicious complainants can't pay the right price.

A system cannot be perfect. Under the condition that the proportion of error handling is not high, the loss of the author should be tolerated, because the benefits of providing a fast and convenient system for rights protection greatly exceed the losses caused by the wrong notification. However, if the proportion of mistaken deletions is too high, and the loss of mistaken deletion under the operation of the rule is even higher than the benefits of quick rights protection, then this rule will lose its rationality. Not only the interests of the notified person are easily damaged by malicious notifications, but the normal operating order of the entire platform can also be disrupted. Thus, this norm should be improved.

References

1. Internet usage worldwide [Internet].2021 [cited 2021 October 15]. Available from: <https://www.statista.com/topics/1145/internet-usage-worldwide/>
2. The United States Digital Millennium Copyright Act <https://www.copyright.gov/dmca/>

LEGAL REGULATION OF SCI-TECH FINANCE AND ITS EFFECTS TO SCI-TECH INNOVATION OF CHINA

Y. Haurylchanka¹⁾, C. Jianyong²⁾

*¹⁾Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
haurylchanka@bsu.by,*

*²⁾Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus,
cgy200612373@gmail.com*

This article deals with the problem of legal regulation of sci-tech finance in China. It provides a definition of sci-tech finance and characterizes the Chinese legislation regulating this area. The authors formulate some proposals for improving the legal regulation of sci-tech finance in China.

Ключевые слова: sci-tech finance; China legislation; regulation; internet finance; decentralized cryptocurrencies; AI.

The so-called sci-tech finance is essentially a diversified technology finance system focusing on the transformation of scientific and technological achievements and high-tech industries. Currently, sci-tech finance maturity is the stage of optimized development under government guide [1].

The use of the term "sci-tech finance" in China originated from "Sci-tech Progress Law of the People's Republic of China" (1993) [2].

Foreign scholars didn't pay enough attention the concept of "sci-tech finance". Different experts and scholars have given different explanations, but they all continue the logic of financial service technology, technology capitalization, and the mutual promotion and interdependence of finance and technology [3].

Regulation of sci-tech finance also faces a number of difficulties. Regulation may inhibit or stimulate technological innovation. Technology and regulation are often posed as adversaries. Technology symbolizes markets, enterprise, and growth, while regulation represents government, bureaucracy, and limits to growth [4]. Many sci-tech innovation activities have obvious uncertainties and risks. Because finance is central to the economy, is social and political, and is non-stationary [5]. However, financial system including more supporting tools and varieties has been formed. In the process of vigorously promoting the innovation of tools and varieties of financial support for technological innovation, effective regulation and supervision of these supporting tools and varieties is particularly important, and it is urgent.

China experienced serious problems because of lacking legal regulations of sci-tech finance in the past few years. In particular, China announced many administrative regulations to advocate capital invest in long-term technological innovation, such as semiconductor, instead of over speculation in capital market and real estate market. But, because of lacking legal regulation in sci-tech finance, many companies cheat to invest in sci-tech innovation, they constantly invest the capital into real estate.

The overall trend of China's sci-tech innovation has been improving in recent years. Over 29 government legal regulation documents about sci-tech finance were issued. The number of Patent in Force in R&D Institutions of Local Governments, the number of New Products Development and Sale of Industrial Enterprise, and the Value of Imports and Exports of High-tech Products were show thriving trends of sci-tech innovation in China.

As a result of our research, it was found that legal regulation of sci-tech finance in China suffered from:

- 1) Lacking law making on sci-tech legal regulation, it includes: internet finance, decentralized cryptocurrencies and P2P lending.
- 2) Weakness of enforcement, including: lacking international legislation cooperation and enforcement and insufficient talents in court.
- 3) Insufficient in introducing technology.
- 4) Lacking mechanism innovation, including: crowdfunding financing and low legal hierarchy.

In order to solve these problems, suggestions are:

- 1) Scientifically making laws and regulations, including formulate detailed legal regulation, revision financing guarantee laws, improve law for venture capital, improve intellectual property law and eliminate the inconsistency between legal.
- 2) Strengthen enforcement of sci-tech finance legal regulation, including: strengthen enforcement of sci-tech finance legal regulation refers to improve legal supervision of shadow banking and improve internet financial supervision and using principle-oriented supervision.
- 3) Scientifically introducing technology, including: promote financial system innovation, regulate fintech, introduce blockchain, introduce AI, introduce regulatory technology and promote financial system innovation.
- 4) Promote mechanism innovation, including: SEC act as financial stability, establish long-term mechanism, establish departmental linkage mechanism, set multidimensional responsibilities for stakeholders, establish joint international regulatory regime, develop institutional structure that rewards policy innovation, establish consumer financial protection bureau, localize internet financial supervision entities and construct "safe harbor" system for internet finance.

Legislators should take into account that when modifying existing laws or creating new ones, a level playing field should exist between all financial services providers. Legislation should also avoid a situation in which sci-tech company apply ledger technology and are heavily regulated for doing so, while new sci-tech companies apply ledger technology for the same purposes but remain unregulated. The same regulated services should be subject to the same legal requirements. The various services offered by various market participants could be mapped and regulated accordingly [6].

References

1. Yulian, X., Z. Wenyang, and Z. Tao, Construction and application of evaluation index system of sci-tech finance maturity. *Science & Technology Progress and Policy*, 2017. 11: p. 118–124.
2. Yanjuan, C. and Z. Xia, Positive Analysis on Sci-tech Finance and Development of High-tech SMEs. *Economy and Management*, 2013: p. 10.
3. Xiao-lin, N. and Z. De-huan, Research on the Connotation of Sci-tech Finance, Financial Growth Cycle and Sci-tech Finance System. *Journal of Beijing College of Finance and Commerce*, 2017.
4. Wiener, J.B., The regulation of technology, and the technology of regulation. *Technology in Society*, 2004. 26(2-3): p. 483–500.
5. Coates IV, J.C., Cost-benefit analysis of financial regulation: Case studies and implications. *Yale LJ*, 2014. 124: p. 882.
6. Priem, R., Distributed ledger technology for securities clearing and settlement: benefits, risks, and regulatory implications. *Financial Innovation*, 2020. 6(1): p. 1–25.

СОДЕРЖАНИЕ

Лазарчук Е.А. ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ДЕТЕРМИНАНТАМИ.....	3
Ласточкина С.И. ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ИЗ СОСТАВА ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ ДЛЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	6
Лосев С.С. ГОСУДАРСТВО КАК ОБЛАДАТЕЛЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.....	12
Лысаковская Ю.А. ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ АГЕНТСКОГО ДОГОВОРА В ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	18
Маковій В.П. ВРЕМЕННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В СОДЕРЖАНИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.....	23
Максименко Е.В. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ.....	26
Мандрик А.Е. ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ АКЦИОНЕРОВ В СИСТЕМЕ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ БАНКОМ.....	31
Манкевич И.П. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	35
Мамчиц Т.В. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОЦЕНКИ РАЗДЕЛИТЕЛЬНОГО БАЛАНСА ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В ФОРМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ.....	38
Михайлов А.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	42
Михалева Т.Н. ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ДЕЙСТВИИ: ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С УЧЕТОМ ПРАВА ЕАЭС.....	48
Привалов А.А. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АРЕНДЫ ИЗОЛИРОВАННЫХ ПОМЕЩЕНИЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В СОБСТВЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	53
Протасовицкий С.П. СУЩНОСТЬ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОРПОРАЦИИ.....	56
Рагойша П.В. ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО НАКОПИТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	61
Роговский А.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ТОВАРИЩЕЙ ПО ДОГОВОРУ ПРОСТОГО ТОВАРИЩЕСТВА.....	67
Руденя Ю.Е. ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.....	70
Савельев А.В. ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН НА ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ.....	75
Самусев Е.А. ПРАВОВОЙ СТАТУС ПАРАБАНКОВСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ФИНТЕХ КОМПАНИЙ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ.....	78

Сасс А.В. МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ ВЕРТИКАЛЬНЫЕ, СОГЛАШЕНИЯ В РАМКАХ ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	82
Савенко Н.Е. РЕЖИМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ	87
Самоховец М.П. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ФОНДОВ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС.....	93
Свит Ю.П., Щербакова М.А. УСЛОВИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ О ВОЗНАГРАЖДЕНИИ ПОКУПАТЕЛЯ И СКИДКАХ ПРИ ПРОДАЖЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ТОВАРОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ	97
Селезнев Ю.В. ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В ПЕРИОД СМЕНЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПАРАДИГМ.....	99
Семашко Д.В. О ПРОБЛЕМЕ ДЕФИНИЦИИ ИНВЕСТИЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СПОРАХ.....	104
Сидорчук В.К. О ВВЕДЕНИИ СПЕЦКУРСА «ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА» НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БЕЛРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА	109
Силивончик А.Г. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ О БАНКРОТСТВЕ БАНКА.....	113
Скобелев В.П. ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО КАК МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ: О НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ.	117
Солянкина Н.А. РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК ОДНОГО ИЗ ВИДОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	124
Телятицкая Т.В. ЗАЩИТА СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ	128
Терехов К.В. СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ ДОГОВОРА О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ.....	133
Томкович Р.Р. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ФИНАНСОВОГО РЫНКА	138
Ульянова Е.С., Смыр Д.С. ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ.....	142
Уржинский К.К. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	149
Федотов В.А. ПОЛИСИСТЕМНЫЙ РЕЖИМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОРМ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ, ИМЕЮЩИХ ТЕСНУЮ СВЯЗЬ С ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЕМ.....	152
Халецкая Т.М. ЕДИНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: НА ПУТИ СОЗДАНИЯ	157
Хватик Ю.А., Малинка Т.В. ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КЛИНИК (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ).....	162
Царева Л.В. СИСТЕМА АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ	165
Цырусь И.В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА МИКРОФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	172

Шпаковская В.В. НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ КАК ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....	177
Шимкович М.Н. СРОК ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ ПО ТРЕБОВАНИЯМ, ВЫТЕКАЮЩИМ ИЗ ДОГОВОРА СТРАХОВАНИЯ, И ПОРЯДОК ЕГО ИСЧИСЛЕНИЯ.....	180
Яночкина Н.И. ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРИНЦИПОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ХОЗЯЙСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	186
Haurylchanka Y, Wenjing P. THE MAIN ASPECTS OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION IN THE FIELD OF E-COMMERCE IN CHINA.....	191
Haurylchanka Y, Jianyong C. LEGAL REGULATION OF SCI-TECH FINANCE AND ITS EFFECTS TO SCI-TECH INNOVATION OF CHINA	194

Научное издание

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ
ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ**

**Материалы международного научно-практического
круглого стола**

Минск, 21 октября 2021 г.

В двух частях

Часть 2

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. Л. Бондаренко*

Подписано в печать 06.12.2021. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 11,70.

Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика